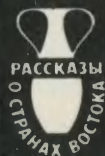
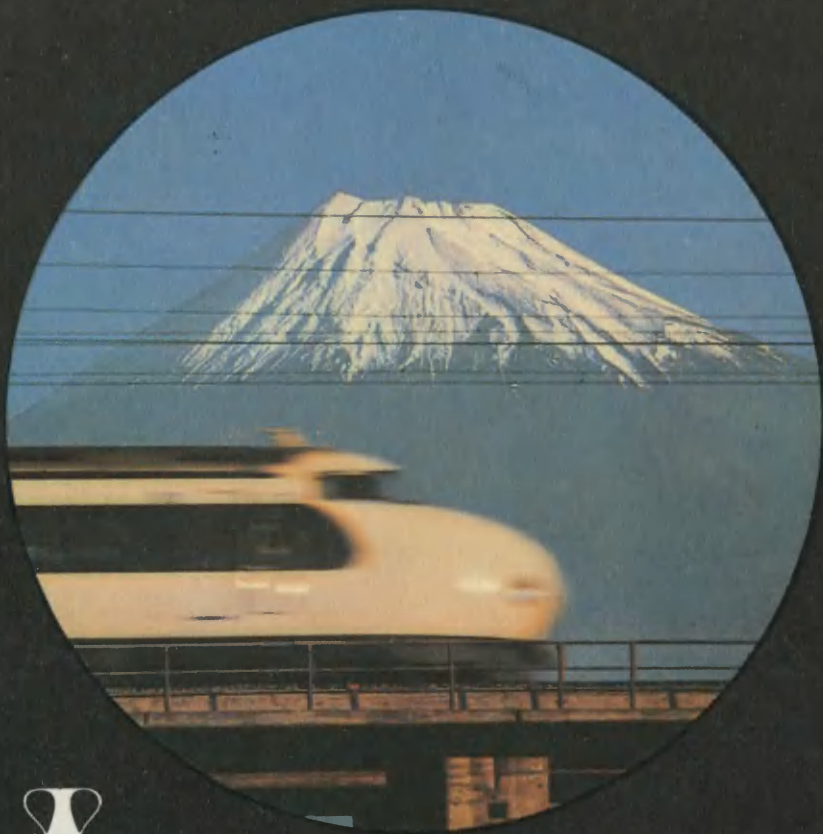

ИРИНА СТРАЖЕВА

Со скоростью «Хиかり»

Серия
основана
в 1957 году

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИРИНА СТРАЖЕВА

Со скоростью „Хикари“

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

ББК 66.3 (5Я)
С 83

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
Л. М. БЕЛОУСОВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
К. О. САРКИСОВ

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Стражева И. В.

С 83 Со скоростью «Хикари». — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 200 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-017019-4

В книге освещена деятельность Общества японо-советского сотрудничества, описаны встречи с японскими активистами этого общества и работниками ряда предприятий. Рассказывается об особенностях жизни японцев, их нравах, традициях, праздниках.

С 1805030000-148
013(02)-90

Без объявления

ББК 63.3 (5Я)

Научное издание

Стражева Ирина Викторовна

СО СКОРОСТЬЮ -ХИКАРИ-

Редактор И. А. Призаускене. Младший редактор Н. В. Бершвили. Художник В. В. Локшин. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор Г. П. Каткова

ИБ № 15856

Сдано в набор 02.08.89. Подписано к печати 29.06.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. п. л. 10,5+1,26, вкладка на офсетной бумаге. Усл. кр.-отт. 18,69. Уч.-изд. л. 12,92. Тираж 15 000 экз. Изд. № 6793. Зак. № 2700. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано с диапозитивов в типографии «Красный пролетарий» Заказ 1297.

ISBN 5-02-017019-4

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»,
1990

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Есть некая закономерность, замеченная давно,— тот, кто многие годы профессионально занимается какой-нибудь страной, пишет о ней с большим трудом. Тот же, кто приезжает в страну впервые и открывает ее для себя, как правило, не мучается терзаниями, смело пишет о ней.

Я говорю об этом отнюдь не в упрек книге, которую рекомендую читателю. Лично я считаю, что отмеченная закономерность— явление вполне нормальное и даже в определенной мере отрадное. Мы знаем немало примеров, когда из-под пера «непрофессионалов» по Японии выходили блестящие труды, а представленные в них наблюдения, размышления и идеи были настолько глубоки и точны, что им вполне могли бы позавидовать специалисты-японоведы. К такой книге, например, можно отнести работу К. Симонова «Япония. 1946» и др.

Ирина Стражева, не претендующая на то, чтобы ее ставили в один ряд с прославленными литераторами, решила представить на суд читателя свою книгу, имея для этого основательные причины. Во-первых, в литературе она не новичок. Ее перу принадлежит ряд работ, дневников путешествий по Китаю и другим странам. Эти книги были хорошо встречены у нас в стране. Во-вторых, Япония настолько поразила автора, что она просто не могла не сесть за стол и не написать книгу о стране, потрясшей ее воображение необычностью, яркостью, высоким уровнем культуры, как современной, так и традиционной.

Предлагаемая книга— это необычный жанр, которому, вероятно, трудно найти строгие литературные дефиниции. Это дневниковые записи человека, дважды в течение короткого периода времени побывавшего в стране и с тщательностью и дотошностью, порой кажущимися даже излишними, описавшего все, что он видел, слышал, прочувствовал и познал. Затем к этому были добавлены сведения и наблюдения, почерпнутые из других книг, источников, доступных и труднодоступных обычному читателю. Автор книги— человек увлеченный, любознательный, пытливый, энергичный, отличается восторженностью, вполне оправданной, когда пишешь о стране, впервые побывав в ней.

Книг о Японии написано немало. И это естественно. Страна действительно необычна, интересна и привлекательна. Несмотря на обилие исследований по Японии, она во многом остается непознанной. В ней столько глубинных пластов, связанных с историей, социологией, национальной психологией, этнокультурными особенно-

стями, что сами японцы признаются, что плохо еще знают себя, свое общество. Приезжающего в Японию прежде всего поражает уникальное соединение здесь Востока и Запада. Восток представлен традиционной архитектурой, уличными праздниками, красочной одеждой, узкими и шумными по праздникам улицам, вежливым и нередко церемонным отношением друг к другу. Запад ощущается в блеске вечерних проспектов, изобилии автомашин новейших марок, чистоте и аккуратности городов (впрочем, спорно, можно ли это качество отнести к чисто западному), в смелости и изяществе современных высотных зданий, в повседневной европейской одежде японцев, в потребительском изобилии товаров, выплеснутых из магазинов прямо на улицы, компьютеризованности быта и одновременно, хотя и редко,— в социальных язвах.

Правильно понять все, что было в прошлом и есть в настоящем в этой стране, непросто. Прошлое специфично, а настоящее динамично настолько, что едва улавливаешь меняющиеся контуры проблем. Собственно, все эти общие замечания необходимы для того, чтобы сделать вывод: о Японии написано много, но еще больше должно быть написано. Предлагаемая книга, пусть и скромный, но вклад в «банк знаний» о Японии. Она вызовет интерес у тех, кто приступает к изучению Японии. В ней много первоначальных и основополагающих сведений об этой стране. Она познавательна. Несомненное достоинство книги—панорама портретов простых конкретных японцев. Их много в книге, сведения о них и разговоры с ними приводятся скрупулезно. У автора вообще склонность к документальному описанию мелких предметов быта, одежды, пищи, интерьеров. И вместе с этим—поэзия, цветы.

Предлагаемая книга написана добрым человеком. Доброта как писательское качество напоминает магический луч, который по своему освещает все, что нас окружает. И здесь, в книге, добрый взгляд создает определенное настроение, которое сопровождает читателя в течение всего времени.

Книга как бы делится на две части, одна о Японии, другая об общих проблемах человеческого бытия, о космонавтике, о медицине и др. Эти страницы написаны также увлеченно, со знанием дела. Наконец, «Со скоростью „Хикари“»—это дань самоотверженному труду активистов японских обществ дружбы с Советским Союзом, по линии которых автор побывала в стране. Это уважение к людям страны, где слово «советский» нередко в лучшем случае звучит как нечто далекое и малоизвестное, в худшем—как сигнал какой-то тревоги. Впрочем, времена, к счастью, меняются, и сейчас это слово все больше вызывает в Японии удивление, интерес и, несомненно, симпатию.

К. Саркисов

ДВА ПРЕКРАСНЫХ ВРЕМЕНИ ГОДА

Мне посчастливилось дважды побывать в Японии. Первый раз я прилетела в Страну восходящего солнца осенью, в ноябре 1984 г. Ветви деревьев в эту пору уже сбросили красочный наряд. Неоднократно омытая дождями листва лежала ковром у подножий деревьев, между кустами, на дорожках парков и скверов.

Вторая встреча с Японией состоялась в апреле 1986 г. Была весна, и бело-розовое пушистое покрывало из цветов лежало на деревьях декоративной дикой вишни. Миллионы японцев любовались цветением сакуры.

— Вам очень повезло,—сказал японец, летевший той же весной из Москвы в Токио.— Не каждому иностранцу удастся увидеть в Японии два самых прекрасных времени года. Наши художники создали немало картин, посвященных и весне и осени.

— И не только весне и осени,—заметила я.— Японская живопись так многолика. Замечательны школы Тоса и Кано. Лично мне очень нравятся пейзажи Хиросигэ и знаменитые красавицы на гравюрах Утамаро.

Японец одобрительно закивал головой. Тут же спросил:

— Вы, случайно, не художница?

— Нет. Много читала о Японии и знакомилась с творчеством японских художников. Я люблю живопись.

— Осенняя тема привлекает не только художников,—продолжил разговор японец.— Осень так вдохновенно воспевал живший в средние века Мацуо Басё и другие японские поэты.

Мне тут же припомнилось одно из стихотворений Басё, посвященное осени. Я прочла его моему собеседнику:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко...
Осенний вечер!

Пер. В. Марковой

— О, вы знаете Басё!—воскликнул японец.— Его стихотворения очень популярны у нас в Японии. Вы сами не пишете стихи?

— Мой отец, Виктор Стражев, был литератор и поэт. Я стихов не пишу. Но как у каждого человека, любящего поэзию, у меня есть любимые поэты. Мацуо Басё в их числе.

Басё—это литературный псевдоним Манэфуса. Он родился в 1644 г. в японском городе Уэно и прожил всего пятьдесят лет. Многие в его творчестве навеяно легендами, сказками, народными обычаями. Когда-то Басё сказал одному из своих учеников: «Тот человек, который за всю свою жизнь создал всего три—пять превосходнейших стихотворений,—настоящий поэт. А тот, кто создал десять,—уже замечательный мастер».

Японец с вниманием выслушал меня:

— Раз вы любите поэзию и живопись, японская весна, с которой вам предстоит скорая встреча, придется по душе. Сейчас цветет сакура. Она никого не оставляет равнодушным. Кстати, у Басё есть стихотворения, посвященные сакуре.

— Да, я знаю одно его «весеннее» стихотворение. Оно звучит так:

Перед этой вишней в цвету
Померкла в утренней дымке
Пристыженная луна.

Пер. В. Марковой

Припомнилось мне и стихотворение другого известного японского поэта, Ки-но Цураюки, жившего в конце IX—начале X в. Я тоже прочла его вслух:

Туман весенний, для чего ты скрыл
Те вишни, что окончили цветенье
На склонах гор?
Не блеск нам только мил,—
И увяданья миг достоин восхищенья!

Пер. А. Е. Глускиной

— О!—вновь воскликнул японец.—Вы хорошо знакомы с нашими художниками и поэтами! Если позволите, хотелось бы спросить: как вы относитесь к творчеству наших писателей, наших классиков? У вас тоже есть любимые японские писатели? Как у нас, например, ваши Достоевский, Пушкин, Тургенев, Толстой, Чехов.

— Конечно, есть. В Советском Союзе, особенно в последние годы, на русский язык переведено много произведений японских писателей. Мне нравятся повести Тацуо Миура. И, конечно, знаменитые «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон, «Гэндзи моногатари» писательницы Муракики Сикубу, «Записки из кельи», которые написал Камо-то Тёмэй. И еще эмоциональная

повесть «Исэ моногатари», где так удачно сочетаются проза и стихотворный жанр.

Японец смотрел на меня с нескрываемым любопытством.

— Хочу спросить, если не секрет: какой лично у вас основной бизнес? Мне известно, что в Советском Союзе женщина может выбрать себе наравне с мужчиной любую профессию. Может быть, вы японистка?

— Нет, я не японистка. Но, как уже сказала, Японией интересуюсь давно. А насчет выбора профессии... Вы сказали верно: женщинам в нашей стране открыта дорога в любую отрасль знаний. Ну а мой «бизнес», если так можно сказать,— это наука динамики полета. Я доктор технических наук, профессор. Динамика полета самым тесным образом связана с авиацией и космонавтикой. И должна вам сказать, что в этой, на первый взгляд сугубо технической науке есть тоже своя романтика.

— Хай! Хай!— дважды повторил японец.

Это означало, что он понял смысл моих слов.

Когда мы прощались в японском аэропорту Нарита, он протянул мне свою визитную карточку и долго кланялся. Японцы не привыкли к рукопожатиям.

...Итак, две встречи с Японией в два самых прекрасных времени года: осенью и весной.

Часть первая

К БЕРЕГАМ ЯПОНСКОГО АРХИПЕЛАГА

Какая она, Япония?

Табло засветилось знакомыми фразами: «Не курить! Пристегнуть ремни!». И на русском, и на английском языках. Значит, через несколько минут скоростной авиалайнер Ил-62М, выполняющий международный рейс Лондон—Москва—Токио, оторвется от взлетной полосы Шереметьева и возьмет курс на Токио. Начнется десятичасовой беспосадочный полет.

С вылетом из Москвы мы немного задержались, в связи с тем что самолет вовремя не прибыл из Лондона. В зале ожидания людей, вылетающих в Японию, было немного. Почти все европейцы.

Один из пассажиров в черном кожаном пальто, нервно поглядывая на часы, то и дело обращался за информацией в справочное бюро аэропорта.

— В Англии все еще туман,—досадливо и громко повторял он, отходя от окошечка.—В этом Лондоне так часто нелетная погода!

Но самолет из Лондона все же прибыл. Московская группа, пройдя все таможенные и выездные формальности, присоединилась к транзитным авиапассажирам. Все ждали объявления о начале посадки в самолет.

С интересом разглядывала я будущих попутчиков. Транзитные пассажиры в основном японцы. Смуглые лица. Невысокий рост. Густая шапка черных волос. И почти у каждого в руках складной зонт.

Неподалеку от меня стоят две японки средних лет и умеренной полноты. Обе в монашеской одежде. Одна из них поминутно прикладывает к вискам ладони рук. Видимо, сильно разболелась голова. Вторая все поглядывает на гитары, которые многие японцы успели купить в магазине «Березка» здесь, в помещении аэровокзала.

Монахиня смотрит на ручные часы и вздыхает: купить гитару не успела, уже объявлена посадка.

Япония—шестнадцатая зарубежная страна в моем заграничном «путевом листе». Год работала в Китае,

принимала участие в научных симпозиумах, проходивших в Англии, Австрии, Италии. Бродила по улицам Парижа и Праги, Нью-Йорка и Афин, Стамбула и Севильи, Рима и Венеции. Радовалась давно желанной встрече с Азорскими островами и была в какой-то степени горда, что прошла без всяких осложнений по краю Бермудского треугольника. По пути в Америку наш теплоход занес туда сильнейший десятибалльный шторм.

Пятнадцать государственных границ. Теперь предстоит пересечь шестнадцатую, воздушную, с Японией.

Москва провожала яркими ночными огнями. И мне казалось, что, мигая, они по-доброму желают тем, кто покидает советскую столицу, и приятного пути, и предстоящей мягкой «японской посадки».

Наша делегация летит в Японию в дни месячника японо-советской дружбы. Нас всего двое, две женщины: Марет Ульвик и я.

Марет Ульвик — уроженка Галлина, работает инженером-экономистом на заводе «Норма».

Безопасность движения на дорогах в большой степени гарантируется наличием привязных ремней. Такие ремни, как подтверждает статистика, намного уменьшают неблагоприятный исход при аварийных ситуациях. Ремни безопасности для водителей автомашин изготавливаются на заводе, где работает Марет Ульвик. А еще на заводе «Норма» делают детские игрушки. Они хорошего качества, и спрос на них велик.

Движение за дружбу Японии с Советским Союзом давно нашло признание у японской общественности. В нем участвуют общество «Япония — СССР» (ОЯС), Общество японо-советской дружбы (ОЯСД), Общество японо-советских связей (ОЯСС), Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами (ЯАКС), Парламентская ассоциация японо-советской дружбы (ПАЯСД), Ассоциация японо-советской торговли (АЯСТ). А еще есть Центр международных дружеских обменов (ЦМДО), Совет связи домов японо-советской дружбы и культуры на о-ве Хоккайдо.

Нашу делегацию пригласило Общество японо-советских связей. Оно начало свою деятельность в 1965 г., и первым его президентом до самой своей кончины был Ёситика Токугава, работавший директором музея в Нагое. Он — потомок феодала-сёгуна XVI в. Иэясу Токугавы.

ОЯСС относительно небольшая по своей численности организация. В ее составе предприниматели, связанные с Советским Союзом деловыми отношениями, ученые, студенты и преподаватели вузов, деятели

культуры, домохозяйки, интересующиеся жизнью советских людей. ОЯСС находится в Токио и пока не имеет отделений в других городах страны¹.

Президент Общества японо-советских связей г-н Такудзи Като — советник рыбопромышленной компании «Нитиро-гёгё», что в русском переводе означает «японо-русская рыболовецкая компания». Она была основана в 1905—1906 гг. и явилась первой промышленной компанией, завязавшей торговые отношения между двумя странами. В свое время ее президентом стал г-н Хирацука, активно поддерживавший бывшего премьер-министра Хатояма в вопросе восстановления японо-советских дипломатических отношений уже в 1956 г.

В числе крупных японских бизнесменов компании «Нитиро-гёгё» был господин Накати, член ОЯСС со времени его основания. Сейчас председателем правления ОЯСС избрана его супруга г-жа Аки Накати.

Книг о Японии в нашей стране издано много. К рассказу о жизни японского народа, древней и новой истории Страны восходящего солнца обращались и обращаются в своих публикациях литераторы, искусствоведы, историки, экономисты, политические деятели. В хранилищах библиотек и на книжных полках любителей книг достойное место занимают переведенные на русский и национальные языки произведения японских писателей и поэтов. Большой популярностью в Советском Союзе пользуется японская живопись, театральное искусство Японии, чайная церемония, знаменитая аранжировка цветов — икэбана. Регулярно делятся своими впечатлениями о происходящих в Японии событиях журналисты и корреспонденты газет.

Меня тоже давно интересовала Япония. Она представлялась мне родиной красивых легенд и мифов, поучительных сказок. И еще как страна ярких контрастов с ее обычаями и образом жизни.

Мне очень хотелось понять, как Страна восходящего солнца, долгие годы находившаяся в самоизоляции, вдруг сделала мощный рывок и за короткий срок стала одной из передовых стран мира. В поисках ответа на этот и некоторые другие вопросы я знакомялась с фундаментальными трудами историков-японистов.

В книге выдающегося историка-востоковеда Николая Иосифовича Конрада «Избранные труды истории» дается анализ буржуазной революции Мэйдзи, положившей в 1867 г. конец феодальному строю в Японии. Н. И. Конрад, в частности, пишет: «Буржуазная революция в Японии была не случайностью, не историческим парадоксом — страна подошла к ней вполне подготовленной: она имела развитую экономику, националь-

ный рынок в отношении многих видов товаров, хорошие пути сообщения, развитую банковскую систему; в ней была многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция; в ней действовали различные течения общественной мысли, образовавшие идеологическую почву для революционных преобразований. Наконец, к тому времени японское общество уже сложилось в то целое, которое на этом этапе социального развития истории называют нацией»².

Мои знания о жизни японского народа существенно расширились после знакомства с другими трудами историков-японистов, а также с книгами Бориса Пильняка, Константина Симонова, Ильи Эренбурга, Всеволода Овчинникова, Владимира Цветова и других авторов. Понравилось, как рассказал о Японии Джавахарлал Неру в книге «Взгляд на всемирную историю». Знакомилась я и с творчеством самих японских писателей, их классиков. Кому, как не им, рассказывать о своей стране?! И, конечно, не могла равнодушно пройти мимо поэзии.

Позволю себе опять вернуться к Мацуо Басё.

Это было давно, в конце XVII в. И в дождливую, и в ясную погоду по дороге, опираясь на посох, медленно шел бедно одетый странник. Ноша его была легка: две-три книги и флейта в вещевом мешке. Долгие десять лет ему сопутствовал «ветер странствий». Так заканчивал свою жизнь прославленный японский поэт Мацуо Басё, непревзойденный мастер «нанизанных строф» (рэнку) и трехстиший хокку. «Хокку нельзя составить из разных кусков, его надо ковать, как золото»,— говорил Басё своим ученикам. Его творческим девизом было «увидеть малое в великом».

Жизнь этого поэта с самых ранних лет заполнила поэзия.

«Басё хорошо знал жизнь простых людей Японии. Сын мелкого самурая, учителя каллиграфии, он с детства стал товарищем игр княжеского сына—большого любителя поэзии. Басё сам начал писать стихи. После ранней смерти своего молодого господина он ушел в город и принял постриг, освободившись тем самым от службы своему феодалу. Однако Басё не стал настоящим монахом. Он жил в маленьком домике в бедном предместье Фукагава, близ города Эдо. Хижина это со всем окружающим ее скромным пейзажем—банановыми деревьями и маленьким прудом во дворе—описана в его стихах»³.

Но зимой 1682 г. сгорела во время большого пожара «банановая хижина» Басё. Вот тогда-то он взял в руки посох.

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

Пер. В. Марковой

Умер Мацуо Басё в Осака.

И еще о поэзии. В одном поэтическом сборнике есть такое стихотворение:

Знай я, что старость
Хочет меня навестить,
Я бы запер дверь,
Сказал бы ей: «Нет дома».
И не принял бы ее.

Оно показалось мне удачным эпиграфом к рассказу о людях, приблизившихся к неизбежному «критическому» возрасту.

Впрочем, это уже небольшое отступление.

— У Японии кроме Ниппон и Нихон еще много других названий,—просвещал меня перед отъездом знакомый дипломат, долгое время живший в Токио.— Все они в какой-то степени отражают характер страны, ее особенности. «Страна восходящего солнца», «Зародыш утра», «Страна духов» и т. д. Одно из самых длинных ее названий, встречающихся в литературе, в переводе на русский язык звучит примерно так: «Страна, поросшая в низменностях своих тростником и уже более тысячи пятисот лет приносящая каждую осень рисовые колосья». Но, пожалуй, одно из правомерных названий—это «Страна вулканов».

Такое название не случайно для Японии. Ее сложение и рельеф—это еще не зажившие следы многочисленных разломов, опусканий, складчатого изгиба пластов, вулканических образований. Более 80% территории страны приходится на горы и холмы. Вулканов насчитывается около двухсот пятидесяти. Многие из них, прежде весьма активные, уже давно не тревожат местных жителей. Но пятьдесят по-прежнему на учете, и временами они напоминают о себе. Тогда из их недр выплескиваются потоки лавы, ввысь взлетают камни, и над пробудившейся горой поднимаются гигантские газовые облака.

Помню, я спросила тогда дипломата:

— Вы считаете название «Страна вулканов» наиболее удачным для Японии?

Он ответил несколько уклончиво. Сказал, что в марте 1964 г. его друг оказался свидетелем извержения

вулкана Сакурадзима. По его словам, пепел и камни взлетали тогда чуть ли не на двухкилометровую высоту.

— Но не волнуйтесь, этот вулкан далеко от Токио,— поспешил успокоить меня дипломат.— Вам не угрожает участь Плиния Старшего⁴.

Ни я, ни Марет Ульвик еще ни разу не ступали на японскую землю. Понятно, с каким интересом летим мы на это свидание.

Наши места в семнадцатом ряду третьего салона авиалайнера. Марет—слева от меня, а справа сидит солидный немолодой японец. Он все еще держит в руках складной зонт. Пока он только легким кивком головы поздоровался с нами и спросил, откуда мы летим. В лондонском аэропорту он нас не видел.

Я от многих слышала, что в отличие от большинства людей других наций японцы не очень разговорчивы в пути. И особенно с женщинами. Но, может быть, на этот раз будет исключение?

Высота—девять тысяч метров. Скорость полета—930 км в час. Пролетели над Котласом, Сыктывкарком, Подкаменной Тунгуской. Внизу то россыпь огней, то одинокие огоньки.

В салон входит стюардесса в сером костюме. Ее зовут Оля. Она предлагает купить на валюту сувениры. Наверняка в спешке не все успели их приобрести. В сувенирных наборах матрешки, советские фирменные сигареты, столичная водка, черная икра.

Наше внимание привлёк сидящий неподалеку японец. Он ведет себя несколько странно: непрерывно вертит в руках, как волчок, новую фетровую шляпу. Отгибает поля, с силой колотит по доньшку и многократно повторяет: «Хай! Хай!».

Восклицание «хай» очень распространено в обиходе японцев. Иногда оно означает «понял», иногда «да». При общении с японцами мы постоянно потом будем слышать слово «хай».

«Японец, который на каждую фразу откликается словом „хай“, отнюдь не всегда выражает согласие с вашими словами, а просто говорит: „Так, так, продолжайте, я вас слышу“»⁵.

Знакомимся с моим соседом справа. Нам с Марет повезло: японец хорошо знает русский язык и говорит почти без акцента. Он возвращается домой из длительной командировки. Приезжал в Советский Союз по делам своего бизнеса. Кроме Москвы посетил Ленинград и Киев. Если мы не обидимся, он скажет, что

Ленинград ему понравился больше Москвы. Мой сосед рад, что его попутчицы до Токио — советские женщины. Разговорная практика, по его твердому убеждению, всегда приносит большую пользу.

— Мы, к сожалению, не знаем японского языка, — говорит Марет.

— Он ненамного труднее вашего, — улыбается японец. — У нас только сложно писать иероглифами.

Начавшийся разговор прерывает вошедшая в салон вторая стюардесса. Ее, как и первую, тоже зовут Оля. Во втором салоне обе стюардессы — Татьяны.

Оля просит минуточку внимания: необходимо прослушать «важную информацию». Стоя у двери салона, она демонстрирует, как надо пользоваться специальным надувным жилетом. Часть нашего воздушного пути будет проходить над морем. В жизни всегда могут возникнуть непредвиденные ситуации, поэтому Аэрофлот обеспечивает каждого пассажира надувным жилетом. В случае «нештатной ситуации» не надо терять самообладания. В карманчике жилета есть свисток и сигнальная лампочка. Пользоваться ими надо так... Оля показывает свисток и лампочку.

— У каждого авиапассажира жилет находится под сиденьем кресла. Можете проверить, — заканчивает Оля свою информацию, дублируя все сказанное ею на английском языке.

Бизнесмен (так мы с Марет окрестили моего авиаседа) опускает руку под сиденье. Убедился: жилет там есть. Спрашивает чуть смущенно:

— Я лечу не в первый раз, но до сих пор не знаю, сколько времени можно продержаться на воде в таком спасательном костюме? А если появятся акулы, тоже надо свистеть?

Успокаиваем бизнесмена: жилет рассчитан на долгий срок. А насчет акул... В одном из карманчиков жилета должен быть специальный порошок, запаха которого не выносят морские хищницы.

— Аригато! — благодарит за разъяснение мой сосед. По-русски это слово означает «спасибо».

За бортом самолета темноту сменяет рассвет. Небо становится фиолетовым и постепенно голубеет.

Стюардесса «Оля номер один» предлагает на выбор чашечку кофе или прохладительный сок. Она с беспокойством поглядывает на двух японских мальчиков лет пяти. Они пришли из второго салона. Мальчики бегают по проходу, догоняя друг друга, поочередно взбираются на два пустых кресла и громко кричат.

Наш бизнесмен просит Олю налить ему грейпфрутового сока. Он говорит, что это очень полезный напиток.

Дома он пьет его утром и вечером, а днем — на работе.

— Я бы не возражал сейчас даже против грейпфрутовой ванны, — шутит бизнесмен.

Расшавившиеся мальчуганы, облачившись в лежавшие на креслах желтые пледы, — по-пластунски заскользили по ковровой дорожке. Достигнув нашего ряда, один из них, рыча как тигренок, приподнялся и неловким движением задел руку бизнесмена. стакан с соком оказался в «свободном полете»... По светлому пиджаку побежали грейпфрутовые ручейки. Вот и осуществилась мечта о грейпфрутовой ванне!

— Какой эмоциональный мальчик! — воскликнул бизнесмен. — Как он естественно рычит! Из него может выйти большой человек!

Он сказал что-то еще, но уже по-японски.

Признаться, я смотрела на своего соседа с недоумением. Ни одного осуждающего слова в адрес набедакурившего ребенка. И еще оказывается из маленького шалуна «может выйти большой человек»!

Вот и познакомилась «на практике» с системой воспитания детей в Японии. Я читала о ней.

У нас все начинается с непрерывных окриков и запретов со стороны старших. И лишь по мере взросления ребенка запреты смягчаются или снимаются вовсе. В Японии картина иная.

Забота о родившемся ребенке сначала полностью ложится на мать. Первые два года он с ней как «единое целое», как ее неотъемлемая часть. Ночью он спит вместе с ней, в дневное время большей частью находится на ее спине. Конструкция крепления ребенка настолько продуманна и удобна, что мать, не снимая со спины драгоценную ношу, может спокойно работать в такой связке. В магазинах, на улицах, в метро и электричках мы с Марет потом не раз увидим молодую женщину с перетянутой крест-накрест грудью и маленьким ребенком на спине. Правда, многие матери носят теперь детей также в удобных переносных колясках-корзинках.

Маленьких детей родители не бьют, голоса на них не повышают. В основе воспитания малыша — уговоры, личный пример, внушение чувства долга перед старшими.

«Никакой ворчливости, никаких строгостей, почти полное отсутствие телесных наказаний; давление на детей оказывается в такой мягкой форме, что кажется, будто дети сами себя воспитывают и что Япония — детский рай, в котором нет даже запрещенных плодов»⁶.

По мнению автора этого очерка Г. Востокова,

японские дети воспитываются на полной свободе, словно у них воспитательница «сама природа».

Об этой стороне жизни уже в более близкое время рассказывает и Всеволод Овчинников:

«Даже когда малыш начинает ходить, его почти не спускают с рук, не пытаются приучать его к какому-то распорядку, как-то ограничивать его порывы. От матери, бабушки, сестер, которые постоянно возятся с ним, он слышит лишь предостережения: „опасно“, „грязно“, „плохо“. И эти три слова входят в его сознание как нечто однозначное».

И далее:

«Короче говоря, детей в Японии, с нашей точки зрения, невероятно балуют. Можно сказать, им просто стараются не давать повода плакать. Им, особенно мальчикам, почти никогда ничего не запрещают. До школьных лет ребенок делает все, что ему заблагорассудится»⁷.

И ребенок, только еще осваивающий жизненные принципы, запоминает, что неподобающее поведение может привести к последующему осмеянию: общество отвернется от него.

Достигнув школьного возраста, ребенок поступает под строгий надзор учителей, воспитателей и родителей. В его жизнь входят первые ограничения. Ему внушают, что он должен избегать ситуаций, в которых он может «потерять свое лицо».

Но нынешнее время конца XX в. вносит в быт современной японской семьи свои неизбежные коррективы. Многие малыши рано отходят от домашней опеки. Большинство японских женщин, имеющих маленьких детей, устраиваются на работу по найму. У многодетных матерей много времени отнимает ведение домашнего хозяйства, и им трудно заниматься самыми маленькими.

В Японии широко развита сеть детских учреждений, таких, как ясли, детские сады и детские площадки. Они работают в дневные часы и охватывают подавляющую массу детей в возрасте от одного года и до шести лет. И хотя все эти учреждения платные, спрос на устройство в них ребятишек, как нам говорили, всегда велик.

Оля приносит пачку бумажных салфеток, протягивает ее бизнесмену. Он все еще занимается своим пиджаком. Утешает его:

— Пятен не останется. В нашей летной практике такие случаи уже бывали.

— Значит, часто летают такие смышленные малыши? — интересуется бизнесмен.

Стюардесса отвечает утвердительно, а сама с опас-

кой поглядывает на «тиграт». Они, рыча, приближаются к аварийному выходу. Но, к счастью, за ними пришла мать, увела мальчиков во второй салон. Оля облегченно вздыхает.

Теперь можно поговорить с моим соседом о Японии. Нам с Марет повезло: бизнесмен разговорчив и хочет поподробнее познакомить нас со страной, в которую мы летим. Слово бизнесмену.

— Японский архипелаг, как известно, со всех сторон окружен морем. Отсюда в стране множество гаваней, заливов, бухт. Древние люди думали, что Земля держится на «трех китах». Не знаю, как насчет всей Земли, но надежная опора Японии — это ее самые большие острова. Если хотите, назовем их тоже «китами». Четыре японских кита! Главный из них Хонсю, за ним можно назвать Хоккайдо. Пролив между ними наиболее широк из всех других, разделяющих остальные японские острова. Его можно пересечь за четыре часа. В 1987 г. должно открыться движение по подводному тоннелю между этими островами⁸.

Тоннель «Сэйкан» — грандиознейшее сооружение XX в. Его заслуженно называют «чудом современной техники».

Бизнесмен слегка морщит лоб, видимо, что-то припоминает.

— Да... Это будет самый длинный в мире транспортный тоннель. Его протяженность почти пятьдесят четыре километра. Сколько труда вложено в его строительство! Оно было начато еще в 1964 г.

Тоннель «Сэйкан» проходит через толщу гор, пробегает по прибрежным шельфам, углубляется под морским дном Сангарского пролива на сто метров. Практически здесь не один, а целых три тоннеля: главный, диаметром в одиннадцать метров, и два служебных, уже пятиметрового диаметра. По главному тоннелю пойдут поезда. Они побегут по бесшовным рельсам.

— После ввода в строй супертоннеля главный остров архипелага Хонсю и северный остров Хоккайдо станут как одно целое, — говорит бизнесмен. — Гигантская «большая система». Не правда ли, фантастика?!

Спрашиваем о примерной стоимости этого уникального сооружения. Бизнесмен понимающе закивал головой: вопрос законный.

— Все хорошее и новое стоит дорого. Весь комплекс оценивается примерно в три миллиарда долларов. Но такие затраты со временем должны оправдать себя.

В «большую систему» тоннеля «Сэйкан» входят не только поезда. Здесь шахты, мощнейшие грузовые лифты и полная компьютеризация всех служб контроля за работой огромного подземного хозяйства. Под надзором дисплеев, могучей современной техники будут находиться сейсмическая обстановка в стране, сила ветра, давление и температура по всей трассе тоннеля и уровень загазованности. Под контролем будет и работа насосов, откачивающих грунтовые воды.

— Ну а еще два «кита»? Это Сикоку и Кюсю?

— Да, они. Остров Кюсю—самый южный. Сикоку несколько поменьше его... Четыре «кита», на которые опирается архипелаг. Остальные острова, хотя их и много, уже небольшие по своим размерам. А эти четыре—мощнейшие «киты».

Марет наклоняется к моему плечу, шепчет тихонько:

— Может быть, ваш сосед связан с китобойным промыслом? Вы заметили, как горят его глаза, когда он произносит слово «кит»?

На о-ве Хонсю живет около 80% населения Японии, общая численность которого уже перешла за цифру 121 млн. Здесь около пятисот городов, в том числе Токио, Йокагама, Осака, Нагоя, Киото и Кобе. На Хонсю находится международный токийский аэропорт Нарита, где скоро должен совершить посадку наш авиалайнер Ил-62 М.

Одним из главных природных украшений о-ва Хонсю является, безусловно, гора Фудзи, поднявшая свою макушку до отметки 3776 м над уровнем моря. К рассказу о ней я вернусь еще не один раз.

Несколько слов о Хоккайдо, который японцы нередко называют «Страной грёз». Здесь нет дождливых сезонов и зимой обильны снега. Законная гордость острова—Саппоро, в котором в 1972 г. проходили зимние олимпийские игры. На них тогда успешно выступили советские спортсмены.

— Хоккайдо!—воскликает наш эмоциональный собеседник.—Какие там водопады, и как стремительно бегут реки! Туда приезжает очень много иностранных туристов.

В разговоре я несколько раз назвала Японию островной страной. Бизнесмен уточняет: правильнее назвать ее «страной растущих островов». За последние восемь-десять лет площадь страны хотя ненамного, но увеличилась. С одной стороны, за счет естественного процесса подъема береговых линий нескольких островов. С другой—в итоге активного воздействия человека. С помощью современной техники люди отвоевывают у моря часть его владений.

— Давно была высказана идея о создании «плавающей Японии»,— говорит бизнесмен.— Искусственные благоустроенные острова будут дрейфовать в открытом море. Они будут безопасными при землетрясениях. Можно будет широко использовать энергию морских приливов и свободно кочевать из одного полушария в другое. Не надо забывать, что больше всего на нашей планете воды—71 процент.

— Это уже немного из области фантастики,— высказываю я свое мнение.— А штормы? Цунами?

Бизнесмен убежден: «плавающая Япония» очень перспективный проект.

Однако существуют и другие перспективные проекты расселения людей не в таком уже далеком будущем. Для этого надо, например, обратиться к космонавтике и вспомнить об «эфирных поселениях» Циолковского. Сейчас я расскажу об этом.

Гениальный русский ученый Константин Эдуардович Циолковский думал не только о том, как преодолеть силу тяготения Земли и других небесных тел. В его научном наследии нашли свое отражение грандиозные планы последовательного освоения природных ресурсов не только Земли, но и других планет солнечной системы. Для строительства «эфирных поселений» в космосе человек сможет использовать, например, сырьевые ресурсы малых тел—астероидов. Разве это не заманчивая перспектива?

Бизнесмен с вниманием выслушал мой рассказ. Он явно огорчен: не знал о таком интересном проекте Циолковского! Но о наших достижениях в области изучения космоса и о советских космонавтах он самого высокого мнения. Когда Гагарин приезжал в Японию, он близко видел его. Какой это был обаятельный и общительный человек! Как жаль, что легендарный космонавт так рано ушел из жизни.

Марет переводит разговор в несколько иную плоскость. Она хочет узнать, какая погода нас ждет в Токио.

— Нас предупредили, что в Японии сложные климатические условия. Поэтому в наших чемоданах летят и теплые, и легкие вещи. Все-таки время осеннее...

— Человек всегда должен быть предусмотрительным,— замечает бизнесмен.— Это хорошо, что вы захватили с собой теплые вещи. Погода у нас нередко преподносит сюрпризы. Сказывается близость морей, теплых и холодных океанских течений.

Он поднимает вверх правую руку, сжимает кулак и затем быстро растопыривает пальцы.

— Мне понадобятся только четыре,— говорит он.—

С их помощью я попытаюсь объяснить вам, какие позиции влияют на климат нашей страны. Первая—ее большая протяженность с севера на юг.

Большой палец руки прижат к ладони.

— Далее. Всем известно коварство муссонных ветров, дующих зимой с суши на море, а летом с моря на сушу. Итак, зимние и летние муссоны.

К ладони прижат указательный палец. На долю третьего приходятся экваториальные течения. Как известно, морские глубины таят в себе много загадочного и противоборствующего.

— Ну а четвертая позиция,—плотно прижимает к ладони бизнесмен четвертый палец,—сложная топография гористой местности.

— Если можно, расскажите о «сливовых дождях»,—просит Марет.—Такое интригующее название.

Сезон дождей, связанный с нестабильностью атмосферы, приходится на июнь месяц. Называют его «сливовым», поскольку он совпадает с созреванием сливы. Бизнесмен говорит, что в эти дни кажется, что земля и небо на какое-то время поменялись местами: земля стала небом, а небо—землей. И тогда начинает действовать «мощнейший душ». Некоторые японцы утверждают, что дождь кончается только тогда, когда становится видимым дно океана, выплеснувшего из своих глубин всю воду. Но когда сезон дождей непродолжителен по времени и влаги мало, тоже плохо. Страна страдает в этом случае от нехватки урожая.

— Жизнь нашего народа не мыслится без риса,—поясняет рассказчик.—Рис сохраняет человеку здоровье. В мире есть семьсот сортов риса, если мне не изменяет память. В Японии выращивается сорок четыре. И лучший сорт—*моти-гомэ*. Рисовая рассада нуждается в обильной влаге. К тому же без достаточного количества дождей истощаются водные ресурсы. Это серьезная государственная проблема.

Он приумолк и задумался. Проблема воды волнует в наш век не только одну Японию.

— Что касается дождей,—продолжает он,—то от них всегда можно укрыться, раскрыв зонт. Он всегда с нами. Зонт складной, зонт-автомат. Зонт дома и на работе. Любой на выбор в магазине... Миллионы зонтов.

И опять мне тихонько шепчет Марет:

— Удивительно эрудированный человек! Может быть, его бизнес—зонты?

Бизнесмен предлагает перевести разговор на время года. Тема—всегда увлекательная и интересная. Первым берет слово наш «всезнающий» собеседник.

— У нас весна—начало всех начал. У вас учебный год начинается осенью, в сентябре, а у нас весной. Новички приходят в первый класс в апреле. И финансовый год в частных компаниях и правительственных учреждениях тоже начинается в апреле. Начало всему дает весна.

— Да, у вас многое отличается от других стран. К примеру, свои эры и летосчисления...

— Извините,—перебивает меня Марет.—Мы начали разговор с весны. У нас в Эстонии тоже очень любят это время года. Пробуждается природа и столько появляется надежд.

— Но у вас не цветет сакура,—разводит руками бизнесмен.—Она зацветает в марте в Куйси и затем передает эстафету цветения дальше, на север страны. В это время мы отмечаем один из любимых в Японии праздников. Он называется ханами, т. е. Праздник созерцания цветов. Когда-то он носил ярко выраженный философско-созерцательный характер. Теперь стал веселым народным гуляньем.

...Но отцветает и сакура. Дикая вишня не дает плодов и цветет всего одну неделю в год. Проходит прекрасное время года—весна. Провожая ее, Мацуо Басё пишет:

Весна уходит.
Плачут птицы. Глаза у рыб
Полны слез.

Пер. В. Марковой

Быстро пробегают и дни жаркого влажного японского лета. Самый теплый месяц—это август. К концу его небо все чаще и чаще покрывается густым слоем облаков. Происходит резкая смена ветров, налетают разрушительные тайфуны. Кустарники и деревья наряжают свои ветви в прощальные красные и желтые тона. В парках цветут хризантемы.

Что навеяла осенняя пора Мацуо Басё? Какие вызвала чувства?

«Осень уж пришла!»—
Шепнул мне на ухо ветер,
Подкравшись к подушке моей.

И поэт продолжает, грустя:

Осени поздней пора.
Я в одиночестве думаю:
«А как живет мой сосед?»

Пер. В. Марковой

Каждое время года дарит людям и свои радости, и свои печали.

Более получаса не смолкает бизнесмен. У него удивительно развита жестикуляция. Когда он говорит, то в движение приходят кисти рук, плечи и голова, которая так часто поворачивается из стороны в сторону. Я даже спросила его: каким видом спорта он занимается?

— О! — расплылся он в очередной улыбке. — Каким я занимаюсь спортом? Пинг-понг, бокс, каратэ...

И опять вверху ладонь с растопыренными пальцами. Но на этот раз счет идет по-японски: дойдя до пятого пальца и назвав «плавание», бизнесмен вдруг быстро опускает руку под сиденье. Вспомнил про спасательный жилет. Мы втроем дружно смеемся.

Япония — густонаселенная страна. По переписи населения 1 октября 1965 г., в ней проживало девяносто восемь миллионов. Причем более половины населения — горожане.

Жители Страны восходящего солнца — в основном японцы. Определяющим фактором однонациональности служит однородность японской нации по языку, обычаям и традициям. Живет в стране кроме японцев, согласно данным недавней переписи, около 600 тыс. корейцев, примерно 40 тыс. китайцев и 20 тыс. айнов.

Я спросила одного японского ученого:

— Скажите, почему в Японии так мало людей других национальностей? Насколько мне известно, у вас почти нет эмигрантов.

Немного подумав, он сказал:

— В Японии были эмигранты, в частности из России. Но обычно они не задерживались на долгий срок. Мы отличаемся своим укладом жизни, своим отношением к природе, своей национальной религией синто. Японцы тесно спаяны друг с другом вековыми традициями. К тому же мы живем на островной земле.

Но кто были все же самые первые жители этой страны? Кто заселял в древние времена архипелаг, протянувшийся вдоль восточного побережья Азиатского континента? Кого не испугали постоянные сильнейшие колебания почвы, огнедышащие вулканы, разрушительные свирепые тайфуны?

Классическая японская поговорка гласит, что самыми грозными в жизни человека являются: землетрясение, гром, пожар, отец. Статистика XX в. подтверждает: и сейчас в среднем четыре раза в день где-то колеблется японская земля.

В своем широко известном произведении «Записки из кельи» живший между 1154 и 1216 гг. придворный

поэт, ставший затем буддийским монахом-отшельником Камо-но Тёмэй, так описывает одно из сильнейших землетрясений, обрушившееся на Киото в 1185 г.:

«Вид его был необыкновенный: горы распадались и погребали под собой реки; море наклонилось в одну сторону и затопило собой сушу; земля разверзалась, и вода бурля поднималась оттуда; скалы рассекались и скатывались вниз, в долину; суда, плывущие вдоль побережья, носились по волнам; мулы, идущие по дорогам, не знали, куда поставить ногу. Еще хуже было в столице: повсюду и везде ни один храм, ни один дом, пагода или мавзоль не остались целыми. Когда они разваливались или рушились наземь, пыль подымалась, словно густой дым. Гул от сотрясения почвы, от разрушения домов был совсем что гром. Оставаться в доме — значило быть сейчас же раздавленным; выбежать наружу — тут земля разверзалась. Нет крыльев, значит, и к небесам взлететь невозможно; сам не дракон, значит, и на облака взобраться трудно. Мне думается, что из всех ужасов на свете самое ужасное — именно землетрясение!»⁹.

Много было горестных и трагических страниц в истории Японии, связанных с трудным характером островной земли, окруженной морской водой. И все-таки люди когда-то выбрали для своей жизни именно эти острова.

Специалисты расходятся во мнениях о происхождении японского народа. Археологи полагают, что среди первых жителей Японии были представители различных частей Восточной Азии и некоторых островов южной части Тихого океана. Считают также, что предки японского народа относились к этнической группе, известной как народность ямато.

Согласно наиболее распространенной теории этнической принадлежности японцев, они «произошли от смешения маньчжуро-тунгусских племен из Северо-Восточной Азии с малайско-полинезийскими племенами, пришедшими на юг Японских островов с островов Тихого океана и из приморских районов южного Китая».

Есть и такая точка зрения.

На островной земле жили когда-то «землерои». Японцы называли их «земляными пауками», «пещерными людьми», «маленькими людьми» и просто «карлика-ми». Роста они были невысокого и «могли спрятаться под листьями репейника». Одевались «землерои» в звериные шкуры и были очень воинственны. Женщины этого племени татуировали себя около рта и тыльную сторону кистей рук. Мужчины были безбородыми.

«Земляные пауки» жили в землянках-шалашах, защищенных от солнца и дождя крышами из коры деревьев. Остатки таких жилищ были обнаружены японскими археологами повсеместно. Это многочисленные круглые, овальные или четырехугольные ямы.

«В устройстве этих ям была известная правильность. Около ям найдено большое количество каменных стрел грубой работы из обсидана и яшмы, полированных топоров из шифера, глиняные сосуды и кухонные остатки... В найденных кухонных остатках были раковины вместе с кусками глиняной посуды и сломанными костями, орудия из рога и камня и другие предметы, служившие для украшения»¹⁰.

С «земляными пауками» успешно сражались айны. Они практически истребили их.

А что представляли собой айны, потомки которых еще и сейчас живут на севере Японии?

О них уже встречаются упоминания в трудах китайских историков ханской династии (189 г. до н. э.— 30 г. н. э.). Там их называют «волосатым народом, живущим за восточным морем».

Своим внешним видом айны отличаются от японцев. Мужчин украшает пышная окладистая борода. Но были ли айны первобытными обитателями Японских островов или просто пришельцами с Азиатского материка? Вопрос, на который пока нет однозначного ответа.

В течение долгого времени японцы воевали с айнами, называли их «варварами» и «северными инородцами».

Бизнесмен достает из черного дипломата японский иллюстрированный журнал. Показывает напечатанную в нем фотографию:

— Это наш император. День его рождения считается национальным праздником. Император Хирохито ученый человек. Занимается ихтиологией и морской биологией. Проводит эксперименты в своей лаборатории, оборудованной во дворце. У Хирохито много печатных трудов.

— У императора большая семья? Есть дети? Внуки?

— Семья большая,— отвечает бизнесмен на вопросы Марет.— Сначала рождались дочери, а 23 декабря 1933 года появился сын Акихито. Женат Акихито на Митико Сёда, дочери преуспевающего бизнесмена. Теперь у него двое сыновей и дочь. Старшему сыну двадцать четыре года¹¹.

— Известно, что после окончания второй мировой войны, в 1945 году, император Хирохито отказался от собственного обожествления. Сказал, что считает себя лишь символом государства. Это ведь так?

Бизнесмен вздыхает:

— Да, так. Для многих японцев такое заявление было равносильно удару грома. Император «не божественного происхождения»! Император Хирохито родился 29 апреля 1901 года и был коронован в 1926 году, после смерти своего отца императора Хару.

Сто двадцать четыре императора Японии... В числе их были люди, умудренные житейским опытом, были дети и отроки, несколько женщин.

По конституции от 11 февраля 1889 г. право наследования было предоставлено только лицам мужского пола.

Кроме жены-императрицы микадо мог иметь несколько наложниц. Если в его семье не было сыновей, то наследниками престола становились сыновья наложниц, точнее, первый по старшинству сын. Таких случаев в истории Японии тоже было немало.

Особое место в истории Японии занимает время правления сёгунов, ставших на долгий срок при наличии императоров фактическими правителями страны.

Первоначально сёгуном (полководцем, генералом) назывался военачальник, стоявший во главе экспедиционных войск. Такие войска направлялись в разные части страны для подавления восставших против императора племен. Звание «сёгун», дававшее большие привилегии, присваивалось временно, только до окончания очередной кампании.

В середине XII столетия двумя наиболее влиятельными кланами становятся семейства могущественных феодалов Тайра и Минамото. Их длительная борьба за власть заканчивается победой Ёритомо Минамото, выигравшего в 1185 г. решающее морское сражение при Данноура. Он и становится первым сёгуном — военным диктатором. Местом своей резиденции, где размещается бакуфу («полевая ставка»), Ёритомо избирает маленький рыбацкий поселок Камакуру. Вскоре Камакура становится «городом-крепостью», центром высшей и политической власти. Отсюда и название первого сёгуната — «камакурский» (1192—1333).

С этого времени деятельность императора ограничивается лишь выполнением официальных и традиционных церемоний.

В 1336 г. император Годайго пытается вернуть себе власть. Недолгое время существуют одновременно две столицы и, естественно, в каждой свой император. Война между «северным» и «южным» двором заканчивается в пользу «северного императора». Фактическим

правителем страны становится сёгун Ёсимицу Асикага. Муромати—так называется место, где находится его военная резиденция. Это пригород Хэйана (теперешний Киото). Муромати сёгунат (1338—1573)—второе военное правление в Японии.

Самым длительным по своей продолжительности был сёгунат Эдо, или сегунат Токугава (1603—1867).

«Переворот Мэйдзи 1868 г. уничтожил сёгунат Токугава. Вся полнота власти перешла формально к императору Мэйдзи (Муцухито), которому тогда было 15 лет, а фактически к той части дворянства, которая была недовольна сёгунатом и стремилась поставить Японию на уровень великих держав Запада. Переворот Мэйдзи был фактически незавершенной буржуазной революцией, сохранявшей монархический режим в стране»¹².

Сто двадцать четыре императора Японии. У каждого своя биография, своя судьба, своя роль в истории Японии.

Япония наших дней—парламентарная монархия. По принятой в 1946 г. конституции император является «символом государства и единства японского народа». Власть его сильно ограничена.

Разговор зашел о сложности японского летосчисления. В Японии существует несколько календарных систем и эр летосчислений. Это в первую очередь система, началом которой считается зарождение империи, т. е. год вступления на престол полумифического императора Дзимму (660 г. до н. э.). В VII в. японцы позаимствовали от китайцев систему циклического исчисления по эрам, т. е. по времени произвольной продолжительности. За начало очередной системы принималось вступление на престол нового императора, но во время его царствования девиз его правления менялся несколько раз, и отсчет начинался сначала. И только после революции Мэйдзи (1868 г.) уже стали вести отсчет по годам правления каждого императора.

В 1873 г. в Японии был введен григорианский календарь: сначала в официальных учреждениях, потом получил распространение и среди населения. В соответствии с этим календарем 1 января 2533 г. старого исчисления было объявлено днем 1 января 1873 г. Однако японцы все же не отказались от своей национальной системы отсчета по эрам императоров. Так, например, на титульной обложке книги, изданной в 1975 г., можно прочесть, что это одновременно и издание «от 50-го года Сёва», т. е. 50-го года правления императора Хирохито, посмертным для которого будет имя Сёва¹³.

— В этом году мы живем под знаком мыши,— говорит бизнесмен, доставший из кармана пиджака календарик, заполненный цифрами и соответствующими им иероглифами.

На обратной стороне календарика изображена голова мыши.

— Вы увидите такое изображение мыши на многочисленных рекламных проспектах этого года, на сувенирах и одежде,— продолжает он свой рассказ.— В прошлом году широко рекламировался год кабана. А в будущем году очередь быка.

В Японии широко распространен счет годам по двенадцатилетним циклам, имеющим чисто символическое значение, и соответствующим двенадцати знакам Зодиака.

В последние годы во многих странах мира, да и у нас в Советском Союзе, стало модным в канун Нового года обращаться к японскому календарю и по его приметам «прогнозировать будущее».

Согласно этому календарю, последовательно друг за другом идут годы мыши (крысы)— *нэ*, быка (вола)— *уси*, тигра— *тора*, зайца— *у*, дракона— *тацу*, змеи— *ми*, лошади— *ума*, овцы (барана)— *хицудзи*, обезьяны— *сару*, петуха— *тори*, собаки— *ину* и кабана (свиньи)— *и*. Так, годами мыши были— 1960, 1972 и 1984-й, а годами дракона— 1964, 1976, 1988-й.

Я спрашивала знакомых астрономов: как объяснить такую очередность? И один из них посоветовал мне познакомиться с легендой, в которой дается ответ на вопрос: почему год быка следует за годом мыши? Оказывается, дело было так.

Собираясь навести порядок, небесный владыка Будда пригласил к себе животных, претендующих на название годов. Бык, зная свою медлительность, решил отправиться в путь задолго до назначенного срока. Он не заметил, что на его хвост взобралась мышь. Бык шел долго, а когда приблизился к воротам небесной резиденции, мышь проворно соскочила с него и первой предстала перед Буддой. Потом подошли и другие претенденты, в том числе дракон, змея, петух. Будда каждому из них подарил по одному году, учитывая последовательность их прибытия.

Внизу заблестела океанская вода. Приближаемся к Токио. Авиалайнер начинает снижаться.

Небо сегодня как «подарок». Безоблачное, с синевой. Внизу хорошо просматриваются прижавшиеся к берегу корабли, разбежавшиеся вдоль береговой линии

рыболовецкие суденышки. Извилистая кромка островной земли четко прочерчивает морскую границу. И словно набегают друг на друга склоны гор и холмов. Внизу — Японский архипелаг, убегающая цепочка более трех тысяч больших и малых островов.

Смолкли двигатели. Мы в аэропорту Нарита. Пассажиры поднимаются с кресел, снимают с полок ручную кладь и направляются к выходу.

— У меня была отличная разговорная практика, — обращается ко мне бизнесмен. — Боюсь, что только утомил вас своими рассказами. Вот моя визитная карточка. Я, конечно же, должен был дать ее вам в самом начале нашего знакомства, но уж эти мне маленькие шалуны...

Он поглядывает на свой пиджак, еле заметно вздыхает: не порадовала грейпфрутовая ванна...

— А что касается Советского Союза, ваших людей, то они у меня здесь.

Он кладет ладонь левой руки на грудь, а правой медленно-медленно проводит по голове: они в его сердце и думах.

Быстро пробегаю глазами визитку.

— Так вы занимаетесь международным туризмом!

— Да, давно. Это интересная работа. К нам в Японию приезжает много туристов из разных стран мира. В зарубежную поездку отправляются и наши любители путешествий. Я лично сам исколесил более половины земного шара. Помогает в работе знание языков. Я не полиглот, но, как видите, даже с вами свободно обхожусь без переводчика. А еще неплохо знаю английский, французский, немецкий, чешский, испанский...

И вновь в воздухе ладонь руки с растопыренными пальцами.

— Спасибо за очень поучительный и интересный рассказ о Японии, — благодарит Марет.

— Слишком быстро прилетели, — сожалеет бизнесмен. — Я не успел вам рассказать о том, как появились Японские острова, о каплях, которые упали в море с божественного копья. Это очень красивая легенда. И еще немного о синто и буддизме. Без этого трудно понять многое в нашей стране...

— Аригато годзаймас! — прощаюсь и я с бизнесменом.

В переводе на русский язык мои слова означают «большое спасибо».

— Хай! — говорит наш приятный собеседник и быстро покидает салон авиалайнера. Мы с Марет понимаем: он очень торопится, его ждут дела.

О каплях, упавших в море

Японская история изобилует мифами и легендами. И главными действующими лицами в них сначала были боги и божества ками.

Первыми письменными памятниками истории Японии были книги «Кодзики» («Записки древности») и «Нихонсёки», или «Нихонги» («Анналы Японии»). Написаны они были на основе устных преданий на китайском языке. Своей письменности тогда в Японии еще не было. Первая книга увидела свет в 712 г. и, со слов некоего Хиэда-но Арэ, была составлена О-но Ясумаро. Составителем «Нихонсёки», вышедшей в 720 г., был принц Тонэри Синно.

Иэнаго Сабуро в книге «История японской культуры» пишет: «„Кодзики“ и „Нихонсёки“ имеют структуру исторического повествования, в котором в хронологической последовательности описываются родословная сменявших друг друга императоров, начиная с богов, которые считаются их предками, и различные события, происходившие в то время. Действительно, в обоих произведениях есть части, которые следует признать точной летописью исторических событий, и вместе с тем немало страниц представляет собой продукт чисто идеологического творчества, порой в них произвольно тракуются и искажаются исторические факты. Поэтому обе книги в целом нельзя считать историческими трудами»¹⁴.

Однако авторы многочисленных сочинений по истории Японии как у нас, так и за рубежом часто делают ссылки именно на эти две книги.

Так как все же возникли Японские острова? Какую роль сыграли капли, упавшие в море с божественного копья?

...Сначала повсюду был хаос, беспредельное пространство. Первыми его обитателями были два бесплотных бога. Один из них — центральное существо. Потом появились небо, звезды, Солнце, Луна и семь (по другим сведениям, двенадцать) поколений небесных богов. Эти духовные существа управляли Вселенной того времени. Жизнь их не была простой. Как потом у людей, здесь были раздоры, борьба за власть, любовь. Непросто было жить в созданном из хаоса мире и тем более разумно им управлять. Ошибаются даже боги!

Царствование богов длилось тысячелетия. Века вели свой отсчет. Последними из поколений огромного божественного клана были сотворены Идзанаги — бог вседарующий и Идзанами — богиня, порождающая желания. Волей их предков им было доверено создать

материальный мир, заняться возникновением жизни на земле, ее устройством.

Идзанаги и Идзанами... Они долго шли из небесных глубин по мосту Укибаси, сотканному разноцветьем радуги. Идзанаги встал на белое облако и опустил в хаотическую влагу доверенное ему богами священное копьё. Затем осторожно вынул его, поднял высоко над головой. И с копьё стали падать капли. Из первой застывшей капли образовался остров, носящий сейчас название Авази. На этом острове боги построили себе жилище и заключили брачный союз. Затем образовалось еще семь островов. Отсюда и одно из древнейших названий Японии — «Восемь больших островов».

Когда капли падали в море, рядом с ними образовывались пузыри. Они-то и стали потом вулканами, спутниками многих Японских островов.

Вулканы и зыбкость почвы... Видно, не все до конца продумали «небесные строители», расположив один из стыков тектонических плит непосредственно под Японским архипелагом. Отсюда и в Японии такие частые разрушительные землетрясения.

Итак, легенда гласит: образовались острова, вскоре покрывшиеся зеленью листвы и травянистым ковром, а от брака Идзанаги и Идзанами появилось много богов. Бог ветра, бог воды, бог лесов, бог грома, бог дождя... Правда, первенец оказался немощным и слабым. Родители посадили его в раковину и отправили на ней в море. Пусть станет богом морей и первым рыбаком вновь созданного мира.

Последним родился у Идзанаги и Идзанами бог огня. Он чуть не сжег свою мать обжигающим пламенем. Опечаленная этим событием, Идзанами удалилась в царство теней.

Мрачный мир тьмы, в котором все омерзительно и грязно. В поисках жены Идзанаги спустился в эту страну мрака. Он быстро вернулся оттуда один, преследуемый духами страшного ада. Бросил по дороге свой гребень. Потом из него выросли побеги стойкого и очень прочного бамбука. А из оброненного на землю головного убора произросли виноградные лозы.

Вернувшись на землю, Идзанаги опустил в стремнину и совершил церемонию очищения. И из каждой части его одеяния, каждой омываемой части тела рождались боги. Всего их родилось двадцать шесть. Идзанаги сам давал им жизнь. Так, из левого его глаза вышла дочь — Аматаэрасу-Омиками, или «Великая светлая богиня, освещающая небо». Из правого глаза — Цукиёми — бог Луны. А из носа — сын Сусаноо. Аматаэрасу досталось управление небом, Цукиёми — Луной, а

Сусаноо стал хозяином моря. Именно благодаря Сусаноо, как говорится в мифологии, на Земле стали произрастать хвойные деревья: японский кедр — хиноки и дерево маки. Сусаноо вырастил их из своих волос.

Не сложились дружеские отношения у старшей сестры и брата. Слишком дерзкими были выходки Сусаноо. Предел терпению Аматаэрасу положил последний неблагоприятный поступок брата, который перед отъездом «разрушил ограждения рисовых полей своей сестры, разорил ее огороды, засыпал мусором ее столовую комнату, сшиб крышу с мастерской, где у богини работали милостивые девушки-ткачихи, и зашвырнул туда шкуру дохлой лошади»¹⁵.

Рассерженная Аматаэрасу решила покинуть дом и спряталась в глубоком гроте. Плотно закрыла она за собой входной щит.

С исчезновением лучезарной богини все на земле погрузилось в непроницаемый мрак. В темноте, естественно, начались беспорядки. Боги пришли в смятение: как жить без солнечного света?! Стали думать: каким путем выманить затворницу? Погадали и на лопатке оленя, опуская нагретую на огне кость в холодную воду. По образовавшимся трещинам определяли судьбу Аматаэрасу. Посоветовавшись, боги решили построить полный великолепия дворец. Будут в этом дворце прозрачные стены, богатое убранство. Бог металлов позаботился об изготовлении восьмигранного зеркала, которое закрепили на специально посаженном у входа в грот дереве. Ветви дерева разукрасили сшитыми нарядами, редкими драгоценными камнями. Закончив все приготовления, боги в томительном ожидании собрались у входа в грот.

Думается, что зрелище было невиданным до этого на Земле. Боги, соревнуясь друг с другом, пели, играли на флейтах, цимбалах, арфах, били в барабаны. Импровизированным оркестром дирижировала богиня Амэ-но Удзумэ, одна из лучших музыкантш японского Олимпа. Заглушая звуки музыки, кукарекали петухи, сидевшие на специально сооруженных насестах. Такие насесты — два столба с перекладинами, у которых несколько приподняты концы, стали потом национальным символом Японии. Эти ворота тории, которые стоят при входе в каждый синтоистский храм, часто бывают окрашены в ярко-красный цвет.

Не смогла преодолеть своего любопытства Аматаэрасу, вышла из грота. Бог силы поспешил завалить в него вход. Аматаэрасу отвели во дворец, оградив вход в него соломенной веревкой, дабы избежать проникновения в здание злых духов.

Земным царством потом долго правил сын Сусаноо по имени Окунинуси-но ками. Но порядка на земле не было. По настоянию Аматэрасу с неба спустился ее внук Ниниго-но Микото. Вот его потомком стал, по преданию, первый «земной», полумифический император Дзимму. Он якобы и положил начало непрерывной династии последующих за ним японских императоров.

Символом императорской власти стали три предмета: зеркало, острый меч и связка яшмовых бус в парчовом футляре.

Что касается «подлинного» зеркала, в которое смотрелась Аматэрасу, то оно было завернуто в чехол и помещено в деревянный ящик. Никто из смертных не имел права смотреться в него. Зеркало хранилось в императорском доме до 92 г. н. э., пока император Судзин не принял решение поместить его—эту святыню—в другое, более надежное место. Постоянным местопребыванием священного зеркала стал синтоистский храм Дайдзингу в Исэ.

Святынище Исэ—это храмовой комплекс, состоящий из нескольких зданий. Главный храм построен целиком из ценной породы одной из разновидностей кипариса, дерева хиноки, и много раз перестраивался. По японскому обычаю древние святынища должны перестраиваться каждые двадцать лет.

Тысячи верующих разного возраста, богатых и бедных, старых и молодых, считали своим долгом хотя бы один раз в жизни посетить Исэ.

Вот вкратце все о каплях, упавших в море с божественного копья. Бизнесмен, летевший с нами из Москвы, возможно, внес бы в мой пересказ о возникновении Японских островов некоторые дополнения и разъяснения. Но в целом, как мне представляется, канва повествования изменилась бы мало.

Верующих больше, чем жителей

— Это верно, что число верующих в Японии намного превышает число живущих в стране людей?

С таким вопросом обращались ко мне многие мои собеседники, которым я, вернувшись из Японии, рассказывала о своей поездке.

Я отвечала утвердительно. В Японии большинство верующих исповедует одновременно две религии. Такое явление имеет свою многовековую историю. Будучи синтоистом, верующий может также принадлежать к одной или даже двум буддийским сектам или быть католиком, протестантом.

В газете «Asahi Evening News» от 18.05.1985 г. можно прочесть: «По данным официальных органов, в Японии сейчас насчитывается 117 млн. адептов синтоизма, 87 млн. буддистов, 1,5 млн. христиан, 15 млн. последователей других религий. Общее число верующих, таким образом, вдвое превосходит население страны. Это указывает на то, что многие японцы исповедуют сразу несколько религий (в основном синтоизм и буддизм). Практически ни одно здание в Японии, будь то жилой дом или завод по производству компьютеров, не обходится без освящения по синтоистскому обряду. Случаются и курьезы. Недавно настоятель одного из католических храмов выяснил, что при закладке нового здания его церкви был совершен синтоистский обряд»¹⁶.

Синто означает «путь богов». Отсюда и название этой древней японской религии — синтоизм. Многие японцы считают, что синтоизм это даже не религия, а скорее сочетание культа природы и культа предков.

Полумифический император Дзимму и все следовавшие за ним императоры, согласно религии синто, являются потомками богов Неба. Далее идут боги «более низкого ранга» — ками.

«Впрочем, син, или ками, — это не только боги. Это скорее духи, населяющие и одухотворяющие всю природу — небо, землю, светила, камни, деревья. Душа умершего тоже может стать ками. Ками может воплотиться в любой предмет — в зеркало, меч, деревянную фигурку или просто табличку с именем божества. Этот предмет — ситай (тело бога) — и является собственно объектом поклонения, сообщаящим святость всему храму»¹⁷.

В синто нет единого бога, есть мириады божеств, бесчисленное множество. Отсюда рождаются поклонения рисовым полям и хлебу, черепахам и моллюскам, лягушкам и обезьянам, акулам и волкам. Им поклоняются, строят в их честь храмы. Мне говорили, что в стране — 80 000 синтоистских храмов.

В этнопсихологических очерках «Японцы» В. А. Пронников и И. Д. Ладанов пишут:

«В некоторых районах Японии, особенно на побережье, с давних пор сохранилось поклонение черепахе. Рыбаки и теперь считают черепаху (камэ) божеством (ками) моря, от которого зависит их удача. Огромные черепахи у берегов Японии — не редкость. Если они попадают в сети, рыбаков будто бы ждет удача. Черепах осторожно вытаскивают из сетей, кладут на песок и начинают поить сакэ. Затем их отпускают назад, в море. В тех областях Японии, где черепах

употребляют в пищу, убивать их могут лишь «профессионалы», для которых это своего рода ремесло, передающееся из поколения в поколение»¹⁸.

«Иные японцы думают, что удачу и счастье принесет им стрекоза томбо, которая ассоциируется с храбростью и даже с национальным духом. Стрекозу воспринимают как воинственное насекомое, поэтому в прежние времена было принято носить предметы с изображением стрекозы. Этот обычай сохраняется и сейчас: изображение стрекозы можно увидеть на вещах, одежде мальчика. Такое отношение к стрекозе идет из глубины японской истории, когда Японию называли „землей стрекозы“. И теперь еще можно встретить в литературе слово „стрекоза“ как синоним Японии»¹⁹.

В этой книге приведено и много других интересных примеров.

Синтоистские храмы сначала были очень просты и единообразны. Типичный синтоистский храм («дзиндзя», или «дзингу») сооружался из «священного дерева» тиндзю-но-мори и располагался в окружении зелени деревьев. Под крышей — скромное святилище для хранения святыни и примыкающий к нему храм для молящихся. Иногда в этих храмах можно встретить изображения животных: оленей, лисиц, обезьян. Изображений богов в них нет.

В храмах синто обычно пусто. Украшает их зеркало — эмблема мифической праматери микадо и «всего японского народа» богини Аматэрасу, прозрачный хрустальный шар и «молитвы» — зубчатые полоски бумаги, висящие на стенах.

Неподалеку от входа в храм сооружаются два или одно тории. Около храма висит колокол, или гонг. Здесь же находится сосуд для омовения рук и стоит ящик для пожертвований.

Обилие святых, или ками, число которых все время увеличивается, приводит к большому числу праздников, как общих для всей страны, так и местных.

Как я упоминала выше, в ранг ками возводятся души многочисленных древних героев, духовных лиц, видных государственных деятелей, полководцев и даже поэтов. Все они становятся ками за особые заслуги, оказанные императору и стране. Станет тот или иной ушедший из жизни японец ками, определяют и оценивают император и его советники.

Теперь о буддизме. Как известно, он зародился в Индии. Его основателем является Гуатама, родившийся в 623 г. до н. э. В тридцать шесть лет он стал Буддой (санскр. «просветленный, или достигший прозрения»). Тогда он получил имя Шакья Муни.

В Японию буддизм проник в VI в. За одиннадцать веков, прошедших со времени его зарождения, буддизм сильно изменился.

«Жизнь — страдание, учит буддизм. Избавление от этого страдания — в уходе от жизни, в отрешении от всего сущего, в погружении в блаженный покой — нирвану. Эти основные положения признают все направления и школы буддизма. Различаются же они во взглядах на методы достижения нирваны»²⁰.

Процесс слияния синто и буддизма был сложным и длительным. Хотя пышность буддийского богослужения, учение о переселении душ и возможность достижения вечного блаженства и подкупали японский народ, но долгое время эта религия оставалась в основном ритуалом для части придворной верхушки. Многие японцы считали, что часто обрушивавшиеся на страну бедствия были в какой-то степени «наказанием за чужих богов».

В Японии буддийские секты — тэндай, сингон, дзэн и др. — возглавляли сами японцы. Учения сект тэндай и сингон были господствующими направлениями в японском буддизме IX—XI вв. Основателем в Японии секты тэндай был Сайтё (766—822), а секты сингон монах Кукай (774—835). Отличительной особенностью секты сингон была терпимость в отношении религии синто.

«Учения обеих сект и их характер способствовали дальнейшему сближению буддизма и синто. Важную роль в этом сыграла догма сингон, согласно которой вся вселенная есть проявление Будды. Исходя из этой предпосылки, нетрудно было отождествить синтоистские божества, представляющие различные силы природы, с соответствующими проявлениями Будды. Отождествление облегчалось также неопределенностью облика синтоистских божеств. Ведь в синтоистских храмах не было статуй и картин, изображавших kami, а легенды не давали материала для воспроизведения их облика. Поэтому ничто не препятствовало отождествлению kami с тем или иным проявлением Будды. Так возникло учение о том, что kami являются воплощениями — аватарами — соответствующих будд и бодхисаттв²¹. Оно получило название «рёбу-синто» — «двусторонний синто»²².

С созданием учения «рёбу-синто» связано имя известного буддийского монаха Кукая, получившего посмертно имя Кобо Дайси («Великий учитель, распространявший закон»). Это был мудрый политик и просветитель, поладивший с пятью императорами, аристократ по происхождению. Он писал стихи, трактаты по теории

поэзии, занимался архитектурой, владел искусством каллиграфии. Отказавшись от карьеры в государственном аппарате, он стал религиозным деятелем, буддийским монахом. Некоторое время Кукай жил в Китае.

Идентификация синтоистских и буддийских божеств привела к тому, что Аматаэрасу представилась воплощением будды Вайрочаны. К многочисленным ками присоединился и весь буддийский пантеон. Объектами верующих стали местные и буддийские боги.

Японцы посещали храмы обеих религий и выбирали себе наиболее понравившихся им богов. Многим импонировали украшенные идолами храмы, торжественность культов, мелодичный звон колоколов и аромат курений. В стране было построено много буддийских храмов и монастырей. Они имели свое хозяйство и даже войско.

В IX—XI вв. буддизм окончательно утвердился в Японии как государственная религия.

Союз двух контрастных по своему содержанию религий... В синтоистский храм ведут дорожки, посыпанные гравием. Верующие проходят через ворота тории. В этот храм их приводит «радость жизни». Здесь совершают ритуал по случаю рождения ребенка, а также брачные церемонии. В храмах синто отмечают и многочисленные праздники.

В буддийский храм, где верующих встречают статуи богов, идут по каменным плитам. Под его сводами прощаются с умершими, отдают дань глубокого уважения предкам. У буддистов есть только один радостный праздник — День поминовения усопших (Бон). Он отмечается в седьмое полнолуние, в середине лета.

Приведу одно из старых описаний этого праздника.

«Обычай приносить жертвы душам умерших сохранился у японцев до сих пор: во время праздника, посвященного поминанию душ усопших, родственники и близкие знакомые покойников три ночи подряд проводят на кладбище; они пьют, едят и над кладбищем стоит гул от голосов и веселого смеха; каждая могила украшена ярким пестрым фонарем; от времени до времени раздается треск ракет и фейерверка. На третью ночь в два часа все поминальщики отправляются к реке или заливу; они рассыпаются по берегу и пускают на поверхность воды тысячи соломенных лодочек, в которые положены фрукты и монеты; в каждую лодочку ставится яркий фонарик, снятый с могилы, так что кладбище погружается в непроницаемую тьму; эти бесчисленные соломенные лодочки расползаются по воде; вот одна загорелась, за ней другая, третья: вся поверхность воды заблестела от тысячи плавучих костров; через несколько минут они

один за другим тухнут: это — души усопших отправились к себе, домой, после того как они побыли три ночи в обществе своих родных и знакомых»²³.

Среди буддийских сект, получивших в Японии распространение в XII—XIII вв., наибольшей поддержкой правящих кругов пользовалась секта дзэн. «Дзэн» можно перевести как «молчаливое созерцание» или «молчаливое самоуглубление». Достичь истины, достичь нирваны можно, согласно учению дзэн, лишь путем созерцания, самоуглубления. Это учение оказало большое влияние на многие стороны жизни средневековой Японии, в частности на литературу, изобразительное искусство, садовую архитектуру и пейзажную живопись.

— Но еще в Японии широко распространено конфуцианство. Не так ли? — продолжали спрашивать меня мои собеседники.

Вопрос понятен: советских людей интересуют многие стороны жизни близкого соседа нашей страны.

Конфуцианство — религиозно-философская система, пришедшая в Японию из Китая, — наложило на японскую нацию свой характерный отпечаток.

Основоположителем этой системы является Конфуций (551—479). В основе его учения лежит кодекс моральных заповедей. На определенном историческом этапе конфуцианство оказало большое влияние на повседневный быт и поведение японцев. Сыновняя почтительность, любовь сына к отцу, его почитание переносились на все общество в целом, на государственное управление.

В уже цитированных мною выше этнопсихологических очерках «Японцы» авторы пишут: «Господствовавшие в Японии синто и буддизм оказывались значительными препонами на пути идей Конфуция, поэтому последним вплоть до средних веков не суждено было завладеть умами японцев. Учение Конфуция, пишет Д. Кин, передавалось тогда еще как тайная традиция, как собственность знатных родов. Главы этих родов поверяли его только старшим сыновьям. Даже монахи дзэн-буддизма, которые завезли из Китая письменные памятники конфуцианского учения, не решались проповедовать это учение открыто. Лишь во второй половине XVI — начале XVII в., когда работы китайских философов были переведены на японский язык, конфуцианское учение обрело массовость»²⁴.

Есть в Японии и христиане. Жители страны познакомились с христианской религией в 1548 г., когда в Японию приехали первые миссионеры. В числе их был основатель ордена иезуитов, глава первой группы като-

лических миссионеров Франциск Ксавьер. Вначале христианство получило широкое распространение, но потом, в первой половине XVII в. (1637 г.), было запрещено. Проповедовать его вновь разрешили лишь через двести лет. Сейчас в Японии есть и католики и протестанты.

На этом можно закончить краткую информацию о том, почему в Японии число верующих превышает число жителей.

Первые впечатления

Таможенные формальности почти не отнимают времени. Иммиграционный чиновник бросил быстрый взгляд на фотографии в паспортах, внимательно посмотрел на меня и Марет. Штемпель на въездной визе поставлен. Три шага через контрольный пост — и мы твердо стоим на японской земле. В нашем распоряжении «полных семь японских дней».

Сергей Петрович Харин крепко пожимает руки:

— Я из посольства. Рад приветствовать соотечественниц! Как долетели? Что нового в Москве? Какая там погода?

Внизу, в помещении аэровокзала Нарита, нас ждут представители Общества японо-советских связей.

— Вас пришли встречать председатель правления Общества госпожа Аки Накати и служащая Эрико Кодзима, — говорит Харин.

Г-жа Накати немолода, но выглядит прекрасно. Очки в светлой оправе чуть прикрывают карие глаза. На голове шляпа с небольшими полями. Элегантный серый костюм. А Эрико Кодзима, по первому впечатлению, еще переживает пору счастливой юности. Впрочем, возраст женщины часто загадка.

Ультрасовременный токийский аэропорт Нарита находится в шестидесяти шести километрах от столицы. Открыт он был в 1978 г. Старый аэропорт Ханэда, название которого состоит из сочетания слов «крыло» и «рисовое поле», теперь обслуживает лишь внутренние линии.

— Аэропорт Ханэда иногда называют «Крылатское», — говорит Сергей Петрович. — Там раньше были рисовые поля и много чаек.

Еще до своего открытия аэропорт Нарита стал объектом пристального внимания японской общественности. Почти ежедневно японская пресса давала материалы, в которых рассказывалось о стычках полиции с крестьянами, протестовавшими против строительства

аэропорта в этом месте. Это была для Японии серьезная политическая проблема.

Крестьян заставляли продавать, правда за немалые деньги, принадлежащие им участки земли, а они не хотели их лишаться. В рисоводческом районе Тиба земля плодородна и давала высокие урожаи. И потом, в ее возделывание много труда вложили прадеды и деды, похороненные здесь же. Борьба была трудной и не обошлась без жертв с обеих сторон. Не утихла она и по сей день в связи с намерением правительства еще больше расширить границы владений международного аэропорта.

— Нам сказали, что вы обе в Японии впервые,— говорит г-жа Накати.— Мы составили для вас интересную программу пребывания. Я познакомлю с ней по пути в Токио.

Слова г-жи Накати переводит Эрико Кодзима. Иногда она немного затрудняется в подборе нужных русских слов и ей помогает Сергей Петрович. Он хорошо владеет японским языком.

Обращаясь ко мне и Марет, Эрико Кодзима добавляет к нашим именам слово «сан»:

— К этому надо привыкнуть,— говорит Харин.— При обращении друг к другу всегда добавляется «сан», что означает «господин» или «госпожа».

— Значит, вас можно называть просто «Эрико-сан»?— спрашиваю я Эрико Кодзима.

— Конечно, Ирина-сан,— улыбается она.

На преодоление пути от Нарита до Токио из-за огромного потока транспорта уходит около двух часов. Японцы в шутку называют этот «скоростной путь» — «дорогой замедленных скоростей».

«Тоёта» держит курс на Токио. За рулем Сергей Петрович. Движение в Японии левостороннее. Проезжаем мимо большого населенного пункта, в котором по обе стороны проезжей дороги сооружены высокие заградительные стены.

— Противозумовая завеса,— объясняет Харин.— Автомобили на этой трассе не прекращают своего движения и в ночное время. Шум утомляет людей. Без таких звукоизолирующих стен жизнь в домах этого района была бы невыносимой.

Позже мы узнали, что 103 000 домов в районе аэропорта Нарита были оснащены кондиционерами и двойными рамами.

Свернули на боковую дорогу, где попутных машин стало заметно меньше. Стрелка спидометра резко ушла вправо. Тут же раздался мелодичный звон колокольчика. Это напоминание водителю, что он превысил допу-

стимую скорость. Колокольчик позвенел и смолк. Вновь зазвенел, когда пошли на обгон идущей впереди машины.

— Едем по частной дороге,— замечает Харин.— Такие дороги всегда под хорошим надзором и обладают повышенной пропускной способностью. Но за это надо платить.

Короткая остановка у контрольного пункта. Две встречно протянутые руки: водителя автомобиля и контролера. Расчет произведен, и можно ехать дальше. Платных остановок до Токио будет несколько.

Г-жа Накати, как и обещала, по пути знакомит с программой пребывания. Семь дней для первой встречи с Японией, конечно, срок небольшой. Но руководство ОЯСС постарается сделать для нас каждый «японский день» возможно более насыщенным и интересным. Сегодня предстоит ознакомительная экскурсия по городу. Более детальное знакомство с достопримечательностями японской столицы будет продолжено и в другие дни. Заказаны билеты в театр «Кабуки». Мы побываем в музеях, пройдем по торговому центру Гиндза, погуляем в парке Уэно.

— Гиндза — огромный район с множеством улиц,— переводит Эрико-сан.— «Гиндза» означает «Серебряная улица». В этом районе находился когда-то Монетный двор. Отсюда и такое название.

Что ждет нас еще? Интересной обещает стать поездка в древнюю столицу Киото. Там много храмов, знаменитый «философский сад», или, как его еще называют, «Сад Рёандзи». В Киото мы поедем завтра утром. Еще в плане посещения — горная местность Хаконэ. Это одно из излюбленных мест отдыха жителей Токио, да и не только Токио. Если погода будет такой же ясной, как сегодня, то мы сможем увидеть гору Фудзи. Ну а затем поездка в Йокогаму, знакомство с японской кухней, встречи с активистами Общества и посещение нескольких промышленных предприятий.

— Мы сможем побывать на предприятиях «Тоёта» или «Сони»? — спрашиваю г-жу Накати.

Она качает головой.

— К сожалению, нет. Вы посетите косметический завод Канэбо. Женщины всегда интересуются его продукцией: духи, кремы, губная помада... Предусмотрено посещение завода упаковочных машин, также рыбного завода...

И, наверное, уловив в моих глазах легкую грусть, г-жа Накати спешит утешить:

— Это тоже очень интересные заводы. Они понравятся вам. Я понимаю, что мы живем в век техники, в

век телевизоров, компьютеров, автомобилей и роботов. Но есть не только «Сони», «Ниссан», «Хитати»... Разве не интересно посмотреть, как вычислительная техника и компьютеры помогают косметическому производству?

Я согласно киваю головой и мысленно говорю: «Хай!».

Г-жа Накати спрашивает меня и Марет о наших первых впечатлениях о Японии. Именно первых: они всегда наиболее яркие и надолго остаются в памяти. Сама она уже не один раз побывала в Советском Союзе и вынесла от этих поездок много интересного. Ей понравились и наша страна, и наши люди.

Наши первые впечатления? Пока их, понятно, еще мало. Понравился аэропорт Нарита, организация его служб. И спасибо за цветы, которые нам подарили при встрече...

Теперь слово «Хай!» произносит и уже громко г-жа Накати.

При въезде в центральную часть города наша «Тоёта» резко снижает скорость. Бесконечным кажется транспортный поток. Словно потекла по улицам Токио «автомобильная река», в которой сейчас все представители известных автомобильных компаний. Автомобили фирм «Тоёта», «Ниссан», «Хонда», «Тайё Когё»... Обращают на себя внимание выделяющиеся из общего потока яркой и оригинальной раскраской такси. На их сиденьях ослепительно белые чехлы, а на бортах разные рекламные сюжеты. В красные и желтые тона окрашены грузовые автомобили.

«Интернациональный дом Японии», в котором мы с Марет будем жить, расположен в центре Токио, но в довольно тихом переулочке. В трехэтажном здании разместились гостиничные номера, ресторан, кафе, залы для встреч и приемов. Здесь останавливаются гости из зарубежных стран, в том числе из Советского Союза.

Поднимаемся на второй этаж. Остановившись в холле около большого окна, осторожно раздвигаю легкие соломенные шторы. Перед глазами японский сад, раскинувшийся на пологом склоне. Именно японский, непохожий на наши сады.

«Сад» — английское слово. Его первоначальный смысл: «место для посадки и разведения цветов, фруктов, овощей и небольших растений». В японском саду заложена иная, более эстетическая идея. Ее главная цель — воссоздать в миниатюре природу. В книге «Японские сады» Н. С. Николаева пишет, что «камень и несколько веток бамбука» — это уже маленький японский сад.

Сады Японии имеют свою долгую историю, начало которой относится к X—XI вв. Исходный материал для создания такого сада—горные породы, небольшие, чаще карликовые деревья и бегущая вода. Казалось бы, нет в них жизни, но соединившись воедино, они говорят о ее вечности, о глубокой взаимосвязи со всем окружающим нас миром.

Водоем в японском саду напоминает миниатюрное море, реку или озеро. Часто в совсем небольшом водоеме имеется островок с растущими на нем карликовыми деревцами. Очертания такого островка бывают очень разные по своей форме. Часто это черепаха, на островке-панцире которой растут сосны. Черепаха—символ долголетия, сосны—постоянства. О японских садах образно и доходчиво рассказал после посещения Японии писатель Константин Симонов:

«Для нас сад—это деревья, а все остальное лишь дополнение к этому. В Японии могут сказать: „сад деревьев“, „сад камней“, „сад воды“. И то, и другое, и третье—деревья, камни, вода—неотъемлемые составные части японского сада. Но в саду деревьев главное—деревья; они, если говорить на языке музыки, ведут партию сада, они солисты, а камни и вода—аккомпанемент. В саду камней главное—красота их расположения, искусство их подбора, и эта красота лишь дополняется красотой деревьев, красотой воды. Сад воды—это сад, где вода предстает во всех обличьях, во всех поворотах своей красоты. Это пруды и заводи, ручьи и ключи, струйки и водопады. Здесь вода играет первую скрипку, на нее смотришь прежде всего, она поражает взгляд, и ее красоту лишь дополняет красота живого дерева и мертвого камня»²⁵.

И вот первая встреча с японским садом. Он хорошо просматривается из окна «Интернационального дома». В пределах небольшого пространства, окруженного домами, он как частица природы. По склону разбежались паутинкой узенькие дорожки. Много в саду деревьев с изогнутыми ветвями. И повсюду разбросаны камни: то одиночные, то сформированные в группы. В небольшом прудике поблескивает вода.

Смотрю на японский сад, а Марет торопит меня. Нас ждут внизу в кафе. После долгой дороги неплохо выпить чашечку кофе. Г-жа Накати и Эрико-сан простились с нами. В запланированной прогулке по Токио гостей будет сопровождать один из активистов ОЯСС—Ёсида-сан. Он достаточно хорошо владеет русским языком. Поможет ему и Сергей Петрович Харин. Этот вечер он тоже проведет с нами.

Итак, прогулка по вечернему Токио.

Выше Эйфелевой башни

Токио — столица Страны восходящего солнца. Город-гигант, который заслуженно называют сердцем Японии.

С 1943 г. существует метрополия Токио. На 1 октября того года в ней проживало 11 615 069 жителей, а на 1 декабря 1984 г. токийцев уже было 11 830 856; из них 5 970 416 — мужчин и 5 860 440 — женщин²⁶.

— В Японии очень любят статистику и конкретные цифры, — как-то сказал мне один из случайных собеседников. — Например, всем интересно знать, сколько за год родилось детей, сколько было разводов, свадеб, самоубийств. Деловые люди привыкли иметь дело с цифрами.

Мне вспомнились его слова, когда я раскрыла ежегодный справочник «Япония». Оказывается, в 1985 г. 10 200 человек пожаловались врачам на укусы змей, кошек, собак, акул и ящериц. Ездой на автомобиле увлекается 51,2 млн. жителей Японии. За год было утеряно 540 000 мужских и женских зонтов...

Токио Большой и Токио Малый. По административному делению «Токийский столичный округ», или, иначе, «Большой Токио», состоит из трех частей: собственно города (8 349 209 человек), загородных районов и районов семи островов Тихого океана Идзу-Ситито, расположенных на востоке страны.

Как у каждого города, у Токио своя история, своя «биография». Нередко его называют «городом больших противоречий» или даже «городом крайних нелепостей». Он сочетает в себе восточную и западную архитектуру, стиль далекого прошлого и броскую современность. Между жилыми кварталами, промышленными и деловыми районами Токио четких границ нет. Крупные предприятия тесно соседствуют с жилыми домами, магазинами, колледжами, увеселительными заведениями. Рядом с небоскребами, корпусами из стекла и алюминия, конторами многочисленных фирм, банками — целое «море» небольших одноэтажных и двухэтажных домиков, где ютится беднота. Строительным материалом для таких домиков являются сухое дерево и бумага. Многие дома давно обветшали, в них нет парового отопления, нет канализации. И самым страшным их врагом являются пожары. В одном только 1983 г. в Токио их было зарегистрировано 6500.

Дыхание огромного, еще незнакомого города. Мы уже ощутили его, когда ехали из аэропорта Нарита. Сейчас Токио открывается нам своими улицами, домами, лавиной транспорта и пешеходами. Мы смотрим на

столицу Японии через окошечки «Тоёты». Мы чувствуем дыхание города-исполина...

Рассказ о столице, о ее сегодняшней жизни японцы, как и жители многих городов мира, обычно начинают с истории ее зарождения.

Сначала здесь был небольшой рыбацкий поселок. Назывался он Эдо, что означает «Устье реки». Именно у устья реки Сумида, разделяющей современный Токио на две части, феодал Докан Ота построил замок-крепость, положив тем самым начало городу. Это было в 1456 г. Теперь на месте замка-крепости возвышается многоэтажное здание парламента — высшего законодательного органа страны. В нем проходят заседания палаты представителей (нижняя палата) и палаты советников (верхняя палата). Строительство этого дома было закончено в 1936 г. Говоря о здании парламента, японцы подчеркивают, что для его внешней и внутренней отделки использовались только отечественные материалы.

Рыбацкий поселок понемногу разрастался. В 1550 г. в его окрестностях был построен еще один замок. Владельцем его стал крупный феодал XVI в., сёгун Иэясу Токугава, сыгравший большую роль в истории страны. Сейчас на месте этого замка находится императорский дворец.

Иэясу Токугава сумел прекратить царившую долгое время в стране смуту и, подчинив себе феодалов, с 1603 г. установил централизованную власть — сёгунат, или, иначе, «правительство сёгунов Эдо» (1603—1867). С того времени фактическими правителями Японии на протяжении двухсот шестидесяти четырех лет был род Токугава. Именно Эдо считался тогда политическим и экономическим центром страны, хотя формально столицей числился г. Киото, где находился император.

Но пришло время, когда власть от сёгунов вновь перешла к императору. Император Муцухито принял решение покинуть Киото и со всем двором перебраться в Эдо. И с 1868 г. императорская резиденция находится в Токио — так с того времени стал называться Эдо.

Удачное расположение Токио на перекрестках важных сухопутных дорог, ведущих на север и юго-запад страны, способствовало его быстрому росту и процветанию. Но непредсказуемые «подарки» может преподнести земля. В 1864 г. жители Токио пережили одно из разрушительных землетрясений. Пожалуй, еще более трагическим оказалось землетрясение 1923 г., когда мощнейшие толчки заколебали почву пяти восточных префектур. Только в одном Токио сгорело 56 774 человека. Утонуло 11 222. Под обломками горящих и разру-

шенных зданий было заживо погребено 3608 токийских жителей. «Наш город постигла участь Помпеи», — с горечью говорили японцы.

«Заповедником землетрясений» назвали ученые гигантскую подводную трещину. На триста километров протянулась она от побережья о-ва Хонсю, на котором расположен Токио, к центру Тихого океана. Ширина этого гигантского каньона — от двух до пяти километров, глубина — порядка девяти километров. Этот подводный разлом возник на стыке двух тектонических плит — евразийской и филиппинской. В этой коварной трещине и находился эпицентр землетрясения 1923 г.

Один японец-сейсмолог рассказывал мне, что, по японской мифологии, виновницей землетрясений считается огромная океанская рыба «намадзу». Это она время от времени щекочет своими усамы морское дно, вызывая подземные толчки. Изображение рыбы «намадзу» японцы наклеивали на окна, думая, что такого рода талисман может предотвратить разрушения.

Ихтиологи предположили, что мифической рыбой могла быть треска, нередко достигающая весьма больших размеров. Они подтвердили также, что за два-три дня до землетрясения 1923 г. вблизи берегов японской столицы рыбаки выловили глубоководную «усатую предвестницу», очень редко встречающуюся на мелководье.

Имеются сведения, что рыбы больших глубин заранее предчувствуют предстоящие колебания морского дна и стараются уйти из опасной зоны. Такое предположение высказали и некоторые японские ихтиологи, в частности проф. Ясуо Суэхиро, работающий на ихтиологической станции Абуруцубо на Тихоокеанском побережье недалеко от Йокогамы.

Знакомство с жизнью японской столицы. Сначала надо составить общее впечатление. Едем на «Тоёте» по улицам города и слушаем рассказ Ёсида-сан.

— Самая внушительная панорама города открывается с высоты Токийской башни. Скоростные лифты поднимают желающих полюбоваться Токио на специальные застекленные площадки. Одна смотровая площадка находится на высоте двухсот пятидесяти метров, другая — ста пятидесяти. В хорошую погоду видна Фудзи. Но особенно с высоты красив вечерний Токио. Внизу — миллионы неоновых огней!

— Скажите, Ёсида-сан, Токийская башня выше Эйфелевой?

Ёсида-сан улыбается. Такой вопрос нередко задают гости Японии. Особенно европейцы.

— Да, наша башня выше. Эйфелева башня подня-

лась до высоты трехсот двадцати метров, а Токийская — до трехсот тридцати трех. Французские туристы иногда немного хмурятся, когда экскурсоводы говорят об этом. Это понятно: каждому хочется быть хоть немного повыше других...

Стоим около «радиотелевизионной иглы», устремившейся в небо. Башня словно соткана из белых и розовых кружев. Отсюда бегут радиоволны, уходят в миллионы домов телевизионные изображения. Телевидение широко распространено в стране. По статистике недавнего времени, 80% жителей столицы имеют цветные телевизоры.

Как и гору Фудзи, Токийскую башню можно увидеть изображенной на почтовых открытках, обложках журналов, путеводителей по городу. Она воспроизводится множеством сувениров, детскими игрушками. Она — гвоздь многих реклам.

— Красота башни немного теряется из-за ее неприглядного окружения, — говорит Марет. — Сколько к ней прижалось разрозненных деревянных домов. Разве нельзя было их снести?

Ёсида-сан качает головой. Иногда хозяин такого ветхого дома ни за какие деньги не соглашается продать принадлежащий ему участок земли. От частной собственности на землю нередко проигрывает архитектурная застройка отдельных районов.

Прощаемся с Токийской башней. У нас еще будет время навестить ее. Теперь поедem в Маруноути — «самый европейский» район столицы и самый далекий. Он пустеет в вечерние часы, когда прекращается работа, и очень оживлен днем. Жители Токио называют Маруноути «сердцем деловых связей». Здесь много небоскребов, концернов, важнейших банков, фирм. Когда-то на этом месте был пустырь. В 1890 г. землю приобрел Яносука Ивасаки, владелец и основатель одной из крупнейших в стране торговых фирм — «Мицубиси сёдзи». Тогда-то и появилась на заброшенном пустыре первая торговая улица, оформленная уже в западном стиле, появились трехэтажные дома.

Японцы говорят полушутя: «Никто так в мире не засекречен, как мы. У нас анонимные улицы». И действительно, улицы Токио не имеют названий. Все постройки относятся к определенному району. Районы Сибуя, Асакуса, Синдзюку, Аракава, Акасака. И еще Западная Гиндза, Восточная Гиндза, Гиндза — первый квартал и т. д. У каждого городского района свое лицо, свои жители, свои почитатели.

Нет в Токио и упорядоченной нумерации домов. С домом под номером пять может соседствовать дом под

номером тринадцать, с домом под номером три — дом под номером сто. Виноваты в этом землетрясения, пожары и скученность построек. Во время катастроф уничтожаются иногда не только отдельные строения, но и целые кварталы улиц.

— Каждый раз менять номера домов сложно, — говорит Ёсида-сан. — Поэтому так и живем.

Гиндза. Самый оживленный и самый известный район столицы. Занимает сравнительно небольшое пространство между императорским дворцом и Токийской бухтой.

По Гиндзе идем пешком: так передвигаться быстрее, поскольку на перекрестках огромное скопление машин.

— Вот оно — «уличное стояние», — комментирует, вздыхая Ёсида-сан. — Такие частые «пробки», увы, неизбежны.

Гиндза — торговый пульс города. Рестораны, кафе, театры, магазины.

— Хотите, зайдём в универмаг, — предлагает Ёсида-сан.

Поднимаемся на эскалаторе на самый верхний этаж. Покупателей много. Люди идут со свертками, коробками, корзинками, пакетами. Многие покупатели пришли сюда с детьми. Часто встречаются женщины с малышами за спиной. Некоторые несут маленьких детей в удобных для транспортировки «детских корзинках». На каждом этаже на площадке около лифта стоят девушки. Они могут дать справку о наличии товаров, на каком этаже можно их найти. Поклоном провожают тех, кто сделал в универмаге покупку.

Могучим двигателем торговли всегда была продуманная реклама. Вечерний Токио особенно богат ею. Многоцветные неоновые иероглифы, сбегая по стенам с крыш небоскребов и многоэтажных зданий, не переставая информируют прохожих о возможной выгодной покупке. Фирмы соперничают между собой, и в этом споре большую роль играет реклама.

«Ваши зубы будут белыми как жемчуг, если вы систематически будете пользоваться только нашей фирменной высококачественной зубной пастой!», «Наш пикантный фирменный соус на весь день обеспечивает хорошее настроение!», «Что может быть лучше автомобилей фирм „Тоёта“ и „Ниссан“? Покрышки для них можно купить в районе Западной Гиндзы!».

И с ослепительной улыбкой на вас радостно смотрит юноша — обладатель «жемчужной» пасты для зубов. Из гигантской декоративной бутылки на огромную тарелку, напоминающую по своей форме неопознанный летающий

объект, льется коричневого цвета соус, обеспечивающий на весь день хорошее настроение. На дорожках вертикального щита, занимающего целую стену, обгоняя друг друга, бегут маленькие «Тоёты» и «Ниссаны». Покрышки окрашены в яркие цвета. Но основная реклама все же посвящена электронике.

— Это не случайно,— говорит Харин.— Основную долю японского экспорта составляют машины, оборудование, оптовая электроника. А еще автомобили, суда, мотоциклы, текстиль...

Идем по Гиндзе. В витринах выставлены образцы блюд японской, китайской и европейской кухни. Указана стоимость каждого из них. Аппетитно выглядят муляжи фальшивой снеди. И так нестандартно украшены «сладкими» зданиями, цветами, пароходами и даже храмами воздушные торты. Они тоже «фирменные».

Замедляем шаг около магазинов с игрушками. Какой выбор! Механические, мягкие. Звери, зверюшки и поющие экзотические птицы. И шагающие вдоль витрин игрушечные роботы.

— Это «Томи»,— показывает Сергей Петрович на маленького белоснежного робота, энергично размахивающего при ходьбе своими выкрашенными в красный цвет руками и поворачивающего то влево, то вправо свою квадратную голову с кружочками вместо глаз.— Последний крик игрушечной «роботомании»!

Но для того чтобы купить «робота Томи», приобрести модное платье, купить транзистор и магнитофон, нужны деньги. Их очень немного в бюджете большинства японских семей. И далеко не часто открывает входные двери в магазин тот, кто стоит сейчас около витрины. Люди просто стоят и смотрят. Ведь за это денег платить не надо.

Наше внимание привлекает уличный аквариум. За толстым стеклом в голубовато-зеленой воде среди причудливых водорослей плавают декоративные рыбки. Здесь и гуппи, и жемчужные гурами.

— Какие красавицы!— тихонько проводит по стеклу пальцем Марет.— От головы до хвоста черная полоска, а из жабр тянутся оранжевые усики.

Две маленькие японские девочки, стоящие рядом с нами, смотрят с любопытством. Но не на рыбок, а на нас.

Идем по Гиндзе.

— Вы спрашивали о деловых связях Японии и Советского Союза,— говорит Сергей Петрович.— Они год от года крепнут и подчас проявляются в самых неожиданных формах.

И далее он рассказывает, что губернатор префектуры Аомори г-н Сюнкити Такэути побывал в начале 60-х годов на Байкале. Там он впервые отведал байкальского омуля.

— С тех пор губернатор буквально потерял покой,— продолжил рассказ Харин.— После посещения озера он стал уделять большое внимание решению народнохозяйственных проблем, представляющих для наших стран обоюдovýгодный интерес. С весны 1969 г. Байкальский лимнологический институт начал ежегодно присылать для японского местного рыбопитомника по сто тысяч икринок байкальского омуля. Первые опыты по выращиванию омуля в холодных водах озера префектуры Аомори прошли успешно. Думаю, что господин Сюнкити Такэути искренне радовался, узнав, что в водах рыбопитомника и в садке на озере Дзюнико нагуливают жир омули длиной в тридцать и даже сорок сантиметров.

— И эти омули дали потомство?

— Да. Из икринок байкальско-японского омуля потом пошли второе, третье и последующие поколения.

Районы Асакуса и Синдзюку считаются в японской столице центрами развлечений. Здесь много двухэтажных деревянных домов, небольших лавок и мастерских традиционных ремесел. Много старинных храмов. В числе их известный буддийский храм Сэнсодзи, посвященный столь популярной среди верующих богине милосердия Каннон. В нем как святыня хранится небольшая статуэтка богини. Когда-то она попала в сети трех братьев, ловивших рыбу в реке Сумида, протекающей неподалеку от того места, где сооружен этот храм.

Район Асакуса славится трудом умельцев-ремесленников. Делают здесь циновки—татами, шьют кимоно, изготавливают игрушки, зонты, веера. В одной из мастерских—выставка оригинальных фарфоровых подставок для хаси—палочек для еды.

— Они очень подойдут к праздничному столу,— говорит Ёсида-сан.— Хороша здесь и посуда. Хозяйка всегда не прочь пополнить свое хозяйство изделиями из фарфора.

Посуда, разукрашенная узорами, действительно хороша. На одном из прилавков грудой лежат подносы, чайники, чашки.

— Обратите внимание на это «художественное ателье»,— показывает Сергей Петрович на одну из вывесок.— Только в нем занимаются не пошивом одежды, а татуировкой. В старину она была в Японии очень популярна. Татуировкой украшали себя гангстеры,

куртизанки, гейши. Среди желающих нанести на свое тело «вечный рисунок» были и люди обычных профессий.

В такое «ателье» любопытно заглянуть. Хозяин встречает нас глубоким поклоном. Узнав, что мы с Марет из Советского Союза, говорит, что клиентами этого очень старого «ателье» были когда-то и русские, даже из знатного рода. Часто заходят сюда иностранные моряки. Увлечение татуировкой не исчезло и сейчас.

Один знакомый, побывавший в Японии, рассказывал, что, попав в первый раз в столь популярную в Японии общественную баню, он подумал, что посетил «художественную выставку». На телах многих обнаженных японцев были наколоты исторические сюжеты, садовые пейзажи, пагоды, женские головки, цветы. «Не столько мылся, сколько разглядывал»,— признался он.

О том, как раньше производилась сложная операция татуировки, можно прочесть в книге М. Верна «Современная Япония». Позволю себе привести оттуда краткий отрывок.

«Японец Банго-сан слывет лучшим татуировщиком; он уже старик с трясущимися руками и подслеповатыми глазами. Перед операцией он выпивает полстакана коньяку, и руки его совершенно перестают дрожать. Пациент обнажает ту часть тела, где желает татуироваться, и выбирает из альбома Банго рисунок. Самые удобные и безопасные места те, где артерии и вены скрыты под мускулами, а самый распространенный рисунок и вместе с тем самый удачный— японский дракон, извергающий пламень из пасти. Выложив свои инструменты, Банго сажает пациента к свету и, предупредив его, что не отвечает за последствия, если пациент страдает золотухой, приступает к татуировке»²⁷.

Далее автор описывает сам процесс нанесения на кожу рисунка. Делается контур, который слегка накалывается иглой. Потом кладутся тени и глубоким инструментом наносятся штрихи. Через полчаса болезненные ощущения пропадают, и лишь беспокоит зуд в тех местах, где нанесена красная краска.

«Состав красок доподлинно неизвестен, и Банго говорит, что это японский секрет. Татуированное место вспухает и болит с неделю, затем кожа со стру皮ями начинает сходить; через две недели рисунок выясняется во всей своей красе, приобретает прочность и остается уже на всю жизнь».

Пишет М. Верн также, что многие японцы татуируют подмышки. Много времени отнимает украшение всей спины. На ее татуировку уходит чуть ли не

несколько лет, и стоит эта операция немалых денег. Но ценители многовековой традиции, в том числе и некоторые женщины, готовы заплатить большие деньги за это «пожизненное украшение»²⁸.

Долго мы бродили по улицам Токио. Пора и отдохнуть. По программе предстоит знакомство с японской кухней.

Бесшумный скоростной лифт, создав на несколько мгновений чувство невесомости, поднимает на двадцать девятый этаж. Кроме национального японского на этом этаже есть еще китайский, корейский и итальянский залы. На стене возле приоткрытых дверей каждого из залов висит табличка. Надписи сделаны и иероглифами, и на английском языке.

Идем по длинному коридору, приостанавливаясь около каждой двери.

— Вот это то, что нужно,—говорит Ёсида-сан, прочитав очередную табличку.

Немолодая японка в черном блестящем кимоно, перетянутом оби—поясом, дважды перетягивающим талию и заканчивающимся большим бантом на спине,—встречает традиционным поклоном. Она рада приходу гостей и просит оставить у входа нашу обувь, а потом пройти за ней в зал. Помогать ей в обслуживании гостей будут еще три японки. Помощницы много моложе хозяйки, одеты в светлые кимоно. Они тоже отвешивают поклоны, улыбаются.

Небольшая по размерам комната. Посередине низкий стол, вокруг которого разложены плоские подушки для сидения—*дзабутон*. Японцев с детства учат «сидеть на земле». Стульев и табуреток нет. Мы с Марет с опаской поглядываем на подушки: неужели так придется сидеть весь вечер? Но беспокоимся мы на этот раз напрасно: под столом в полу сделано квадратное углубление, куда можно опустить ноги.

На стене висят картины—свитки. На одной нарисована заснеженная Фудзи, на другой—летащие птицы. Пол устлан татами. Татами—это толстый мат стандартного размера (около полутора квадратных метров).

Почти всю наружную стену занимает окно. Вдали—огни Токио. Особенно эффектно выглядит в этот час уже знакомая нам Токийская башня. От ее «подошвы» вверх бегут, догоняя друг друга, разноцветные огоньки. Добежав до «макушки», мигая, бегут уже вниз.

Смотрю на светящийся огнями город. Как много в нем многоэтажных зданий. Подумала: не опасно ли из-за частых землетрясений так высоко поднимать этажи? Потом я не раз задавала этот вопрос японцам. Ответ был один и тот же: не опасно. Надо только

правильно спрогнозировать строительство на уровне современных знаний и использовать только проверенные конструкции. В частности, основой современного небоскреба должна быть сталь, а не железобетон.

В 1963 г. в Японии был принят строительный закон, разрешающий поднимать этажность зданий выше прежде существовавшей отметки в 100 футов (30,5 м). После этого в Токио началось строительство небоскребов. Высота некоторых уже построенных зданий 700 и даже 800 футов (т. е. 213,5 и 244 м).

Хозяйка приглашает к столу. Одна из ее помощниц опускается на колени, слегка откидывается назад и садится на пятки. Ставит передо мной тарелку с *о-сибори*—влажной махровой салфеткой. Эти салфетки держат в горячей воде и подают посетителям ресторана, чтобы освежить лицо и руки.

Японская кухня имеет свою специфику. В ее ассортименте жареная и сырая рыба, овощи, соевый соус, зелень и обязательно рис. До появления в Японии буддизма жители страны употребляли в пищу мясо диких животных. После VI в., уже под влиянием буддийского учения, мясо есть перестали. И только в XIX в. в меню вновь появились мясные блюда.

Сегодня мы пробуем *суси*. Есть несколько рецептов приготовления этого пользующегося популярностью блюда национальной кухни. Суси—это колобки из вареного риса, приправленные хреном, на которые кладут ломтики свежей морской рыбы, креветки. Один из вариантов суси—*норимаки*. В этом случае колобки риса смешиваются с овощами и заворачиваются в листья морской капусты—*нори*. Такую информацию о различных вариантах приготовления суси мы получили от хозяйки, угощавшей нас. Ее рассказ переводил Ёсида-сан.

Обслуживающая гостей молодая девушка снимает с подноса керамические горшочки, плотно закрытые крышками. Потом ставит перед каждым из нас тарелочки, на которых лежат три ломтика свежей рыбы, веточка зелени и мелко нарезанные овощи. Отдельно в чашке подает вареный рис.

— Свежая, только что пойманная рыба считается лучшим деликатесом,—пододвигает поближе ко мне тарелочку Ёсида-сан.—Это одно из любимых кушаний японцев. Обычно ее, еще трепещущую, режут на небольшие ломтики, замачивают в соевом соусе.

— А какая рыба считается все же самой лучшей по своим вкусовым качествам?

— Хороши тунец, морской лещ и, конечно, фугу.

— Фугу?

— Да, фугу. Это очень известная, но «коварная» рыба. Внутри у нее есть ядовитые вещества, поэтому готовить из нее кушанье должен только опытный повар.

Я с опаской поглядываю на ломтики свежей рыбы.

— Не волнуйтесь,—успокаивает Сергей Петрович.—Это тунец.

Но умеют ли гости пользоваться хаши—палочками для еды? Хозяйка ждет ответа. Нет, вилок и ножей нам не надо. Я освоила хаши, живя в 50-х годах в Китае, а Марет хочет научиться пользоваться палочками тут же, не откладывая. Весь вечер она будет внимательно следить за движением кистей рук Сергея Петровича и Ёсида-сан.

Ужин окончен. Отдали должное всем десяти поданным нам блюдам. Особенно понравились креветки. Ну как не вспомнить в данном случае Басё?!

Хижина рыбака.
Замешался в груды креветок
Одинокий сверчок.

Пер. В. Марковой

Для информации: сверчок оказался среди креветок потому, что рисунок на его спине похож на узор панциря креветки.

Хозяйка, провожая поклоном, спрашивает: понравилось ли у нее гостям? Отвечаем с Марет, что очень.

Идя к лифту, любопытствовала: много ли в эти часы в ресторане посетителей? Оказывается, полны все залы. И в основном это японцы.

— Посещение ресторанов с национальной кухней—один из самых распространенных способов времяпрепровождения мужчин,—говорит Харин.—Здесь можно продолжить или начать деловую беседу, отдохнуть и вкусно поесть.

Когда вышли на улицу, он еще сказал:

— Обратите внимание, в Японии нигде не берут чаевых. И сдачу дают до самой мелкой монетки.

Ярко освещенная улица. В витринах—образцы товаров. Остановились около одной. Сколько здесь разных кимоно. Кимоно из тканей с женскими лицами, веерами, порхающими бабочками, летящими журавлями... Все они шьются по одному стандартному образцу, кроят их по геометрическим линиям.

— А что происходит здесь?

— Это «Патинко». Зал игровых машин, или игровой дом,—отвечает на мой вопрос Ёсида-сан.

«Патинко»—одно из любимых развлечений японцев. В игровом зале устанавливается ряд автоматов,

напоминающих по внешнему виду вертикальный бильярд. За обрамляющим стеклом — лабиринт. Надо нажать рычажок, присоединенный к пружинной полоске, и «выстрелить» шариком. Шарик стремительно побежит по извилинам лабиринта к гнездам из металлических стерженьков. По пути встретит разнообразные картинки и цифры. Попадет шарик в гнездо — и игрок становится обладателем нескольких шариков. Можно их пустить в игру или обменять на сигареты, сладости, игрушки. Но денег за выигрыш игрок не получит.

Статистика подтверждает: по доходности «Патинко» занимает второе место после страховых компаний.

Маленькая стрелка часов ушла за цифру двенадцать. А город все притягивает к себе. Последний взгляд на него бросаем уже из окошка такси.

— Какой огромный город Токио, — говорит Марет. — Сколько в нем людей. Управлять всеми ими, наверное, не очень-то легко.

— В административном отношении Япония разделена на сорок шесть префектур, — поясняет Сергей Петрович. — Они называются *кэны*. Во главе каждой префектуры стоит губернатор, избираемый населением. Из общего числа префектур также выделен о-в Хоккайдо, в котором четырнадцать округов. Токио выделен в особую административную единицу — *то*. Отдельная единица и два города — Осака и Киото. Называется она *фу*.

Такси подъезжает к «Интернациональному дому», в котором мы остановились. Дверцы открываются автоматически.

Водитель выходит из кабины и, кланяясь, спрашивает:

— Москва?

— Да, Москва.

— Хай! — почтительно говорит водитель такси и прикладывает к виску ладонь руки в белой нейлоновой перчатке. — Хай!

Так закончился наш первый день пребывания в Токио.

Под крылом самолета Фудзи-сан

Безоблачно утро японской столицы. На улицах тысячи людей.

Но особенно многолюдно в аэропорту Ханеда, обслуживающего местные авиалинии. До Ханеда мы добирались сначала на такси, потом по монорельсовой дороге.

— Сегодня большой праздник,—говорит Эрико-сан.— Называется «День благодарения труда». Если прибавить к нему два выходных, то в общей сложности получится три свободных дня. Можно хорошо отдохнуть, навестить родных и друзей, посетить памятные места, музеи, выставки.

— В Японии так много праздников. Расскажите о них хоть немного, Эрико-сан.

— Праздников у нас, действительно, много. Но о них я вам расскажу несколько позже: пассажиров приглашают на посадку.

Эрико-сан уже немного познакомилась с моей «авиационной» биографией. Спрашивает: летала ли я на самолете «Боинг 747»? Нет, не летала, лечу впервые.

Наши места в четырнадцатом ряду. Усевшись удобнее в кресло с синей обивкой и надетым на него белым чехлом-подголовником, с интересом разглядываю оформление салона.

Меня ждет приятный сюрприз. Как и все авиапассажиры, не сходя с места, буду свидетельницей взлета самолета. На большом экране, висящем перед креслами, появилась взлетная полоса. Такой ее видит и командир авиалайнера, сидящий в кабине.

«Боинг-747» заканчивает разбег, отрывается от взлетной полосы. На экране появляются стремительно приближающиеся редкие облака. Мы в воздухе.

Свободных мест сегодня в самолете нет. Почти у всех пассажиров с собой солидная ручная кладь: корзинки, сумки, чемоданчики. Люди одеты празднично. Многие летят с детьми школьного и более младшего возраста. Смотрю на ребятшек и вспоминаю «желтых тигрят». Но на этот раз дети спокойно сидят на своих местах, по салону не бегают. Значит, никому не угрожает «грейпфрутовая ванна».

Вышли на расчетную высоту. Погасло световое табло. На экране уже кадры из кинофильма. Со снежных склонов мастерски спускаются лыжники. Они в ярких костюмах и красиво смотрятся на снегу.

В кармашке, имеющемся в боковине каждого кресла, есть наушники. Можно достать их и послушать музыку, сопровождающую показ кинофильма. Но мы с Марет наушники не надеваем: хочется послушать рассказ Эрико-сан о японских праздниках. К слову, на мой вопрос: «Сколько все же их в Японии?»—она, после некоторого раздумья, ответила: «Очень много».

Когда мы вернемся из поездки в Киото, Эрико-сан принесет нам для ознакомления хорошо иллюстрированный справочник для иностранных туристов и скажет:

— Я мало успела рассказать вам о наших праздниках. Здесь дано описание многих из них. Ничего, что этот справочник на английском языке?

Новый год — это праздник праздников, и не только в Японии. Его отмечают все без исключения, подводя итог году прошлому и думая о будущем. В канун праздника почта еле справляется с лавиной встречных поздравительных писем. Японцы покупают новую одежду, стараются раздать долги. Свой дом они украшают ветками сосны, а у входа вешают пучки соломы. Потом солому сжигают, отгоняя этим злых духов. У входных дверей, по древней традиции, ставят поднос, на который знакомые и соседи могут положить визитные карточки с новогодними поздравлениями.

Но до встречи Нового года надо достойно проводить Старый год. Не надо забывать, что триста шестьдесят пять дней тому назад он сам был «Новым годом!».

Проводы Старого года проходят 27 декабря. Японцы этот день называют *Бонэн-кай*, что в переводе означает «Вечер забвения Старого года».

Многие верующие встречают Новый год сначала в храмах. Идут туда, надев лучшие свои одежды. Сто восемь ударов колокола в новогоднюю ночь дарят им надежду на лучшую жизнь...

В старину празднование Нового года отличалось особой пышностью.

«К празднику уже в декабре начинают основательную чистку дома (*сузухаки*, или очищение от копоти и пыли). В прежнее время *сузухаки* составляло особую церемонию при дворе и должно было начинаться 13 декабря. Брли для этой цели бамбук со свежими листьями и ветками, как символ благоденствия и счастья. К Новому году в частных домах меняют циновки (*татами*), так, чтобы можно было принять новогодних гостей на безупречно чистом *татами*. Женщины подновляют свои туалеты, и на улицах выставлены вещи, необходимые для празднования Нового года...

...Между купцами существует обычай накануне Нового года есть длинную вермишель (*соба*), с тем чтобы богатство тянулось бы так долго, как вермишель. Украшают дома соломой, бумагой — таким образом, чтобы китайскими идеографами изображали 5 и 3 (счастливые номера). Затем ворота украшают сосновыми ветками. Бамбук и сосна считаются у японцев символами долголетия. В доме приготавливают печенье из риса, имеющие вид дисков и изображающие зеркало, привлекающее внимание богини солнца (Тэн-сэ). Печенье положены на небольшой, некрашеный поднос на нож-

ках и украшены листьями, морской капустой, веткой сосны, апельсинами и омарами, имеющими все символическое значение. В день Нового года все члены семьи собираются в самой большой комнате и сидят каждый (конечно, на полу) перед отдельным столиком. Подают сначала тосо (саке с пряностями), так чтобы каждый мог достигнуть бессмертия. Потом дают суп и рисовые лепешки. На Новый год не метут дома, и в этот единственный в году день все лавки заперты»²⁹.

Праздники — неотъемлемая часть жизни японского народа.

«Для японца, особенно живущего в сельской местности, свой храм, его ритуалы, его ежегодные красочные праздники стали необходимой частью жизни, которой следовали его отцы и деды и которой следует он сам, не прилагая к этому никаких умственных усилий, а просто поступаая так, как заведено, как поступают все — родственники и соседи»³⁰, — пишут С. А. Арутюнов и Г. Е. Светлов, рассказывая о духовной жизни японцев.

В Японии насчитывается двенадцать национальных праздников. В их числе День основания страны, День рождения императора, День мальчиков, День девочек. Помимо национальных праздников много и других. Так, например, есть праздники, связанные с приходом весны.

Один такой праздник приходится на ночь между третьим и четвертым февраля, когда «весна сменяет зиму». Для изгнания «злых духов» в эту ночь запасаются бобами. Стоя у входных дверей, хозяева дома бросают их в комнаты с криками: «Входи счастье!». Другую часть бобов выбрасывают из дома и тоже с криками: «Прочь, злые духи!». Потом разбросанные бобы собирают и едят. Для полноты ожидаемого счастья количество съеденных бобов должно соответствовать годам, прожитым человеком.

Очень популярен в Японии и весенний праздник девочек, приходящийся на день 3 марта. Называется он хина-мацури — праздник кукол (*хина* — кукла). Давным-давно его также называли *момо-но сэкку* — праздник цветения персика (*момо* — персик), поскольку в это время расцветают персиковые деревья.

В этот день в домах, где живут девочки, устраиваются выставки. На специальные подставки из трех, пяти или семи ступеней ставятся наборы кукол, до того дня хранящиеся взаперти. Здесь же выставляется самая разнообразная игрушечная утварь и обязательно цветы. Для гостей готовятся специальные ритуальные угощения.

С нетерпением ждут своего праздника и мальчики, который отмечается 5 мая. Называется он сёбу-но сэкку—праздник ириса. Еще одно его название—танго-но сэкку—праздник первого дня лошади.

Цветы ириса обладают хорошими лечебными свойствами и считаются символом мужества, поскольку по своей форме лепестки цветка напоминают клинки мечей. Лошадь же символизирует храбрость, смелость и все те качества, которыми должен обладать будущий воин.

В этот праздничный день мальчикам рассказывают героические истории и дарят кукол, изображающих воинов и исторических героев. В доме, как и в праздник девочек, готовят ритуальные лакомства. В их числе *касива-моти* (символ долголетия)—рисовые клецки с фасолевым начинкой, завернутые в дубовый лист, и *тимаки*—символ здоровья и стойкости—рисовые колбкы завернутые в листья ириса или бамбука.

Около домов или на крышах устанавливаются шесты, на которых закрепляются ярко раскрашенные надувные карпы. Это так называемые карповые флаги. Карпов делают из бумаги или материи. Сколькo в доме мальчиков, столько надо вывесить декоративных карпов.

По представлению японцев, карп—сильная и долго живущая рыба. Она хорошо преодолевает водопады и не боится сильных течений. В японском фольклоре много сказок и легенд, раскрывающих смелость и находчивость карпов.

— Жаль, что вам не удалось побывать на детских праздниках,—сожалеет Эрико-сан.

— Мне хотелось бы посетить Японию, когда отмечается праздник звезд (танабата),—отвечаю я ей.—Здесь главные действующие лица—две звезды нашей Галактики: Вега и Альтаир. Звездная тематика мне близка, особенно история астрономии. Скоро закончу многолетний труд о жизни замечательного французского астронома Камилла Фламариона. Он тоже много писал о Веге и Альтаире.

— Праздник танабата очень популярен у нас,—говорит Эрико-сан.—Раньше в этот день было принято на листьях шелковичного дерева или на полосках из бумаги писать стихи о любви этих звезд. Затем эти листья и полоски бумаги бросали в воду. В основе этого праздника лежит легенда...

Как известно, голубовато-белая Вега—пятая по порядку среди ярких звезд неба. Ее свет в 50 раз ярче солнечного. Находится она в созвездии Лиры. Альтаир—менее яркая звезда, всего двенадцатая в списке

«ярчайших»; она расположена в созвездии Орла, в его «звездной голове».

Праздник танабата называют еще праздником Ткачихи. В этот день из шкафов достают легкие кимоно. Идя по улицам, несут хлысты с полосками из бумаги, на которых написаны сокровенные желания. Бросают их в реки или море.

Почему праздник Ткачихи? Вот об этом и рассказывает легенда, легенда о любви двух звезд Веги (Сёкудзе) и Альтаира (Конгю).

...Она была искусной ткачихой. Из облачной нити Сёкудзе создавала для богов красивейшую одежду. Жилище Ткачихи находилось к востоку от Млечного Пути. На западной стороне от него жил Пастух (Конгю).

Богиня Синванму решила сосватать эту пару. Свадьба состоялась. Увлеченная супружеской жизнью, Сёкудзе забросила ткацкое дело. Кто будет теперь заниматься небесной одеждой?! Разгневанная богиня вернула Ткачиху в ее прежний дом. Разрешила встречаться с Пастухом лишь раз в году.

Местом свидания был определен мост, который сороки перебросили через Млечный Путь.

Праздник танабата приходится на седьмое число седьмого месяца по лунному календарю.

Праздник встречи двух звезд.
Даже ночь накануне так непохожа
На обычную ночь.

Пер. В. Марковой

Так сказал Мацуо Басё, а другой выдающийся народный поэт Японии, Яманоз Окура (659—733), оставил в своем поэтическом наследии «Легенду о любви двух звезд». Она очень популярна в Японии.

С той поры как в мире есть
Небо и Земля,
Две звезды разлучены горькою судьбой.
Эти звезды—
Волопас
и Ткачиха.

С давних пор,
Друг ко другу обратясь,
Все стоят на берегу,
Навсегда разделены
В небе Млечною рекой,
Что циновкою лежит
Между разных берегов.

Небо горьких дум у них
Неспокойно и темно!

Небо горестей у них
Неспокойно и темно!
О, когда бы им ладью,
Крашенную в красный цвет!

О, когда бы им весло
В белых жемчугах!
Ах, в затишье поутру
Переплыли бы реку.
Вечером, в прилива час,
Переплыли бы они!

И на берегу реки,
На извечных небесах
Постелила б шарф она,
Что летает средь небес,
Как из яшмы дорогой.

Руки яшмовые их
Вмиг в объятьях бы сплелись!
О, как много, много раз
Вместе спали бы они,
Даже если б не была
Осень на Земле!

Пер. А. Е. Глушкиной

— Какая из этой звездной истории, по вашему мнению, вытекает мораль? — поинтересовалась я у Эрико-сан.

— Выходя замуж, не бросай работу, — улыбнулась она.

Праздники Японии... В дни весеннего и осеннего равноденствия отмечают праздник *хиган*. Есть праздники любования луной, отмечаемые в сентябре и октябре. 15 ноября в стране торжественно проходит старинный праздник *Ситигосан*, или праздник «семь-пять-три» для детей, достигших к этому времени трех, пяти и семи лет.

Спрашиваю Эрико-сан: почему выбраны именно эти три числа?

— Это «счастливые» числа, — говорит она. — Есть у нас и «несчастливые» — четыре и девять.

А еще в Японии отмечают праздники чучел, быка, огня. В Токио проводится праздник пожарников. В Киото, куда мы летим, популярен праздник лодок.

Особое значение имеют сельские праздники, посвященные различным этапам земледельческих работ и основной продовольственной культуре — рису. Главный «рисовый» праздник — *ниинамэ-сай* — связан с опробованием риса нового урожая и приходится на день 23 ноября. Проводится он с 1872 г.

«Но если заглянуть глубже в историю этого праздника, то нетрудно установить, что еще в 642 г. примерно в это же время устраивались чествования

богов урожая с вознесением благодарственных молитв за щедрость. В святилища к их алтарям приносили в жертву пять священных злаков. Главным действующим лицом в отправлении этого культа являлся император. Из всех провинций страны в его дворец присылали спелые рисовые колосья нового урожая: существовало поверье, что первыми вкушают рис боги, потом — император и лишь за ними — простой народ. Такой порядок вполне объясним — ведь император считался потомком Аматэрасу»³¹.

— У нас в Советском Союзе тоже много праздников, — говорю я Эрико-сан. — Праздничное настроение всегда поднимает жизненный тонус. Мне очень приятно, что с вашим национальным праздником «Днем благодарения труда» совпадает день моего рождения.

— Да, вы очень удачно выбрали время для поездки в Японию, — соглашается Эрико-сан. — Кстати, с 1948 г. «рисовый» праздник стал праздником всего японского народа, независимо от деятельности человека. Завершение трудового года отмечается народными гуляньями, праздничными шествиями и красочными представлениями.

Нашу беседу прерывает стюардесса. Она приглашает меня и Марет к иллюминатору по правому борту.

— Фудзи-сан! Фудзи-сан! Фудзи-сан! — многократно повторяет она.

Так вот как выглядит легендарная гора! С высоты в десять тысяч метров она открывается нам во всей своей красе. Сбросила в этот солнечный день с покатых горных плеч облачное покрывало. Сверкает своей снежной шапкой.

В Японии эту гору почтительно называют Фудзи-сан. Это дань уважения и ее высоте, и ее красоте. Фудзи-сан пользуется мировой известностью. Лишь в литературе осталось название горы — Фудзияма (яма — по-яп. *гора*).

— Чтобы понять значимость этой горы для японцев, надо сначала познакомиться с ее «биографией», — посоветовал мне перед отъездом в Киото сотрудник нашего посольства.

Гора Фудзи расположена в очень удобном географическом месте. Неподалеку море и большая Токийская равнина. От подножия горы до окрестностей столицы всего сто миль. С вершины Фудзи можно увидеть «все три тысячи японских островов». Она для японцев «несравненная», «единственная» и «второй такой не сыщешь».

Как родилась священная гора?

Япония — страна активной тектонической деятельно-

сти. Высказывается предположение, что рождение Фудзи произошло за одну ночь в 286 г. до н. э. Мощнейшие подземные толчки буквально выплеснули ее из земных недр и подняли над о-вом Хонсю макушку новорожденного вулкана.

В ту же ночь неподалеку от Фудзи образовалось и самое большое на Японских островах озеро, позже получившее название Бива. Его водяная гладь заняла площадь, равную 674 кв. км.

Долгое время, целых тринадцать столетий, гора Фудзи не прекращала своей вулканической деятельности. В древних летописях можно найти упоминания о восемнадцати ее извержениях. Последний раз она напомнила о себе в декабре 1707 г. и в январе 1708 г. Тогда сильно пострадал город Эдо, теперешний Токио. Пепел, покрывший улицы, достигал толщины слоя в пятнадцать сантиметров. Но вот уже двести семьдесят лет уснувшая гора не беспокоит людей.

Раньше на лесистых склонах Фудзи обитали обезьяны. Считалось, что они охраняют гору и сами являются священными животными, но после разрушительного землетрясения 1891 г. обезьяны покинули местность, а на самой вершине горы образовалась глубокая трещина.

С давних времен Фудзи — объект глубокой религиозной веры японцев. Многие считали своим долгом хотя бы один раз в жизни подняться на ее вершину. Не сосчитать, сколько следов оставили на древней тропе паломники, затем экскурсанты.

Когда-то паломники, придя на поклон к священной горе, просили поставить клеймо на их белом одеянии, и это служило подтверждением тому, что они достигли вершины Фудзи. Одежда эта хранилась в семье как святыня. Рядом с одеждой хранился и колокольчик, которым паломник приветствовал восход Солнца на вершине горы.

В течение многих веков Фудзи воспевали поэты. Ее рисовали художники, увековечивали в своих шедеврах граверы и искусные резчики по кости.

Перелистывая страницы поэтических сборников, в которые вошли стихотворения японских поэтов, живших в разные времена, я поражаюсь удивительному многообразию созданных ими образов горы Фудзи. Каждый поэт видел в ней что-то свое, что вызывало в его поэтическом воображении рождение особых волнующих чувств. Эти чувства они и стремились передать в многочисленных хокку.

...Тучи нависали над землей, а над ними снежная шапка Фудзи. Такой видится гора Мацуо Басё:

Тучи набухли дождем.
Только над гребнем предгорья
Фудзи белеет в снегу.

Пер. В. Марковой

Беспросветно хмурое небо, но Фудзи по-прежнему в
думах поэта:

Туман и осенний дождь,
Но пусть невидима Фудзи,
Как радуется сердце она!

Пер. В. Марковой

Общение с Фудзи для Басё всегда радостно. Отсюда
его призыв к набежавшему внезапно ветру.

О ветер со склона Фудзи!
Принес бы на веере в город тебя,
Как драгоценный подарок!

Пер. В. Марковой

А поэт Кабаяси Исса (1763—1827), желая подчер-
кнуть крутизну высоких склонов горы, призывает на
помощь улитку.

Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи,
Вверх, до самых высот!

Пер. В. Марковой

Живший в первой половине VIII в. народный поэт
Японии Ямабэ Акахито, обращаясь к Фудзи, посвящает
ей воспевающую ее оду:

Лишь только небо и земля
Разверзлись,—в тот же миг,
Как отраженье божества,
Величественна, велика
В стране Суруга поднялась
Высокая вершина Фудзи!

И вот, когда я поднял взор
К далеким небесам,—
Она, сверкая белизной,
Предстала в вышине.
И солнца полуденный луч
Вдруг потерял свой блеск,
И ночью яркий свет луны
Сиять нам перестал.
И только плыли облака
В великой тишине,
И, забывая счет времен,

Снег падал с вышины.
Из уст в уста пойдет рассказ

О красоте твоей,
Из уст в уста, из века в век...
Высокая вершина Фудзи!

Пер. А. Е. Глускиной

Крупнейший представитель реалистической школы художников, основоположник пейзажей на деревянных гравюрах Кацусика Хокусай оставил в своем наследии широко известные серии гравюр.

«36 видов Фудзи». Он рисовал эту гору весной и летом, в осеннюю пору и зимнюю непогоду, рано утром и в наступающих сумерках, отраженную в озере, близкую и далекую. И Фудзи благодаря таланту художника являлась людям то на фоне голубого неба, то омытая только что прошедшим дождем, то покрытая снегом. С какой пламенной страстью рисовал он гору, о которой «мечтают женщины и поэты». Одну из своих картин он назвал «Фудзи позади волн». Вспенившаяся волна поднялась высоко над поверхностью моря. Могучий девятый вал! А вдали — заснеженная Фудзи — символ спокойствия и первозданной чистоты.

«Один из лучших листов серии — „Фудзи в ясную погоду“. Гора изображена на переднем плане, освещенная солнцем. Красный силуэт Фудзиямы четко вырисовывается на фоне прозрачного голубого неба. Ее склоны пустынные. В гравюре нет ни одной не только лишней, но даже и второстепенной детали. Мы видим лишь снег на вершине и в лощинах, да земную поросль у подножия. Но неожиданно осознаем, что эта поросль не трава, а лес на склоне горы, и тогда Фудзияма как бы вырастает на наших глазах, закрывает полнеба, становится огромной и величественной»³².

Японский пейзажист Утагава Хиросигэ (1797—1858) начинал свой творческий путь с зарисовок Фудзи. Он говорил потом, что для него Фудзи была «сама жизнь».

Гора Фудзи... В вечернюю пору о ней напоминают неоновые иероглифы реклам. Название горы на бортах кораблей, уходящих в далекое плавание. Фудзи на марках, почтовых открытках. Вид горы на кимоно, женском платье, на косынках и носовых платках. Фудзи в рекламных туристических проспектах, в бесконечном повторении на страницах книг. Она в названиях магазинов, детских садов, парков.

— Но Фудзи не только реклама, не только объект любования, — сказал мне японец, назвавшийся «фудзистом». — На вершине горы находится метеостанция. Фудзи внимательно следит за жизнью океана и в нужную минуту предупреждает: «Готовьтесь! Через двадцать часов на острова обрушится тайфун!». Огромная параболическая антенна, находящаяся на вершине

**Радиотелевизионная башня —
одно из главных украшений
японской столицы**

**Жизнь в токийском
международном аэропорту На-
рита не затихает ни на минуту**

**«Мы приветствуем гостей
из Советского Союза»,—
говорит Эрико Кодзима**

Город Токио
встречает приезжих
яркими красками улиц
и своей удивительной
многоликостью

**В храме Сандзюсангэндо,
г. Киото**

**Знаменитый
«Сад камней Рёандзи»,
г. Киото**

**Древний храм «Кёмидзу»,
или «Чистый источник»,
г. Киото**

Тысячерукая богиня Каннон

**В центре храмового зала
возвышается главная статуя
богини Милосердия**

Бог ветра крепко держит в руках мешок с тайфунами и ураганами

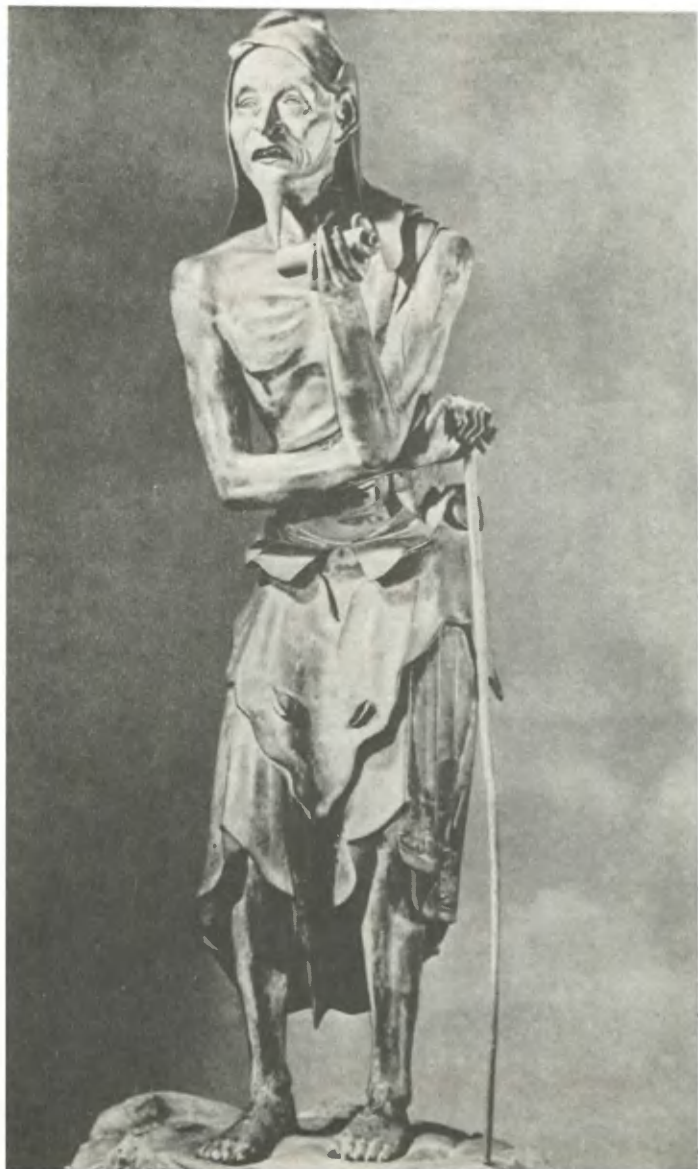
Потряхиванием барабанов Бог
грома оповещает о начавшейся
грозе

**Этот Бог обладает
огромной физической силой**

Пятиглазый Бог змей и драконов

**Идущий по пустыне отшельник
спасает грешников**

Хозяин дома (в центре) любезно предложил гостям сделать снимок у пруда с декоративными карпами, 1984 г. (второй справа господин Фудзита Кадзуёси)

В апрельские дни вся Япония похожа на цветущий бело-розовый сад

**Карпы брали корм
прямо из рук**

У цветущей сакуры

На фабрике Канэбо
нас познакомили
с производством
косметики,
1984 г.

Священным оленям
в городе Нара
пришлись по вкусу
московские леденцы

Они дружески попросили
называть их просто папой
и мамой

На горной заставе
можно купить памятные
сувениры

Самая высокая отметка
в горах Хаконэ

горы, ни на минуту не закрывает своего «всевидящего ока».

Жители Японии с тревогой говорят: «Раньше Фудзи разрушала, а сейчас гибнет сама». Ливневые потоки смывают со склонов горы глыбы застывшей лавы. Обвалы и оползни стали подлинным бедствием. На западном склоне Фудзи «кровоточит и не заживает» трехкилометровый глубокий шрам. О тревожном состоянии горы уже не один раз поднимался вопрос в парламенте.

И еще, оказывается, Фудзи помогает людям... умирать. Нет, это не оговорка. Влюбленные и неуравновешенные люди не раз бросались в ее кратер. Пришлось даже соорудить специальную предохранительную сетку.

«В начале 80-х годов полиция стала находить тела самоубийц в лесу на склоне горы Фудзи. „Лес самоубийц“, как окрестили это место газеты, притягивал, словно магнитом, отчаявшихся людей со всей Японии. Полиция решила воздействовать на прирожденный эстетизм японцев и у въезда в лес поставила столб с крупной надписью: „Помните, что тела самоубийц пожирают в лесу звери и что трупы разлагаются и смердят на 50 метров вокруг“»³³.

На попутчиков, знающих русский язык, нам просто фатально везет. Вот и здесь, вдали от земли, беседуем с симпатичной молодой учительницей русского языка. Она обратилась ко мне и Марет первая:

— Услышала, что вы говорите по-русски и не могла не подойти. Вы из Советского Союза?

Разговорились. Японская учительница преподает в одной из школ Токио. Сейчас, в праздничные дни, летит со школьницами в Осака. Ее питомицы уже сносно владеют русским языком.

— Город Осака для поездки мы выбрали не случайно,— говорит учительница.— Это второй по величине и своему значению город, славящийся своими металлургическими предприятиями, текстильными фабриками. В его развитии очень помогло то, что он расположен в устье реки Иодогава. Иногда Осака называют городом на воде или даже японской Венецией.

— Что на этот раз ваши девочки увидят в Осака?

— Исторический замок шестнадцатого века. Будут прогулки по городу.

Подошла одна из школьниц. Сказала, что в Осака есть оригинальный музей граммофонов, патефонов и пластинок.

— Мы посетим этот музей,—сказала учительница.— Там собраны пластинки из многих стран. Есть и записи вашего известного русского певца Федора Шаляпина.

— А «школу Кондо» посетите? — поинтересовалась я.

Учительница, а за ней и другие подошедшие к нам девочки сразу заулыбались. Если останется хоть немного свободного от запланированных экскурсий времени, пойдут и туда.

О «школе Кондо» сообщали и в нашей, и в западной печати. Интерес к ней вполне закономерен: люди хотят жить весело.

Томодзи Кондо много лет работал в одной из местных торговых фирм города Осака. Потом решил резко изменить свою профессию и стал уважаемым учителем (*сэнсеем*). Школа, которую он основал, учит смеху и улыбке. Девизом Кондо избрал японскую поговорку: «Счастье приходит в веселые ворота, в дом, в котором смеются». Плата в школе умеренная. Посещают ее в основном служащие, около двухсот человек. Самое главное, что Кондо учит доброму смеху, вызывающему только положительные эмоции.

Недолгий разговор о школьном воспитании. Учительница просит рассказать о школьной реформе, проводимой в нашей стране. Она читала о ней в газетах. Прошу и я рассказать о том, как учатся японские дети. Спрашиваю учительницу:

— После окончания низшей средней школы учащиеся имеют какую-то специальность?

— Нет,—отвечает она.— Но они могут по окончании ее поступить в специальные школы, дающие профессиональную подготовку. Это школы технические, сельскохозяйственные, коммерческие, рыболовные, торговые.

Как и в большинстве стран современного мира, обучение детей в Японии начинается со школьной скамьи. В стране действует введенная законом 1947 г. система, получившая название «шесть-три-три-четыре». Это первоначальная школа (шесть лет); младшая, или низшая, средняя школа (три года); высшая, или полная, средняя школа (три года) и колледжи или университеты (четыре года). Дети с шести до пятнадцати лет в течение девяти лет учатся бесплатно. Это обучение обязательно для всех детей.

Для того чтобы поступить в высшую среднюю школу, надо успешно сдать экзамен. За экзамен и дальнейшее трехлетнее обучение уже надо платить.

«Можно без преувеличения сказать, что, начиная с

учебы детей в неполных средних школах, расходы на их образование превращаются если не в главную, то в важнейшую статью бюджетных расходов огромной массы японских семей. Особенно это относится к тем семьям, где детей отдают в частные школы, в которых, как считается, уровень преподавания выше, а следовательно, и выше уровень знаний, получаемых учениками»³⁴.

Успешно закончив высшую среднюю школу, можно держать экзамен в колледж, университет или технический вуз. И опять нужны немалые деньги.

— Молодежь стремится получить высшее образование,— говорит японская учительница.— С дипломом легче потом устроиться на хорошую работу. Чем грамотнее и образованнее человек, тем быстрее он сможет добиться признания в обществе.

В одной из статей газеты «Джэпэн таймс» от 4.01.1975 г. говорилось:

«Нельзя отрицать того, что образование (*гакурэки*) остается тем доминирующим фактором, который в большинстве случаев определяет место людей в жизни. А символами наилучшего образования служат дипломы небольшого числа престижных университетов, в особенности группы старых национальных университетов вроде Токийского. По словам министра образования Митио Нагаи, эти „лучшие“ учебные заведения страны возвышаются, как гора Фудзи над всеми остальными, не пользующимися национальной славой, а потому привлекающими в свои стены лишь посредственностей»³⁵.

«Добиться признания в обществе», «Найти средства для поступления в университет», «Успешно выдержать вступительные экзамены»... Свои сокровенные желания юноши и девушки пишут на белых бумажных полосках, оставляют их на ветвях деревьев, растущих около храмов, в самих храмах. «Полоски надежд»...

— У вас много ученых женщин?— спросила учительница.

— Да, много. В высших учебных заведениях, в научно-исследовательских институтах работают и преподают женщины, имеющие степени кандидатов и докторов наук. Немало женщин доцентов, профессоров. Есть женщины-академики.

— У нас в Японии все по-другому,— с грустью сказала учительница.— Нашим женщинам надо еще долго бороться за свои права.

Полет окончен. Мы прибыли в Осака. И вновь на экране аэродромная полоса. Садимся «вместе с экипажем».

— Жаль, что беседа с вами была коротка,— посетовала учительница, прощаясь.— Мы все же мало знаем о вашей стране. А живое общение так важно и так нужно в наш трудный век.

Тепло простились мы и со школьницами.

— Передайте наш привет советским школьницам,— сказала по-русски одна из них.

Остальные девочки поддержали ее аплодисментами.

Самого города Осака мы почти не видели. В ожидании рейсового автобуса, идущего до Киото, лишь немного прошли по прилегающей к аэровокзалу улице.

В очереди на посадку в автобус мы стоим недолго. Автобусы подходят один за другим.

— Какая здесь организованная публика!— восхищается Марет.— Никакой толкотни. Стоят спокойно, как говорится, «затылок в затылок».

В автобусе Эрико-сан садится рядом со мной. Марет выбрала себе местечко около окна.

— Здесь, как в «Боинге»,— замечает Эрико-сан.— Голубые кресла и белые подголовники. Я заметила, кстати, что вы любопытная. Вам все интересно.

— Не любопытная, а любознательная, Эрико-сан. Это два несколько разных понятия. Любознательный человек—это человек пытливым, склонный к приобретению новых знаний. Любопытный тоже хочет приобщиться к новому. Но часто это просто интерес к несущественным подробностям.

Эрико-сан достает из сумки записную книжку, берет в руки карандаш:

— Значит, есть люди любопытные и любознательные? Вы—любознательная?

— Да. Так, пожалуйста, и запишите.

В автобусе, несмотря на открытые окна и включенную вентиляцию, жарко и душно. Видимо, сегодня большая активность солнца. То и дело вытираю со лба капельки пота.

Неподалеку от меня сидит полная пожилая японка. В ее руках буквально «порхает» веер. Поглядываю на нее с завистью. Говорю Эрико-сан:

— Мне очень нравятся стихи Басё о веерах. Сейчас я вам их прочитаю:

Торговец веерами
Принес вязанку ветра.
Ну и жара!

Второе стихотворение написал ученик Басё поэт Такараи Кикаку (1661—1707). Он был сыном врача и стал профессиональным учителем поэзии.

Если бы и Луне
Приделать ручку — какой
Бы вышел веер!

Пер. А. Брандта

— Хорошие стихи,—подтверждает Эрико-сан.—Я забыла взять с собой веер. Оставила на столе... Нет у нас с вами и луны, ручки к ней...

Видимо, японка догадалась, о чем мы говорим. Или это телепатия? Смотрю, достает из своей плетеной корзиночки еще один веер. Протягивает его мне, кланяясь.

— Аригато! — благодарю японскую женщину.

Эрико-сан заговорила с ней по-японски. Поняла, что рассказывает о нас с Марет. Женщина одобрительно кивает головой.

— Видите, как помогает поэзия,—замечает довольная Эрико-сан.—Обошлись на этот раз без луны. Женщина сказала, что сегодня душно и жарко. Сама она жительница Киото. Ей приятно, что советские женщины едут в ее родной город.

Этот краткий эпизод в дороге по пути в Киото остался в памяти. Как важно в жизни «чувство дружеского локтя».

Кстати, еще о веерах. Я читала, что складывающийся веер впервые появился в Японии в период Хэйан, т. е. в IX—X вв. Он сразу получил широкое признание как прекрасное средство для создания в жаркое время «приятного дуновения ветерка». Потом на веерах стали писать столь популярные в то время стихотворения. С веерами выступали на представлениях танцовщицы. Веер помогал японским актерам передавать зрителям по ходу действия возникающие у него эмоции. Так, например, если веер, находящийся в руках актера, поочередно подносился то к одному, то к другому глазу, означало, что актер плачет. При помощи движений веера некоторые женщины давали мужчинам знать о возникших у них чувствах симпатии. О нем писал в конце прошлого века М. Верн: «Веер прочно и давно вошел в обиход японцев».

«Веер у японцев составляет необходимую принадлежность всякого человека: он болтается всегда за поясом у мужчин, а женщины его никогда не выпускают из рук. Нищий держит веер, и ему кладут в него милостыню. На веерах рисуют карты и планы для путешественников, печатают календари и разные тарифы; веера лежат кучей на прилавке в магазине для покупателей и продаются при входах в театры: словом, везде и повсюду веера и веера. Даже при совершении смертной казни без веера не обходится: преступнику

дают читать приговор, написанный на веере, и в ту минуту, когда он наклоняется, чтобы прочесть, у него слетает голова»³⁶.

«Язык» веера. Разговор лишь жестами, без слов. Им пользовались даже государственные деятели, присутствовавшие на церемониях. Так, если собеседник при встрече с интересующим его человеком вдруг подносил веер к левому уху, это означало: «Прошу о нашем разговоре никому не рассказывать».

... Автобус выезжает на широкую, убегающую вдаль улицу. По обеим сторонам ее дома. Это уже пригороды Киото.

В древнюю японскую столицу мы прибыли двадцать третьего ноября днем.

В древнем Киото

Киото — один из самых древних городов Японии. Город, богатый культурным наследием. Долгие годы он был резиденцией императоров и столицей Страны восходящего солнца. Из ста двадцати четырех императоров Японии семьдесят семь жили в Киото. Свидетелями жизни тех лет остались дворцы, виллы сёгунов, синтоистские и буддийские храмы, старинные парки.

«Только побывавши в Киото, можно представить себе утонченную жизнь японского двора и японской аристократии. Тут строились громадные храмы, дворцы, монастыри; тут отказавшиеся от власти императоры выбирали себе красивые места, в которых они могли, вдали от шума и суеты, предаться размышлениям и вести изящную и утонченную жизнь. При дворе микадо существовала та же праздная жизнь, чуждая всякой деловитости; придворные устраивали словесные турниры, сочиняли стихи на разные темы, отгадывали шарады, соперничали друг с другом в изящных рисунках, изощряли свой вкус на разные лады, придумывали разные скучные церемонии и жили, как подобает небожителям, вдали от бранных кликов и забот ежедневной жизни. Благодаря тому Киото сделался средоточием искусства и промышленности, и произведения киотоских мастеров считались образцами вкуса и тонкого изящества»³⁷.

Говорят, что без знакомства с Киото, с его богатым наследием трудно понять настоящую Японию. Старое и новое здесь сплелось воедино, гармонично дополняя друг друга. И это придает сегодняшнему Киото какое-то удивительное очарование.

«Музей прошлого». Город, ставший побратимом с

Парижем, Бостоном, Флоренцией, Киевом, Загребом, Гвадалахарой. Он издавна славится своим художественным ремеслом. Широкую известность далеко за его пределами приобрели сделанные руками местных умельцев изделия из дерева, художественный фарфор, бронзовые вазы и статуэтки, шелковые ткани и искусственные вышивки.

Сколько интересных встреч сулит Киото.

У входа в вестибюль «Киото гранд-отель» нас встречают супруги Фудзита.

— Это розы Киото,—протягивает мне и Марет цветы Кэйко Фудзита.—Нам сказали, что у одной нашей московской гостьи сегодня день рождения.

Кадзуёси Фудзита—доцент университета «Сангё Дайгаку». Раньше заведовал отделом внешних сношений городского муниципалитета Киото. Его жена Кэйко Фудзита работает лаборантом. Они поженились весной. Оба свободно говорят по-русски.

— Значит, моя задача облегчена,—радуется Эрико-сан.—Буду учиться профессиональному переводу.

— Да. Мне приходилось достаточно много общаться с советскими людьми,—замечает Кэйко-сан.—Они называли меня Катюшей, и мне это нравилось. Сейчас я познакомлю вас с программой пребывания в нашем городе.

Кэйко-сан достает из сумочки листки бумаги с напечатанным машинописным текстом, протягивает мне. В заголовке текста такие слова: «Добро пожаловать, дорогие советские гости!» Все расписано по часам: храм, японский ресторан, театр, вечерняя прогулка по городу.

— Но сначала кофе и небольшой отдых после длинного пути,—говорит Кэйко-сан.

Мы поднимаемся на этаж, где нам заказаны номера, оставляем там свои вещи и идем в кафе. Оно на первом этаже отеля.

Знакомство с достопримечательностями города началось с посещения старинного деревянного замка Нидзё, построенного в 1603 г. для Иэясу Токугава. Завершил строительство уже третий сёгун Токугава. В течение двухсот шестидесяти четырех лет этот замок был резиденцией преуспевающего до «периода реставрации» могущественного клана. Здесь и закончилось его правление. В одной из комнат замка пятнадцатый сёгун Иосинобу Токугава сообщил феодальным лордам, что возвращает власть императору. Замок был передан императорской семье, а в 1939 г. поступил в распоряжение города и теперь открыт для общедоступного посещения.

Сад с многочисленными строениями. Главное здание — дворец Ниномару, считающийся национальным сокровищем. В первых двух его комнатах, носящих название «ивовой» и «молодой сосны», встречали феодалных лордов. Потом лорды шли по длинному коридору, ведущему к главным аппаратам. Переступаем порог и мы.

— Сейчас вы услышите пение соловья, — улыбается Кэйко-сан, — Пол, по которому мы идем, называется «соловьиным».

То ли звон, то ли стон, то ли вздох... А возможно, и вправду, запел соловушка... Как бы тихо ни старался идти по этому коридору человек, своим звучанием пол оповещал о его присутствии. Когда-то это было важно для безопасности хозяина дворца. Время было сложное, не утихали междоусобные войны. Сюда мог прийти и недобрый человек.

Поет «по-соловьиному» пол. Оригинальна выдумка зодчего, сумевшего найти такое решение при строительстве дворца. Прошли тысячелетия, и давно нет в живых владельцев старинного замка. А пол все поет и поет, напоминая о прошлом.

Оригинальные узоры потолков комнат. На скользящих панелях картины знаменитых художников Кано. Комнаты ожиданий украшены изображениями диких зверей и птиц. Уходят вглубь бамбуковые и сосновые деревья. Застыли в ожидании прыжка тигры. Ввысь устремились в своем полете ястребы. И так величаво и спокойно смотрят на идущих мимо них людей огромные львы.

— В Японии в те времена не было хищных зверей, — говорит господин Фудзита. — В распоряжении художников были только звериные шкуры. Но помогало богатое воображение.

— И еще талант, — добавляет Кэйко-сан.

Комната «королевских посланников» похожа на кленовый осенний лес. Это творческая удача еще одного художника Кано — Синраку.

Осмотр замка Нидзэ окончен. Решили немного пройтись по улицам Киото.

Киото расположен вдоль берегов реки Камо-гава. Через реку перекинута несколько мостов. Стоим на одном из них, облокотившись о перила.

— Камо-гава считается священной рекой, — рассказывает г-н Фудзита. — Старожилы утверждают, что, умывшись ее чистой водой, девушки и женщины хорошеют. Потому-то в нашем городе так много симпатичных женщин.

Следующая экскурсия в храм Кинкакудзи, знамени-

тый «Золотой павильон». Построен он был в 1397 г. для сёгуна Ёсимицу Асикага. Потом стал буддийским храмом монастыря Рокуондзи. Как и многие здания старинной постройки, «Золотой павильон» горел. В 1955 г. здание было реставрировано. С интересом осматриваем этот храм.

— Ну а теперь на очереди «восьмое чудо света»,— говорит г-н Фудзита, притормаживая «Тоёту».— Мы прибыли в «сад Рёандзи».

Вот оно великолепное творение человеческого гения, которое можно отнести к «чудесам света»!

Этот знаменитый сад был создан в 1473 г. Многие считают, что это творчество Соами—художника-пейзажиста, одного из «идеологов» чайной церемонии.

— В этом монастырском здании жил настоятель. Он имел привычку разгуливать по веранде, созерцать и размышлять...

Супруги Фудзита, дополняя друг друга, рассказывают историю создания «философского сада».

Прямоугольная площадка строгой геометрической формы с трех сторон ограничена белыми земляными стенами, а с четвертой—храмом. По площадке рассыпан гравий удивительной белизны. Это—«море». Острова же образуют пятнадцать необработанных, разных размеров и разной формы камней. Пять групп камней—пять «островов». Считаю вслух, идя по веранде: «Пять камней, еще два, потом три, два, три». Всего их пятнадцать, но, если остановиться, в поле зрения всегда лишь четырнадцать.

К поверхности камней прижался буро-зеленый мох. На белом гравии отчетливо просматриваются искусно прочерченные граблями бороздки. Одни бороздки идут параллельно веранде, другие колечками опоясали каждый каменный «островок». Колечки похожи на волны, бегущие по морю, или на круги, разбегающиеся по воде, когда в нее брошен камень.

— Легенда говорит, что центральная группа камней—это тигры, плывущие по морю...

Кадзёуси Фудзита продолжает рассказывать, а я все веду и веду счет камням. Для человека, идущего по веранде вправо или влево, один камень всегда будет невидимым. Такова загадка сада Рёандзи, в котором побывало множество людей со всех континентов.

И все-таки в наш космический век нашелся человек, который сразу увидел все пятнадцать камней «сада Рёандзи».

Первый космонавт планеты прилетел в Японию по приглашению общества «Япония—СССР» 21 мая 1962 г. Короткий «гагаринский» маршрут проходил по

городам Токио, Осака, Киото, Нагоя, Саппоро и вновь Токио. 27 мая Гагарин возвратился в Москву.

В Японии Юрия Алексеевича, как и в других странах мира, приветствовали толпы восторженных людей. Космонавт встречался с парламентариями, учеными, студентами Токийского университета, простыми жителями. Он выступал на митингах, проводил пресс-конференции и рассказывал о советской космической программе, ее мирном предназначении.

В Киото Гагарин приехал из Осака 25 мая. Стокилометровый путь по дорогам Японии оставил у него самые добрые воспоминания. С большим интересом познакомился космонавт с Киото. Приехал и в знаменитый «сад Рёандзи». Прошелся по веранде, еще раз. Остановился и о чем-то крепко задумался.

— О чем вы думаете, Юрий-сан? — поинтересовался сопровождавший его гид.

— О чем думаю? — переспросил Гагарин и тут же задал встречный вопрос. — Вы категорически утверждаете, что никто сразу не видел пятнадцать камней?

— Никто. Ни разу, — подтвердил гид.

Юрий Алексеевич посмотрел на него и по-гагарински улыбнулся.

— Ошибаетесь. Чуть более года тому назад я пролетал на космическом корабле над японскими островами. И, взглядываясь в очертания Киото, сразу увидел все пятнадцать камней в саду Рёандзи. Секретов на земле для космонавтов нет.

Был ли точно такой разговор? Или это уже легенда? О Гагарине их сложено уже немало, и они останутся в памяти благодарного человечества.

Да, приезд Гагарина в Киото оставил памятный след у жителей этого города. Супруги Фудзита рассказывали о том, как космонавт выступал на городском митинге, а потом зашел в один из универмагов. Вслед за ним туда устремилась толпа: всем хотелось поближе посмотреть на человека, впервые увидевшего Землю из космоса и испытавшего непривычное для землян чувство невесомости. Владелец универмага потом адресовал космонавту самые теплые слова признательности: число покупателей с того дня резко возросло. «Покупал там, где побывал сам Гагарин!». Лучшей рекламы для бизнесмена и не придумаешь!

О встрече с Гагариным мне рассказал и портье отеля, в котором мы остановились. Он уверял, что Юрий Алексеевич очень дружески поклонился ему и несколько раз кивнул головой. Дома у него висит вырезанный из газеты портрет Гагарина. Этот человек поднялся на высоту, доступную лишь kami!

...Киото славится своей кулинарией. Вот уже много лет по инициативе местных жителей здесь проводится ежегодная кулинарная выставка. На ней демонстрируют искусство приготовления национальных блюд. У каждого японского ресторана есть свой «фирменный секрет», передающийся из поколения в поколение.

Выставка кулинарии привлекает к себе внимание не только специалистов-кулинаров, но и домохозяйек и мужчин, считающих себя гурманами.

И вот мы в ресторане, у которого наверняка есть тоже свой «фирменный секрет».

Перед входом снимаем туфли. По лестнице поднимаемся на второй этаж. Хозяйка встречает традиционным поклоном. Обстановка проста: низенький стол, подушки для сидения и ... нет углубления под столом, куда можно во время еды опустить ноги. Переглядываемся с Марет. Так и будем сидеть на татами, ежеминутно переваливаясь с одного бока на другой. Учиться сидеть по-японски надо с детства.

Хозяйка сочувственно поглядывает на нас. Говорит, что у них недавно были гости из Ташкента и остались довольны, что сидят на таких удобных татами. Спрашивает: в московских ресторанах все сидят только на стульях?

Началось все опять с махровых салфеток, влажных и подогретых. Протерли руки и уселись за стол. Хозяйка, присев на пятки, зажигает газовую горелку под большой треногой, стоящей на столе. На треноге — котел сферической формы.

— Такой котел называется *набэ*, — объясняет Эрико-сан.

В зал вошли две девушки с подносами. На одном из них тонкие, не толще папиросной бумаги, рулончики свежего мяса. На другом подносе — горка мелко нарезанных овощей, кусочки бамбука и сыра, какие-то ароматные травки.

Приготовление обеда происходит на наших глазах.

Когда вода в котелке закипела, хозяйка опустила в нее мясные рулончики и стала слегка помешивать содержимое котелка деревянной палочкой. Пока мы дегустировали первое блюдо, сдабривая его специальными приправами, в котле варились овощи. Ели мы, конечно, пользуясь хаси. И надо отдать должное способности Марет: она уже держала в руках палочки для еды достаточно уверенно.

Овощи. Мясо. Рис. Котелок то наполнялся, то пустел. И все меньше оставалось на подносах рулончиков сырого мяса и сырых овощей.

Беседа за столом зашла о рисе. Рис, как я уже не

раз отмечала, главная сельскохозяйственная культура в Японии. Он выращивается повсюду. Под посев риса отведена примерно половина всей пахотной земли. Можно встретить рисовые поля и на лесных лужайках, и на отвоеванных у гор маленьких площадках. Но основные посевы риса — на равнинных заливных полях.

Известна японская поговорка: «Каждое рисовое зернышко дается тяжким трудом». В мае для зерен риса готовится специальное поле типа парника. Поле заливают водой и затем бросают в него зерна. В июле полученную рассаду ровными рядами пересаживают на основное поле. Вода заполняет его, потом воду сливают. Тут уже задействована сложная ирригационная система каналов, соединяющихся с резервуаром, расположенным на высоком месте.

Нелегко выращивать рис. Сорняки приходится убирать вручную. Урожай собирают в октябре и даже в ноябре. Колосья вяжут в снопы-метелки. Потом их сушат и обмолачивают. Сложным является процесс отделения зерен от шелухи. Для этого применяют деревянные ступки.

Обо всем этом процессе рисоводства потом нам рассказал один из членов ОЯСС, занимающийся проблемой риса.

— Японские фермеры, — говорил он, — широко используют рисовую солому. Из нее делают шляпы, хозяйственные сумки. Прекрасным удобрением является рисовая зола.

А как рис появился в Японии? На этот вопрос опять-таки отвечает легенда.

«В одних преданиях говорится, что рисовые зерна высыпались из глаз богини плодородия Охогэцу-химэ. Другие повествуют о том, как, возвращаясь из Китая, мудрый Инари-сама, дословно: „божество, приносящее рис“, спрятал несколько зерен в тростниковом стебле, который служил ему посохом, и доставил их на родину. Третьи утверждают, что рис в Японию принес журавль»³⁸.

И еще небезынтересно. С давних времен проблемой была охрана рисового поля от птиц. Каких только не делали пугал! Орлы с распростертыми крыльями, стрелки с натянутыми луками, специальная веревочная сеть над полем, приводящаяся в постоянное движение. Пугало стало обязательным атрибутом каждого рисового поля, оно стало «божеством» полей, и после уборки урожая проводится даже специальный «праздник пугал».

«Служить им может все что угодно: фигуры, напоминающие людей и животных, куски ткани, иногда

просто развешанные на веревках всевозможные предметы—словом, все, что может при дуновении ветерка двигаться, звенеть, а значит, и отпугивать непрошенных гостей. А сейчас появились даже механические пугала. И в городке Каминомия префектуры Ямагата ежегодно в середине сентября проводится всеяпонский фестиваль пугал, на который со всех концов страны свозят несколько сотен самых разнообразных экземпляров»³⁹.

В одном из японских журналов я нашла фотографии, сделанные во время одного такого фестиваля. Действительно, конструкторам многих пугал нельзя отказать в изобретательности.

Если бы не вынужденная «аэробика» с сидением на полу, поджав ноги, пребывание в японском ресторане было бы отличным подарком в день моего рождения. Но «главный подарок» был впереди: посещение театра «Гионкоона».

В театр мы пришли с небольшим опозданием. Спектакль уже начался. В фойе остановились около застекленных витрин с цветочными букетами.

— Это искусство *икэбана*,—сказал подошедший к нам работник театра.—Вы увидите во время представления, как составляется такой букет.

В программе спектакля семь представлений:

1. Чайная церемония.
2. Игра на музыкальном национальном инструменте *кото*.
3. Аранжировка цветов, или *икэбана*.
4. Веселое представление.
5. Музыка *гагаки*.
6. Танцы Киото.
7. Игра кукол.

Как опоздавшие, поднялись сначала на балкон. Между нами и сценой—зал, заполненный зрителями.

— Сегодня в театре много туристов из США и ФРГ,—говорит работник театра, знакомый супругов Фудзита.—Иностранцы охотно посещают наши представления. Можно отдохнуть, послушать музыку и от души посмеяться. Некоторые зрители сами становятся участниками проведения чайной церемонии: во время действия двух-трех человек угощают только что приготовленным чаем.

На сцене две женщины в цветных кимоно. Одна из них сидит за низеньким столиком, где все подготовлено для приготовления чая.

— Здесь важно все,—поясняет Кэйко-сан.—Поза, выражение лица, тщательно отработанные движения. И даже манера речи.

Родиной чая считается Китай, а основателем чайной

церемонии — китаец по имени Лао-цзы. Жил он в V в. до н. э. и впервые предложил ввести своеобразный ритуал общения с чашкой, наполненной «живительным золотым эликсиром».

Сначала чай служил хорошим средством от дремоты, которая порой одолевает людей.

— Вам известна легенда о чайных листьях? О брошенных глазных веках? — спрашивает работник театра.

Оказывается, дело обстояло так.

Один буддийский отшельник, живший в VI в., часто предавался раздумьям и молитве. Однажды в ночную пору он почувствовал, что его неудержимо клонит ко сну. Проснувшись, он выразил свой гнев на охватившую его сонливость несколько необычно: резким движением вырвал из глазниц веки и бросил их на землю.

Через некоторое время его ученики обнаружили в том месте, куда учитель бросил веки, небольшой куст с очень сочными и крупными листьями. Заварив листья горячей водой, ученики получили отличный бодрящий напиток. Так в жизнь людей вошел чай.

Есть, правда, близкий, но несколько иной вариант той же легенды, связанный с творчеством мастеров нэцкэ — одного из видов миниатюрной скульптуры, встречающейся только в Японии.

«Интересна используемая нэцкэ легенда о буддисте Дарума, в VI в. прибывшем из Китая. Во время молитвы на него напал столбняк. В таком состоянии Дарума пробыл девять лет, после чего у него отнялись ноги. Стремясь к полному умерщвлению плоти, он лишил себя сна. Но однажды все-таки заснул и, проснувшись, в отчаянии обрезал свои ресницы. Будда же подобрал их и посеял. На этом месте, как говорит предание, выросло чайное деревцо, листья которого разгоняют сон»⁴⁰.

Сначала чай пили буддийские монахи секты дзэн. В XVI—XVII вв. он получил широкое распространение среди японских аристократов и самураев. Чайная церемония заняла также достойное место в среде японских художников и философов. На ставших традиционными чаепитиях читались и сочинялись стихи, обсуждались происходящие события, рассматривались произведения искусства.

В начале XIV в. в придворной среде широкую популярность приобрела «игра в чай». Она проходила обычно в празднично оформленных помещениях. Игроки после опробования чая должны были безошибочно определить его сорт.

Основателем самой чайной традиции — чайной цере-

монии—считают буддийского священника Сюко (1422—1502), придумавшего своеобразную систему «ухода от будничных забот». Сначала все собирались в маленьких скромных хижинах. Их убранство состояло из висящих на стене свитков с записанными на них философскими изречениями. Например: «Вода есть вода». Здесь же были представлены зарисовки художников на религиозные темы. Хижину украшали в небольших количествах цветы.

Тишина. Гармония. Чистота. Почтение. Все это легло в основу устройства чайного домика (*тясицу*). Свой вклад в разработку его устройства внесли Такэно Дзёо (1555—1591) и особенно Сэн-но Созэки (1521—1591). Последний был известным приверженцем буддизма и вошел в историю под именем Рикю. О нем существовала такая притча.

Сёгун Хидэёси, узнав, что в саду Рикю расцвела повилика, решил посетить мастера чайной церемонии. Но когда он вошел в сад Рикю ранним утром, то не обнаружил в нем цветов: они были срезаны. Оказывается, Рикю сохранил всего лишь один цветок, которым украсил нишу чайного домика. Именно этот цветок должен был своим видом раскрыть красоту всей цветущей повилики.

Домик «в два татами» с крошечным окошечком под потолком. Полумрак. Тишину лишь изредка нарушает назойливая песня комара. Здесь ведется «беседа сердцем». *Сукия*—так называется комната, где пьют чай, и название это означает «приют фантазии» или «убежище пустоты». Рикю продумал все до мельчайших подробностей.

Для заварки чая нужен измельченный чайный порошок. Обстановка должна создавать для пришедших сюда людей нужное настроение. Должно быть продумано все: от котелка для кипячения воды до цветов, украшающих комнату.

«В Японии и теперь во время чайной церемонии в нише комнаты стоит всего один нераскрывшийся цветок»,— пишет Ясунари Кавабата.

Что же нужно для проведения чайной церемонии? Какие предметы?

Медный чайник, керамическая чашка с неровной шероховатой поверхностью, деревянная ложка и бамбуковый веничек для взбалтывания чая. И, естественно, в аккуратной коробочке должен лежать измельченный в порошок зеленый чай.

Ритуал чайной церемонии сводится к следующему: 1) вскипятить воду в особом котелке. Для ее подогрева лучше всего брать угли, приготовленные из ветвей

сакуры; 2) для заваривания чая должен быть особый чайник; движения руки при этой процедуре должны соответствовать определенным правилам; 3) чай взбалтывается в специальной чашке, пьется в виде густой пенящейся жидкости.

Раскрывая смысл чайной церемонии, Рикю писал: «Тяною (чайная церемония) — это поклонение красоте в сером цвете будней». А на вопрос о том, как достичь нужного мастерства, отвечал: «Кипятите воду, заваривайте чай, добивайтесь нужного вкуса. Не забывайте о цветах, они должны выглядеть как живые. Летом создавайте прохладу, зимой — приятную теплоту. Вот и все». И еще говорил, как думается, с улыбкой: «Покажите мне того, кто постиг все это. Я с удовольствием стану его учеником».

Чайная церемония прочно вошла в быт современной Японии. Существуют сотни школ. В университетах читаются лекции, в которых рассказывается о различных правилах проведения церемонии. Тяною создаются в различных общественных организациях. Сколько советов, сколько интересной выдумки!

О разных видах чаепития интересно рассказывают В. А. Пронников и И. Д. Ладанов. Маленький отрывок из их книги: «Ночной чай начинается при луне. Гости приходят примерно в половине двенадцатого и уходят не позже четырех часов ночи. Обычно заваривают порошкообразный чай. Приготавливается он на глазах гостей: листья освобождают от прожилок и измельчают в порошок в ступе. Такой чай бывает очень крепким, подают его не на пустой желудок. Поэтому сначала гостей легко угощают различной едой. Чай „с восходом солнца“ пьют около трех или четырех часов утра. Гости остаются при этом до шести часов. Вечерний чай начинается около шести часов вечера. Утренний практикуется в жаркую погоду, гости собираются к шести часам утра. Послеобеденный чай обычно подается только с пирожным примерно после часа дня. Специальное чаепитие (риндзитяною) организуется по каким-либо торжественным случаям: встреча с друзьями, праздники, смена времени года и т. д.»⁴¹.

...Показ чайной церемонии на сцене театра окончен. Два американских туриста, отведавшие приготовленный на их глазах чай, довольны. Оживленно комментируют свое самочувствие.

В антракте спускаемся в партер и садимся на свои места. Они неподалеку от сцены. Сидящий рядом японец обращается ко мне по-русски:

— Вы советские туристы?

— Нам просто везет,— не удерживается от реплики

Марет.— Создается впечатление, что в Японии все только по-русски и говорят. Или это еще один, заранее приготовленный подарок к дню рождения, Ирина-сан?!

— Не удивляйтесь,— говорит японец.— В театрах, музеях, где бывают иностранные туристы, такие «подарки» не редкость. Лично я работаю с иностранными делегациями, в том числе и с туристами из Советского Союза. Так вы откуда?

— Приехали из Москвы в связи с проходящим сейчас у вас месячником японо-советской дружбы.

— А я сейчас работаю с туристами из Соединенных Штатов Америки. Довольно большая группа. Кстати, среди них тоже есть русские. Вероятно, эмигранты... Вам понравилось представление?

— Да. Узнали, как надо готовить настоящий чай. У нас тоже любят чай. Но готовим его несколько иначе.

Японец кивает головой:

— Это я знаю. Был у вас в Советском Союзе... «Самовар и моя Маша»... Популярная русская песня. «Пьем чай всю ночь»...

— У нас пьют чай не только с Машей. И обязательно всю ночь. На Руси чаепитие вошло в быт еще в XVII столетии. Как и у вас, это было сначала только лечебное питье.

В японском городе Йокогама есть популярный ресторан. Он называется «Самовар»,— продолжает «самоварную» тему сосед.— У меня тоже есть самовар, сувенирный. Я привез его из Москвы. У него оригинальный носик, две руки и... жийвотик.

Он так и сказал «жийвотик» и громко рассмеялся. Посмотрел на часы. Говорит, что самовары его очень интересуют. Антракт продлится еще минут десять. Может быть, я расскажу ему о русских самоварах?

Что я знаю о самоварах? Не так, правда, много.

Русские самовары обрели жизнь на Урале. Их изготавливали на заводе известного промышленника Демидова. Потом они привились повсеместно. Заслуженной славой, и не только в нашей стране, пользуются знаменитые тульские самовары. Русский писатель Федор Достоевский сказал: «Самовар есть необходимая русская вещь». А другой писатель, Михаил Загоскин, вспоминал: «Везде забавлялись и пили чай».

— Хорошо сказали,— улыбается японец.

Самовары делали из латуни, стали, чугуна. Они были разные и по форме, и по внешнему виду—то «банка», то «шар». В самоварную трубу бросали древесные угли, а в лесных местностях—сосновые шишки. Стало своеобразной традицией использовать для раздувания огня старый солдатский сапог.

— Только старый? А новый можно тоже? — переспрашивает японец.

— Можно и новый, но он еще годится для носки.

— Хай! А чайные домики? Я не видел в вашей стране чайных домиков.

— Чайные домики у нас тоже есть. На проезжих дорогах, в селах можно увидеть старинной постройки избу с вывеской «Чай» или «Чайная». Приятно выпить во время пути чашку чая в зимний морозный день и жаркую изнуряющую пору.

— Понимаю. Как писал ваш Достоевский. Трактир...

— Трактиров у нас давно нет. После трудных военных лет мы получили возможность строить новые здания для отдыха и бытовых услуг. У нас в обиходе специальная сервировка чайного стола: белая вышитая скатерть, поднос, сахарница, чайники для заварки чая.

Японец перебивает меня:

— Да, чайники. Вы интересно рассказали о самоварах. Может быть, слышали о знаменитой коллекции японских чайников?

...Эту коллекцию собирали женщины. Одна из них — госпожа Струве, жена русского посла в Токио в конце XIX в. Описание этой любопытной коллекции дано в книге Садакичи Гартмана, изданной в 1908 г. Книга называется «Японское искусство»⁴². Автор пишет, что чайники были квадратные, треугольные, пятиугольные, круглые, овальные, высокие, низкие, широкие, узкие, плоские, толстые, коренастые, длинные, как палка, конусообразные. Сотни чайников...

Весьма разнообразны были они и по форме: коробки, корзинки, бочонки, букеты, фонари, черепахи, кошки, собаки. Были чайники в виде журавлей, ворон, рыб, цветов, мальчиков и девочек, мужчин и женщин. Разнообразен и материал, из которого их изготовляли: золото, серебро, бронза, медь, различные сплавы. Чайники делали из корней деревьев, узлов бамбука, панцирей морских раков и даже апельсиновых корок. Были чайники из лака, слоновой кости и соломы.

Садакичи Гартман пишет, что в 1698 г. был издан капитальный труд в четырнадцати томах. Он назывался «Полное собрание десяти тысяч драгоценностей». В нем не только подобран материал, дающий описание чайников, курильниц, цветочных ваз, лакированных изделий, какемоно, но и приведены также сведения о гончарных мастерских, занимающихся различными видами искусства, например украшением сабель. Приводятся там также размеры каждого описываемого пред-

мета, его цвет и даже «толщина взятой для изделий эмали». Какой это труд!

— У нас много коллекционеров, — говорит японец. — Коллекционируют мечи, цветы, трубки, вышивки, фарфор, почтовые марки, картины для стен (*какемоно*).

— У нас, да и во всем мире тоже собирают коллекции. Хорошо, когда люди чем-то увлекаются.

Но разговор о самоварах, чайниках и уникальных коллекциях надо заканчивать. Начинается музыкальный номер. Две артистки играют на кото. Такой тринадцатиструнный инструмент был вывезен из Китая 1300 лет тому назад и широко использовался для дворцовой музыки. Теперь кото гармонично вписался в музыкальную группу западных инструментов.

Следующий номер — икэбана, или аранжировка цветов.

Пожалуй, нет на свете человека, который бы не любил цветы. У одного это привязанность к полевым ромашкам или василькам, у другого — к розам, хризантемам, тюльпанам. В каждом цветке его особая привлекательность, своя красота.

Икэбана — это простота, асимметрия, кажущаяся незавершенность. Так характеризуют ее японцы.

Зарождение искусства икэбана связано с религиозным обрядом подношения цветов Будде. Цветы клали у подножия буддийских статуй, находящихся в храмах. Оформляли букеты около алтарей: знаменитые официально-торжественные рикка, т. е. «стоящие цветы». Со времен сёгуната Токугавы искусство аранжировки цветов проникло в чайные домики. «Цветущие веточки в вазе с водой могут вызвать образы несущихся потоков с необозримых гор», — высказываются знатоки искусства икэбана.

В переводе икэбана означает «помочь цветам найти себя». В Токио есть школа Согэцу («Травы и Луна»). Она была основана в 1926 г. Тэсигахара Софу. Срок обучения в этой школе — два года. У нее уже есть миллионы последователей, способствующих созданию в стране кружков для овладения искусством аранжировки.

В букете — отражение природы, времен года. Сухие листья напоминают о прошлом. Зеленая листва символизирует жизнь сегодняшнего дня. Набухшие весенние почки или еще не распустившиеся бутоны — это раздумья о будущем. Как ваятель, мастер аранжировки составляет свою композицию из цветов и сопутствующей им керамики. Здесь должно быть продумано все.

Если ветки, из которых формируется букет, гнутся и гибки, вспоминается весна. Когда лепестки распуше-

ны, пришла летняя пора. Ну а безлистные и на вид омертвевшие ветки предвещают холод и наступление зимы. В праздничные букеты не рекомендуется брать цветы осени, розы с пурпурной окраской, листья чайного дерева и клена.

В создании каждого букета заложен глубокий смысл.

— Вы уже, наверное, обратили внимание, что очень часто на картинах и скользящих панелях изображены розы и сосны,—включается в разговор Кэйко-сан.— Любимая и неисчерпаемая тема. Сосны—долголетие, розы—молодость.

— Отсюда следует, что подаренные вами утром розы обещают молодость?—спрашиваю Кэйко-сан.

— Безусловно. Вечером принесу и веточку сосны, обещающей долголетие.

— Спасибо, Кэйко-сан.

Яркий лунный свет!
На циновку тень свою
Бросила сосна.

Пер. В. Марковой

Так сказал поэт Кикаку (1661—1707), ученик Басё.

...В течение пятнадцати минут мы внимательно следим за ловкими движениями рук актрисы, занятой на сцене формированием букета. В одной руке она держит ножницы, помогающие ей убрать со стеблей все лишнее. В другой руке ветка. Легкий изгиб ветки, взмах ножниц... Еще взмах... Букет готов.

— Буду учиться икэбане,—решительно заявляет Марет.—Потом открою в Таллине свою школу.

— А теперь вас ждет очень веселое представление,—говорит г-н Фудзита, перелистывая программу.— Оно называется «Игра в дубинку и слуги».

В этой сценке участвуют всего три актера. Один из них изображает феодального лорда, двое других—слуги лорда. Лорд должен отлучиться по срочному делу, но обеспокоен, что в его отсутствие слуги могут напиться. Они очень любят вино.

Слуга по имени Дзиро демонстрирует свое искусство игры с дубинкой. Улучив подходящий момент, лорд с помощью другого слуги, Таро, привязывает кисти рук Дзиро к дубинке. Теперь обе его руки закреплены на уровне плеч. Далее лорд связывает за спиной и руки слуги Таро. Таким образом, у обоих слуг остаются подвижными лишь кисти рук.

Лорд, довольный своей выдумкой, удаляется. Но после его ухода сообразительные слуги, действуя лишь кистями рук, ухитряются открыть кладовую, достать

оттуда бутылъ с саке. Они наливают саке в стакан и поочередно подносят его друг другу. Вся эта сценка изобилует оригинальными акробатическими трюками и вызывает веселый смех у зрителей.

Возвратившись домой, лорд обнаруживает, что слуги пьяны и в гневе избивает их.

Театральное представление длится еще долго. Мы слушаем музыку, любуемся танцами гейш и мастерством кукольников.

— Вам еще в Токио предстоит знакомство с театром «Кабуки», — напоминает Эрико-сан. — Не сомневаюсь, что игра этих актеров вам тоже очень понравится.

Вечер в Киото. Чем живет в эти часы город? Долго, до усталы, бродим по его улицам. Заглянули в район, где живут гейши.

Позже, когда я вернулась уже в Москву, меня многие расспрашивали о гейшах. Интересовались: видела ли я их? Это и понятно, в литературе, рассказывающей о жизни японских женщин, много страниц посвящено именно гейшам.

Точный перевод слова «гейша» — «посвященная искусству». Точнее, здесь сочетаются два иероглифа: «гэй» — «искусство» и «ся» — «человек». По данным японской статистики, в начале XX в. в стране было около восьмидесяти тысяч гейш. Значительно сократилось их число во время войны. Теперь, как мне сказали, их около семнадцати тысяч.

Многие авторы произведений о гейшах подчеркивают, что гейши — это прежде всего очень образованные женщины, превосходно знающие литературу, остроумные и находчивые. Полные очарования, они могут продекламировать стихотворение, прочесть отрывок из известного драматического сочинения, спеть песню и т. д.

Много книг посвящено также описанию трогательных, а порой драматических историй из личной жизни гейш. В феодальной Японии, в ее больших городах, были так называемые веселые кварталы, где гейши развлекали куртизанок и их клиентов, среди которых были поэты, музыканты, художники.

Судьба будущих гейш традиционно определялась с детства. Родители отдавали, а точнее, продавали свою дочь в обучение этому искусству.

Девочки в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет считались ученицами и назывались *майко*. Их обучали пению, национальным танцам, игре на национальных японских инструментах кото и трехструнном сямисэне, также чайной церемонии, аранжировке цветов и каллиграфии. Успешно выдержав экзамен, майко

становились гейшами. Многие из них затем, совершенствуя свое мастерство, не расставались со своей профессией до преклонных лет.

Гейши должны были уметь делать себе сложные прически и накладывать на лицо толстый слой грима. Непросто было овладеть искусством выбора кимоно и оби, приобрести устойчивые навыки ношения этой одежды.

— В наш просвещенный век в связи с законом об обязательном школьном образовании с шести до пятнадцати лет девочки поступают в школу гейш более взрослыми, чем раньше,— рассказывал мне японец, с которым мы разговаривали в фойе театра «Гионкоон».— Возрастные коррективы несколько состарили гейш. Но по-прежнему эта профессия популярна в Японии.

В обязанность современных гейш входит развлечение клиентов, пришедших на банкет в ресторан японского типа.

Они садятся рядом с клиентом, ухаживают за ним и принимают участие в ведущейся беседе. Время от времени гейши меняются местами друг с другом, переходят от одного столика к другому. После окончания застолья поют, танцуют, играют на музыкальных инструментах и остроумно шутят.

Почти у каждой гейши, особенно живущей в большом городе, заводится постоянная клиентура, могут быть постоянные покровители. Нередко случается, что гейша выходит за своего покровителя замуж.

Гейша — профессия. Отсюда и определенные правила их жизни. Гейши живут в специальных домах, называемых *окия*, и объединяются в группы *ханамати*. Эти группы, в свою очередь, закреплены за специальной конторой. Такая контора выдает разрешение на работу в заведении *рётэй*. Так называется тип ресторана или гостиницы, куда приходят клиенты. Еду там не готовят: ее приносят из соседних небольших ресторанчиков.

Хозяйку дома, в котором живут гейши, называют мамой. Она получает лицензию на содержание дома и платит полагающиеся налоги. Гейши в доме *окия* отдыхают. Посетителей туда не допускают.

Кстати, о «маме», опекающей гейш.

Сергей Петрович Харин рассказал мне один эпизод из его жизни в Японии. В начале 60-х годов он поехал на северо-восток страны, в город Сэндай. Вместе с одним известным общественным деятелем, приехавшим из Советского Союза, они зашли вечером поужинать в японский ресторан. За столик к ним тут же подсе-
ла

изысканно одетая совсем юная японка. Это была гейша.

Сначала разговор шел на общие темы. Их собеседница продемонстрировала хорошие знания не только в области японской литературы. Оказалось, что она знакома с творчеством Толстого, Достоевского. «Но глаза ее были полны печали,— продолжал рассказывать Харин.— Чувствовалось, что ее что-то гнетет».

Видимо почувствовав доброе к ней расположение со стороны советских людей, гейша рассказала им свою грустную историю.

Однажды, когда она была еще школьницей, во время прогулки у моря со своей бабушкой они встретили немолодую женщину. Она долго и изучающе разглядывала девочку, а потом спросила: «Ты не хотела бы поступить в мою школу гейш?». Как красиво описала она жизнь в ее доме. И девочка, окончив школу, поехала к «маме». «Меня встретили приветливо,— рассказывала она.— Сразу начались уроки музыки и танцев. За сшитое мне кимоно „мама“ заплатила около миллиона иен. Но очень скоро я поняла, что очутилась в болоте, из которого выбраться уже практически невозможно».

— Почему невозможно? — спросил ее Сергей Петрович.

— Я не знаю, сколько стоило обучение танцам, музыке, пению. Не знаю, сколько стоит это кимоно, что надето на мне. Разве я могу расплатиться за все это с «мамой»? Откуда мне взять такие деньги? У меня их нет.

— Мы покинули ресторан с тяжелым чувством, понимая, что ничем не можем помочь этой славной и несчастной девушке,— закончил Сергей Петрович Харин свой рассказ.

...В Киото, как и в Токио, так много световых реклам. Город наряжен и красив в вечернюю пору. После прогулки мы вернулись в отель и собрались в моем номере за дружеским ужином. На столе появился торт, который заказали супруги Фудзита. Эрико-сан занялась приготовлением кофе.

— Кажется, началось землетрясение?! — с легким испугом заметила я, поглядывая на закачавшуюся из стороны в сторону висевшую на потолке люстру.

— О нет,— рассмеялась Эрико-сан.— Землетрясения сегодня не будет: не прерывать же нам праздничный ужин. Над нами, наверное, кто-то еще справляет свой день рождения.

Хороший был тот вечер. Пили кофе с тортом, подняли бокалы с вином. Потом пели. В нашем

репертуаре были «Катюша», «Подмосковные вечера» и песни Японии, которые с большим чувством исполнили супруги Фудзита и Эрико-сан.

Немного о прошлом

Знакомый врач как-то спросил меня: снятся ли мне цветные сны? Оказывается, у людей сны бывают и черно-белые и цветные. Тогда я затруднилась с ответом. Но в Киото мне явно приснился яркий цветной сон. Под неумолкаемый гул двигателей я летела куда-то на самолете. Небо было голубым-голубым.

Разгадка сна, я думаю, проста. Всю ночь монотонно гудел кондиционер, а ночное кимоно, в котором я спала, было нежно-голубого цвета.

Вчера мы долго говорили о внеземных цивилизациях. Тема эта всегда увлекательна. Человечество страстно хочет убедиться в том, что в бесконечном звездном мире есть кроме нас мыслящие существа. Люди надеются: тайны других миров откроются. А пока идет активный поиск. Ученые ищут на Земле следы «далеких пришельцев». День и ночь в просторы вселенной идут и идут сигналы с призывом: «Откликнитесь! Где вы, братья по разуму?». Писатели-фантасты не устают рассказывать на страницах своих книг об инопланетянах, порой поражающих человеческое воображение. И временами так будоражат всех сообщениями о «летающих тарелках», «неопознанных объектах», с помощью которых якобы жители далеких миров хотят изучить нашу Землю.

Но сегодня мне хочется вспомнить о прошлом человечества. Наверное, потому, что я нахожусь в одном из древнейших городов Японии — в Киото.

Старые города. Они, как люди: с каждым годом все старше. Попадая в них, всегда испытываешь какое-то особое чувство. Идешь по улицам города, в который давно и властно заглянуло новое, а мыслями уходишь и уходишь в глубину веков. Вспоминаются имена тех, кто жил когда-то под этим небом, встречая утро и провожая ночь. Как много было до нас людей интересных, неординарных. И как жаль, что мы часто так мало знаем о них. Ленту истории, увы, не прокрутишь с конца в ее начало. Пока здесь бессильна даже могучая техника нашего века.

Ранним утром, когда еще повсюду властвуют сны, я быстро одеваюсь и выхожу из отеля. Киото только просыпается. На улицах, которые вчера были заполнены тысячами людей, пока безлюдно.

В вечерней передаче вчера промелькнули кадры с титрами на английском языке. Это был рассказ о Сэй-Сёнагон, о ее книге «Записки у изголовья» — «Макура-но соси».

«Записки у изголовья» — одно из замечательных творений японской классической прозы, «жемчужина жанра *дзуйхицу*», что в буквальном переводе значит «вслед за кистью», или «следуя кисти».

В предисловии к книге Вера Маркова, переведшая ее со старояпонского на русский язык, пишет:

«Почти десять веков назад в городе Киото — тогда он назывался Хэйан и был столицей Японии — женщина, известная под именем Сэй-Сёнагон, получила в подарок кипу хорошей бумаги и начала вести свои записи, которые имеют мало общего с летописью или обычным дневником. Хронологический порядок не соблюден. Если восстановить его, то события, о которых идет речь, расположатся прерывистой цепью, начиная с 986 года и кончая тысячным годом нашей эры. Согласно принятой в японской науке терминологии, это середина хэйанской эпохи. Исторически хэйанская эпоха (IX—XII вв.) принадлежит к раннему средневековью»⁴³.

...В конце VIII в. император Камму перенес столицу из города Нара в Хэйан. Тогда теперешний Киото назывался Хэйанкё — «город мира и покоя». Длившийся почти четыре столетия (с 794 по 1184 г.) хэйанский период вошел в историю Японии под названием «золотой век», «век блестящих искусств».

Здесь жили замечательные художники. Широкое распространение получили в то время картины для стен — *какемоно* и картины в свитках — *макимоно*. Художники рисовали тушью, акварелью; рам, ограничивающих картину, не делали. Широкой известностью пользовалась школа художника Канаока. Его картины украшали стены и ширмы императорского дворца. Он рисовал богов и героев, писал портреты известных мудрецов, поэтов и даже самого Конфуция. Виноград, изображенный художником с помощью кисти, был настолько правдоподобен, что подлетавшие к картине птицы начинали его клевать. А лошади, нарисованные на стенах одного храма, как утверждает легенда, по ночам выходили из картины и мчались по полям.

В 1050 г. один из придворных по имени Мото-мицу основал школу национальной живописи Ямато. Через два столетия она стала официальной школой искусств и получила название «школа Тоса».

Развлекается в те времена дворцовая знать. Особенно популярны «состязания поэзии», напоминающие

театрализованные представления. Здесь и декламируют и сочиняют стихи. Разбившись по парам, дамы и господа, искусные в стихосложении, предстают перед компетентными судьями.

Хэйанский период подарил миру целый ряд книг, ставших памятником той эпохи. Первые книги были написаны китайскими иероглифами. Тогда в Японии китайский язык активно служил целям образования и просвещения. Мужчины-поэты писали свои стихи на китайском языке. А женщины...

«Когда на основе курсивного иероглифического письма была создана в девятом веке слоговая азбука (кана), японская художественная литература стала доступной для женщин. Лишь очень немногие из них получали в семье китайское классическое образование, но зато им вменялось в обязанность выучить наизусть все двадцать томов „Кокинсю“ и изящно писать японские знаки»⁴⁴.

«Кокинсю» — это антология японской лирики (досл. «Собрание древних и новых японских стихотворений»). Книга вышла в 905 г., и ее составителем был один из крупнейших японских поэтов, аристократ по происхождению, Ки-но Цураюки. Среди авторов этой антологии были и женщины. В их числе известная поэтесса Оно-но Комати, женщина яркого таланта и редкой красоты. Вот одно из ее стихотворений позднего времени.

Печально все. Удел печальный дан
Нам, смертным всем, иной не знаем доли.
И что останется? —
Лишь голубой туман,
Что от огня над пеплом встанет в поле.

Пер. А. Н. Глускиной

Женщины Хэйана...

«Они были необходимым элементом всей жизни Хэйана, на них и вокруг них концентрировались тот эстетизм и та эмоциональность, которые были разлиты кругом. Более того, они в большой мере и руководили этой жизнью, давали ей тон и направление. Уже до Хэйана роль женщины в культуре была очень значительна. Женщина не была еще стеснена, как будет впоследствии, в своих проявлениях. И в сфере духовной культуры, в частности в поэзии, еще в эпоху Нара женщины мало чем уступали мужчине: столько стихотворений в поэтической антологии той эпохи „Манъёсю“ принадлежит именно женщинам-поэтессам! С наступлением же Хэйана женщина завоевала себе и в жизни, и в литературе первое и никем не оспариваемое место»⁴⁵.

Антология «Манъёсю», о которой здесь говорится, это «Собрание мириад листьев» — первый письменный литературный памятник древней Японии, созданный в VIII в.⁴⁶ Издан он был в двадцати книгах и содержал 4516 песен, написанных пятьюстами авторами.

«Колоссом японской литературы» заслуженно называют и монументальный роман эпохи «Гэндзи моногатари» — «Гэндзи, блистательный принц».

«Этот роман написан очень умной, наблюдательной, много видевшей и много передумавшей, слегка поэтому иронической, но отчасти и сентиментальной, однако всегда трезвой во взглядах, здоровой и изящной во вкусах японской женщиной конца X и начала XI века — обитательницей дворцов, но знавшей и страну, служившей императрице в качестве придворной дамы, но умевшей понимать и людей, не живущих в „заоблачных высях“, — Мурасаки Сикибу»⁴⁷.

Итак, проза — удел женщин. Небезынтересно заметить, что поэт Ки-но Цураюки, издатель антологии «Кокинсю», одно время был губернатором провинции Тоса, находящейся на о-ве Сикоку. В конце 935 — начале 936 г. он совершил путешествие из Тоса в Киото. Во время путешествия он вел путевой дневник, позднее опубликованный под названием «Путевые записки из Тоса». Так вот, автор представляется здесь... женщиной! Он пишет: «Говорят, что мужчины тоже ведут „дневники“ или как их там называют? Что же, пусть это — проба пера, но тут женщина взялась за это дело».

Древняя столица Киото... Не идет ли сегодня рядом со мной по старой улице невидимой тенью сама Сэй-Сёнагон?

Предполагают, что она родилась в 966 г., вышла из «довольно знатной, но захудалой» семьи Киёвара. Придворная дама, фрейлина императрицы, дочь поэта. Биография этой талантливой женщины насыщена многими, порой даже драматическими событиями, и в ней много «белых», до сих пор не раскрытых «пятен». Сэй-Сёнагон — это дворцовое прозвище писательницы.

Свои «Записки» Сэй-Сёнагон хранила в специальном выдвижном ящичке, сделанном в твердом японском изголовье.

«Я буду писать обо всем, что в голову придет, даже о странном и неприятном», — повествует Сэй-Сёнагон, рассказывая о событиях, свидетельницей которых она оказалась, и называет подлинные имена своих героев. В ее записках впечатления прожитого дня, рассказы о происшествиях, описание цветов и пейзажей, оригинальные рассуждения о морали.

Сэй-Сёнагон не была красавицей. Наверное, поэтому один из рисовавших ее художников не показал на рисунке ее лица. Она сидит, повернувшись спиной, и держит в руках веер. Может быть, художник был прав: подлинная красота Сэй-Сёнагон в ее творчестве.

Жанр книги Сэй-Сёнагон несколько необычен. Это философские раздумья, глубокомысленные замечания, меткие характеристики, порой ирония и даже насмешки.

«Но больше всего я повествую в моей книге о том любопытном и удивительном, чем богат наш мир, и о людях, которых считаю замечательными.

Говорю я здесь и о стихах, веду рассказ о деревьях и травах, птицах и насекомых свободно, как хочу, и пусть люди осуждают меня: „Это обмануло наши ожидания. Уж слишком мелко...“

Ведь я пишу для собственного удовольствия все, что безотчетно приходит мне в голову...»⁴⁸.

Интересны места книги, где ее автор рассуждает о встречающихся жизненных ситуациях и приводит, в частности, характеристики «приятных и неприятных вещей». Так, например, наводит уныние «собака, которая воеет среди бела дня». Докучает гость, который без конца разглагольствует, когда «тебе некогда». Если с ним можно не считаться, то «спровадишь его без долгих церемоний». Но какая берет досада, если «гость — человек значительный и прервать его неловко». И как печалит лунный свет или вид скользящей по реке лодки.

А что еще волнует и порой так тревожит душу?

«Неприятно, если кто-нибудь вдруг перебивает чей-нибудь рассказ на том основании, что ему лично это будто уже давно известно». «Очень неприятна возня мышей». «Приятно выиграть много фишек в игре». «В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдешь старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог». «Самое печальное на свете — это знать, что люди не любят тебя. Не найдешь безумца, который пожелал бы себе такую судьбу». И как печален вид очага или жаровни без огня...

Сэй-Сёнагон искренне сожалела, что «Записки у изголовья» увидели свет. Она пишет:

«Эту книгу замет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало мое сердце, я написала в тишине и уединении моего дома, где, как я думала, никто ее никогда не увидит.

Кое-что в ней сказано уж слишком откровенно и может, к сожалению, причинить обиду людям. Опасаясь этого, я прятала мои записки, но против моего

желания и ведома они попали в руки других людей и получили огласку»⁴⁹.

Виновником обнаружения личных записок Сэй-Сёнагон стал зашедший навестить ее «Тюдзё Лево́й гвардии Цунэфуса, правитель провинции Исэ».

«Циновку, поставленную на краю веранды, придвинули гостю, не заметив, что на ней лежала рукопись моей книги. Я спохватилась и поспешила забрать циновку, но было уже поздно, он унес рукопись с собой и вернул лишь спустя долгое время. С той поры книга и пошла по рукам», — рассказывает Сэй-Сёнагон⁵⁰.

Как закончилась жизнь писательницы, рассказавшей о своеобразном и теперь уже таком далеком мире древней Японии? Об этом нет достоверных данных. Предполагают, что на склоне лет она постриглась в монахини или просто выбрала для себя ветхое жилище, где и прожила последние годы жизни.

«Рассказывают, что один путник увидел жалкую хижину, откуда высунулась изможденная старуха и крикнула: „Почем идет связка старых костей?“ Догорающая жизнь стала страшной гротескной легендой. Моги́лу Сэй-Сёнагон показывают в нескольких провинциях, подлинное место захоронения неизвестно»⁵¹.

Да, если бы было возможно прокрутить ленту ушедших веков с конца в ее начало...

Долго бродила я тем ранним утром по улицам Киото. Пора возвращаться в отель. У входа в него меня встретила Эрико-сан.

— Хотела уже вас разыскивать. Боялась, что заблудились, но потом вспомнила, что у вас есть карта города. Сегодня такое хорошее утро.

— Да, Эрико-сан. Утро прекрасное. Погуляла по Киото... Вспомнила Сэй-Сёнагон, Мурасаки Сикибу, Оно-но Комати... Какие здесь жили когда-то талантливые женщины!

Тысяча рук богини Милосердия

Первая половина дня была посвящена посещению храмов. В Киото их много.

Буддийский храм Сандзюсангэндо заслуженно считается жемчужиной японской архитектуры. Заложен он был в 1164 г., во времена царствования императора Госиракава, набожного поклонника богини милосердия Каннон. Храм большой: его длина сто восемнадцать метров.

Идем по аллее, ведущей к храму. Под ногами белый гравий.

— Обратите внимание на наружную часть храма,— говорит господин Фудзита, ставший, как и его жена Кэйко-сан, на время нашего пребывания в Киото очень знающим и эрудированным гидом.

— Когда-то здесь бушевали спортивные страсти. На этом самом месте проходили турниры по стрельбе из лука. Условия были жесткими как по ограничению пространства, так и по времени, отведенному для стрельбы.

Картина далекого прошлого воспроизведена в зарисовках одного из художников того времени.

Стрелок, сидя на корточках, стреляет с южного края веранды в северном направлении. Слева от него под навесом расположилась авторитетная судейская коллегия. За легкой загородкой толпятся болельщики. Их и в те времена было всегда много. Пришли посмотреть на соревнующихся и женщины с детьми. Около лотков с сувенирами и едой, закрытых большими грибовидными зонтами, стоят покупатели. Сувениры и тогда были в спросе.

Турнир длился долго: начинался в шесть утра, заканчивался к полуночи.

На стене веранды храма закреплены памятные доски с именами самураев, удостоенных титула «Лучший лучник во всей Поднебесной». На одной доске изображена скачущая лошадь, на другой— лучник, держащий в руках лук. Рядом с ним стоят судьи. Иероглифы на досках информируют о том, кто был победителем. В 1668 г. им стал Хосино Кандзаэмон. Из 10 542 выпущенных им стрел 8000 попали в цель. Его рекорд перекрыл в 1686 г. двадцатидвухлетний Васа Дайхати. Он направил в цель 13 053 стрелы. Победными оказались 8133.

Вход в храм Сандзюсангэндо расположен с правой стороны. Около входа висит колокол, к которому привязана длинная веревка. При ее подергивании раздастся мелодичный звон. Таким звоном верующий может привлечь к себе внимание богов.

Перед алтарем центрального зала— тридцать три выступа. Отсюда и название: «Зал тридцати трех выступов» (или «отсеков»). Богиня милосердия Каннон может перевоплощаться в тридцать три лика.

Только переступили порог, и перед нами— тысяча и одна позолоченная статуя богини Каннон. В центре алтаря находится главная статуя высотой около трех метров. Каннон сидит на огромном цветке лотоса и держит перед грудью сжатые ладони рук. На голове у нее одиннадцать маленьких головок. По бокам— еще сорок рук: по двадцати с каждой стороны.

Согласно учению буддизма, каждая рука способна спасти двадцать пять существ. Поэтому сорок рук считаются эквивалентными одной тысяче рук. Каннон — тысячерукая богиня.

С каждой стороны центральной статуи — еще по пятьсот Каннон. Они с рост человека, тоже позолоченные, деревянные и более просты по своему виду. У каждой — тоже одиннадцать маленьких головок, и все они «тысячерукие». Стоят, застыв в молчаливой неподвижности, кто с закрытыми, кто с полузакрытыми глазами.

— Поскольку Каннон может перевоплощаться в тридцать три различных вида, перед вами не тысяча одна богиня, а тридцать три тысячи тридцать три, — поясняет г-н Фудзита.

— Какая сложная математика, — вздыхает Марет.

Статуи создавались в течение целого столетия. Работы выполняли семьдесят скульпторов под руководством талантливых мастеров — Инкэй и его сына Танкэй. Центральная фигура — творчество отца. Работу над ней, как говорят, он начал в возрасте восьмидесяти лет.

Процесс создания статуй Каннон был достаточно сложным. Сначала собирались полые деревянные блоки, затем формировалась фигура, потом следовали лакировка, раскраска и оковка золотыми листами.

В левом и правом углу зала, словно охраняя золотистых Каннон, свои места заняли два грозных бога — Футэн и Рэдэн.

Бог ветра Футэн перекинул через плечо длинный мешок и крепко держит его обеими руками. Это и понятно: в мешке ветер с его мощнейшими порывами, вихрями и циклонами.

Бог грома Рэдэн держит в высоко поднятой руке связку с восемью круглыми барабанами. В случае необходимости он со страшной силой потряхивает этой связкой. И тогда раздаются громовые раскаты. Бог грома в это время находится за облаками.

Проходим по галерее по другую сторону храмового зала. Здесь находится двадцать восемь богов (духов) более низкого ранга. Они всегда сопутствуют Каннон, защищая верующих от трудностей и возможных опасностей. Эти боги непохожи один на другого. Они все очень разные: стоят в разных позах, разных одеяниях. Боги многоликие, добрые, злые. Все статуи сделаны из дерева и раскрашены.

Останавливаемся около одного бога, славящегося огромной физической силой. Какой у него грозный взгляд и как отпугивает оскал зубов! Рядом с ним

стоит трехглазый бог. Он в генеральской одежде и высоко поднял над головой саблю. Одним взмахом этот бог способен уничтожить безнравственность.

Но, пожалуй, наиболее страшен бог змей и драконов, держащий в руках лютю. У него пять глаз. Первая пара — обычного расположения, вторая — строго над ней, а пятый глаз помещается в центре лба, над самым носом.

— Двумя глазами всех змей и драконов не разглядишь, — комментирует американский турист, разглядывая пятиглазого бога. — А лютю нужна, чтобы музыкой гипнотизировать их.

В ряду богов есть боги мудрости и красоты. На лицах такое спокойствие! Особенно у богов в женском одеянии.

Ряд статуй включает фигура отшельника. Худощавый и босой, он идет по пустыне и спасает грешников, которых насчитывается... 9200 млн. В руках у него посох. Особенно запоминается его лицо, если смотреть на отшельника в профиль. Удлиненный нос и клинообразная борода.

Под сильным впечатлением покидаем мы храм Сандзюсангэндо. Прощаемся с тысячей и одной Каннон и ее сподвижниками — добрыми и злыми богами.

Следующий храм интересен, во-первых, тем, что он очень древней постройки — 798 г. н. э., во-вторых, тем, что расположен на возвышенности, с которой открывается вид на Киото. И, в-третьих, дорожка к храму идет узкой улочкой, по обеим сторонам которой множество лавочек и гончарен. Улочка называется «улицей чайников». Здесь торгуют керамическими изделиями, слава о которых распространилась далеко за пределы Киото.

Идя по «улице чайников», заглянули в лавочки. Сколько тут разнообразной керамической посуды и колоритных фигурок! Повсюду развешаны бумажные разноцветные фонарики. Большой выбор плетеных корзин разных размеров, зонтов, вееров. словно попали в народный музей.

Буддийский храм Киёмидзу — «Чистый источник». Издали он напоминает огромную изящную этажерку с множеством полочек. Высокая деревянная веранда вот уже сколько веков прочно держится на специально сооруженных столбах-опорах.

Внизу на отлогой горке раскинулся парк. Одна из его дорожек приводит к трем источникам. Один дает человеку здоровье, второй обеспечивает безбедную жизнь, третий сулит любовь.

Поднимаемся по ступенькам на небольшую крытую веранду. К перилам привязаны ковши с длинными

ручками. Вода из трех источников бежит сначала по склону горки, потом попадает в желобки и затем струйками падает с крыши веранды. Этой священной водой и наполняются ковши.

— Попробуйте воду из всех трех источников,— советует Эрико-сан и мне и Марет.

Так и поступаем. Наполняем ковши трижды: пьем за здоровье, за благополучие в жизни и за любовь. Вода прозрачна и приятна на вкус.

Спускаемся по ступенькам с веранды. Эрико-сан показывает на идущего впереди нас старого японца.

— Этот еле идущий человек, как я заметила, выпил три полных ковша. И все три наполнил из источника любви. Боюсь, что он перепутал источник любви с источником здоровья.

— Эрико-сан! Судя по виду этого человека, он долгожитель. У вас в стране их много. И разве не является великая сила любви, независимо от возраста человека, прекрасным лекарством?

Вижу, что Эрико-сан быстро достает из сумки неразлучную записную книжку и карандаш. Что-то записывает.

Последний в программе — храм Хэйан, построенный в 1895 г. в память о 1100-летней годовщине со дня основания Киото.

Красивые колонны. Свисающие изогнутые крыши. Большой сад уже тронули краски осени. Гармонично соседствуя друг с другом, перемешались красные и желтые тона.

— Весной здесь царствует сакура. Осенью не налюбуйешься золотистой расцветкой кленов. Ежегодно в день двадцать второго октября жители Киото проводят здесь массовый красочный праздник. Организуются шествия, участники которых наряжаются в национальные костюмы давних лет.

Слова Кэйко-сан заглушает громкая музыка. Неподалеку от храма собралась небольшая толпа. В окружении людей жених и невеста. Несколько минут мы наблюдаем за действиями фотографа. Сколько раз он пересаживает новобрачных с места на место, просит изменить позу. Снимок-то памятный: на всю жизнь!

— Хотите погадать?— предлагает Эрико-сан.— Все же интересно знать, что ждет в будущем.

В руках у меня и Марет небольшие медные бачки. В них лежат тоненькие металлические прутики. При потряхивании бачка из отверстия в днище выскакивает прутик с выбитым на нем номером. Это «номер судьбы». У меня оказался «номер один», у Марет «номер тринадцать».

Монах, сидящий в будочке у входа в храм, протягивает листочки с расшифровкой. Просим Эрико-сан прочитайте наши «японские гороскопы».

Текст «номера один»: «Ваше дерево — сосна — долголетие. Взгляд держите на Восток. Здоровье будет. Живите дальше так, как жили до сих пор».

Такой гороскоп меня вполне устраивает, а вот Марет явно огорчена. Ох уж эти эти тринадцатые номера! Их вообще бы следовало исключить из всех гаданий.

Продолжаем знакомиться с японской кухней. Поднимаемся на второй этаж ресторана. На этот раз в меню свежая рыба, бамбук и соусы с ароматными приправами. И, увы, сидение на подушках. Опять «вынужденная аэробика».

— До вашего отъезда в Токио не так много времени, — смотрит на часы г-н Фудзита. — Но мы успеем посетить выставочный зал «Тацумура».

Хозяин выставочного зала — знакомый супругов Фудзита. Он занимается текстилем и хочет показать нам выставку тканей. Она размещена на первом этаже дома.

Вдоль стен стенды, на которых представлены модные образцы тканей. Спокойные расцветки, мягкие тона. Выбор для женщин всех возрастов. Широко представлены шелковые ткани. Задерживаемся с Марет около них.

— Японию не случайно называют страной шелка, — говорит Кэйко-сан. — На островах растут тутовые деревья. Многие японцы разводят шелковичных червей.

В разговор включается хозяин дома. Он рассказывает, что в 1864 г. большой урон шелководству нанес мор. Тогда погибли почти все шелковичные черви. Но, к счастью, время залечило нанесенные раны.

Развитие шелководства в Японии часто связывают с именем поэтессы Оно-но Комати. В последние годы жизни она много странствовала и нередко, усталая, засыпала под тутовым деревом. И «очарованные ее поэтическим плачем черви сплетали из своих шелковистых нитей полог над нею, чтобы ни москиты, ни ветер не потревожили сна поэтессы».

Оно-но Комати сочиняла стихи, занималась шелководством. «Почувствовав приближение смерти, она созвала своих близких, передала им искусство разводить червей и ткать шелк и, сочинив свою последнюю песнь, умерла».

Шелк и поэзия... В этом есть, безусловно, что-то связующее. В расцветках выставленных тканей словно проскальзывает солнечный свет.

Покидаем выставку. Хозяин приглашает нас в свой сад. Он хочет показать нам карпов.

— Японцы большие любители разведения декоративных рыб,—говорит г-н Фудзита.—Часами могут созерцать их, любовно ухаживать. Сейчас вы увидите замечательных карпов.

Отлогий берег пруда. В воде до сотни карпов. Крупные, смелые и удивительных расцветок: зеленые, голубые, в крапинку и без крапинок. Так и кажется, что заглянула в этот пруд радуга и раскрасила стаю рыб в свои радужные цвета.

Хозяин карпов приносит две миски с кормом. Одну протягивает мне. Предлагает покормить карпов, уже сгрудившихся около мостков. Они высовывают свои головы, берут корм прямо из рук.

К нам подходит еще один японец, видимо друг хозяина. Завязывается беседа о «культе карпов» и о «карповодстве».

Оказывается, сейчас более трех тысяч ферм в префектуре Ниигата занимаются разведением этой декоративной рыбы. Карпы очень гармонируют с ландшафтом японского сада. К тому же они редкие долгожители. Некоторые живут двести и даже триста лет! Спрос на такие экземпляры необычайно велик, но велика и их стоимость, доходящая иногда до двух миллионов йен за карпа. В шутку таких рекордсменов называют «миллионерами».

Еще любопытная информация. Один из японских специалистов «рыбного дела» сообщил прессе, что осенью 1983 г. прошла научная конференция, посвященная проблеме разведения рыбы. С докладом на ней выступили представители рыбохозяйственного факультета университета города Хоккайдо. Они разработали методику искусственного оплодотворения лососевых рыб с помощью гамма-лучей при различных давлениях и температурах. Поставили они и эксперимент, позволяющий получать мальков либо самок, либо самцов. Этот эксперимент затем был распространен и на другие виды рыб: красного морского карася, пильчатую креветку, палтуса, а также на других обитателей морских глубин.

— Жизнь вносит подчас самые неожиданные коррективы в хозяйственную деятельность страны,—замечает друг хозяина, бросая карпам очередную порцию корма.

Он рассказывает, что некоторые фермеры, особенно живущие в северной части страны, не хотят больше заниматься посадкой риса. Они предпочитают разводить в водоемах карпов. Это хороший бизнес, поскольку

ку спрос на эту рыбу велик не только в Японии, но и за ее рубежами.

...На железнодорожный вокзал города Киото мы приехали буквально за несколько минут до отправления поезда. Состав уже стоял на платформе.

Прощаемся с супругами Фудзита, сердечно благодаря за прекрасные «киотоские дни».

— У нас первый вагон,— торопит Эрико-сан, держа в руках железнодорожные билеты.— Места, к сожалению, в середине вагона.

Так вот как выглядит «самый быстрый поезд мира». В его составе шестнадцать комфортабельных вагонов, связанных воедино гибкими переходами. Передняя часть головного вагона своими очертаниями напоминает корпус авиалайнера. Кажется, если придать этому вагону крылья, он обязательно взлетит!

В Японии на действующей скоростной железнодорожной магистрали «Синкансэн» два вида поездов: «Хикари» и «Кодама». В переводе «Хикари» означает «Свет» или «Луч». Эти поезда идут с небольшим числом остановок, тогда как поезда «Кодама» останавливаются на каждой станции скоростной линии.

В поезде все предусмотрено для удобства пассажиров. По вагону ходит работница ресторана. У нее можно купить сигареты, сувениры, коробки с ланчем. Во время пути можно связаться по телефону с Токио, позвонить в Нагую, Йокогаму, Киото, Осака, Кобе и другие города.

Максимальная скорость, развиваемая суперскоростным поездом, 210 км в час. Пассажиры могут в этом убедиться сами, пройдя в вагон, где расположен буфет. Там на стене висит для общего обозрения указатель скорости.

Особая спецслужба следит за безопасностью движения. В случае начавшегося землетрясения тут же срабатывает «стоп-сигнал». Если налетит ураганный ветер или начнется ливневый дождь, поезд тут же замедлит свой ход, а при особенно сложной метеообстановке даже на какое-то время остановится. Для устранения шума окна в вагонах сделаны с двойными стеклами.

Такова краткая характеристика суперскоростного «Хикари».

Наши места, как сказала Эрико-сан, в середине вагона. Но она просит молодых людей, сидящих в первом ряду, уступить свои места гостям, приехавшим из Советского Союза. Те охотно выполняют ее просьбу, и мы садимся в первом ряду вагона. Вид из окна отличный.

В вагон входит машинист, одетый в форму железнодорожника. В руках у него переносная стремянка. Открыв крюком, насаженным на длинную палку, крышку потолочного люка, он по стремянке взбирается наверх. Подтянул ее к себе, закрыл люк. Теперь машинист находится в кабине над нашими головами.

— Скоростную магистраль называют еще «Новая Токайдо», — рассказывает Эрико-сан. — Токайдо — это старая проезжая дорога. От нее осталось лишь название, и сохранилось ее направление. Дорога шла от Эдо до императорской столицы Киото, ее называли «дорогой у восточного моря». По древнему тракту, протянувшись вдоль Тихоокеанского берега, вымощенному гравием и засыпанному песком, ездили на лошадях. Пятьдесят три станции на пути протяженностью в пятьсот четырнадцать километров. Шли по тракту и пешеходы. Полгода уходило на преодоление этого пути. Богатые люди передвигались на носилках или ехали верхом. А теперь на скоростном поезде этот путь можно преодолеть за три часа. Вблизи железной дороги идет и автомобильное шоссе.

Эрико-сан достает из дорожной сумки изданный для гидов краткий справочник на русском языке.

— Хотите прочесть воспоминания историков о старой дороге Токайдо? Здесь всего одна страничка.

Читаю: «Мостов через реки было построено много, но они были не везде, поэтому часто надо было переплывать реки на лодках или переходить вброд... По всей дороге были заставы и посты полиции, которая подчинялась власти Эдо... Конечно, духовенство тоже интересовалось такой многолюдной дорогой. На трудных участках дороги строились молельни, ставились священные камни, идолы, сооружались храмы... Особенно интересным было путешествие даймё. Число свиты было от 100 человек до нескольких тысяч. Впереди шли слуги, высоко поднимая ноги...».

Рассказывается в справочнике и о станциях, состоявших из небольшой конторы с садиком, помещения для носильщиков, складов для вещей, конюшен. Были на тракте построены гостиницы, чайные домики. Стояли тут же и столбы, на которых вывешивались объявления властей, сообщалось о знатных приезжих.

И еще любопытная подробность: прохожие уступали дорогу скороходам, которые бежали парами и несли почту. Была тогда и такая профессия — скороход.

Старой дороги Токайдо, соединявшей Эдо и Киото, нет. Но память о ней сохранилась благодаря художникам того времени. Так, Утагава Хиросигэ в 1834 г. выпустил серию «Пятьдесят три станции Токайдо»,

принесшую ему широкую известность. «Лодки у оттели», «Станция Мисима», «Станция Соно»... Одна из лучших гравюр — «Снегопад. Станция Камбара».

«Глубокий, мягкий, пушистый снег окутал землю, маленькую деревушку, одиноко бредущих путников. Все замерло, застыло в тишине ночи. Горизонт закрыт грядями гор, крышами строений, черной полосой ночного неба»⁵².

«Хикари» набирает скорость. За окном мелькают домики, крохотные садики, огороды. На десятки километров протянулись многоэтажные корпуса мощнейших японских предприятий. И на всем пути реклама, кричащая о том, что в Японии есть такие фирмы, как «Мицубиси», «Хитати», «Сони», «Шарп»... И кажется, что вместе с «Хикари» с огромной скоростью по рельсам бежит вся страна.

Знакомство с «Кабуки»

В Токио мы вернулись в середине дня.

— Вечером идем в «Кабуки», — напомнила Эрико-сан. — Если вы не очень устали от поездки, то до начала спектакля можно погулять по городу и посмотреть, правда издали, на императорский дворец.

И ближе к вечеру мы пошли в Кадзимати. Это центр города.

Императорский дворец окружает зеленый массив, и лишь сквозь листву деревьев просвечивает позолота вогнутых крыш. Здесь живет император (*охорибата*, т. е. «благородная особа, живущая во дворце через ров»).

Территория парка с расположенным в ней дворцом чем-то напоминает остров, соединяющийся с японской столицей лишь мостом, переброшенным через ров.

Гуляем по Токио. На улицах чисто. Жители столицы знают, что за окурок и брошенный мусор взимается немалый денежный штраф.

Идем мимо многоэтажного здания. Здесь проводятся ремонтные работы. На всю громаду наброшен полупрозрачный полиэтиленовый колпак. Прохожие могут спокойно идти по тротуару, не беспокоясь, что на их одежде останутся следы краски или штукатурки.

Светофоры мигают зелеными, красными предупреждающими сигналами. На перекрестках, где светофоров нет, установлены ящики. В них лежат флажки. Если пешеход очень торопится или если идет инвалид, то, взяв в руку флажок, он может безбоязненно переходить.

дить улицу. Водители автомобилей обязательно пропустят его.

В городе много торговых автоматов. Эти «механические продавцы» торгуют сигаретами, чулками, носовыми платками, прохладительными и алкогольными напитками, сувенирами. Они могут предложить на выбор сорт кофе, выдать нужное количество молока и сахара. Надо только нажать соответствующие кнопки.

В жизнь страны прочно вошла компьютерная техника. Подтверждающих примеров можно привести множество. Так, в печати сообщалось, что японская компания «Атэна систем», занимающаяся разработкой математических средств обеспечения цифровых компьютеров, разработала оригинальное устройство. Оно может помочь клиенту выбрать наиболее подходящую для него прическу.

«Лицо человека демонстрируется на дисплее, и на него накладывается графическое изображение причесок, хранящихся в памяти ЭВМ. Прически разработаны известными парикмахерами в шестидесяти вариантах (в том числе сорок один для женщин) для пяти форм лица (треугольная, квадратная, овальная, круглая, удлиненная). В перспективе компании создание детских причесок».

Прогулка по городу окончена. Мы у здания «Кабуки». Людей у входа в театр толпится много, в том числе здесь и иностранцы. Как и у нас, в Советском Союзе, немало желающих купить «лишний билет».

— Здание театра выглядит немного старомодно,— говорит, поднимаясь по ступенькам, Эрико-сан.— Театр построен в 1889 г. и с тех пор подвергался лишь незначительной реконструкции. Но многим жителям Токио даже нравится такая старомодность.

Кабуки—один из ведущих жанров традиционного японского национального театра. В нем органически соединились музыка, слова, актерская игра и декоративность постановок. Его возникновение относится к концу XVI и началу XVII в. и тесно связано с исконным народным танцевально-песенным искусством.

Кабу—это «песня и танец», а глагол *кабусу* означает «петь и танцевать».

«В ходу было также просторечное слово „кабуку“, имевшее много значений, в том числе „одеваться модно и экстравагантно“, „шутить“, „балагурить“, „резвиться“, „развлекаться“, „шалить“, „заигрывать“, „флиртовать“, „иметь низменные наклонности“, „вести себя фривольно“.

Когда в конце XVI в. появилась несколько смелая манера танцевать, ее стали называть словом, „кабуку“,

а сами танцы — отглагольным существительным „кабуки”⁵³.

Склонность к оригинальному, необычному: одежде, поведению, походке.

«Позднее для написания слова „кабуки” были подобраны и китайские иероглифы в произвольном фактическом чтении. Это написание, состоящее из трех иероглифов: „ка” (песня), „бу” (японский традиционный танец) и „ки” (техника, актерское мастерство), сохраняется до сих пор, так как в известной степени передает основной характер этого жанра»⁵⁴.

В дни праздников в храмах устраивались красочные представления при участии ставших уже профессиональными танцоров и музыкантов.

Рождение театра «Кабуки» связано с именем храмовой танцовщицы Идзумо-но Окуни, дочери кузнеца.

«В старинных хрониках говорится, что она была красавицей с волосами мягкими и длинными, как ветви ивы, и обликом походила на цветок персика. „Ее танцевальная манера была величественной, — отмечали хроники, — а звонкий голос поражал всех, проходящих на нее посмотреть”. Она была также известна своим нежным сердцем, и ею в равной степени восторгались как мужчины, так и женщины»⁵⁵.

В 1603 г. Окуни исполнила в Киото под открытым небом буддийский танец, сопровождавшийся буддийскими молитвами, и покорила этим выступлением многочисленных зрителей. Это представление и считается началом театра «Кабуки».

Дальнейшее совершенствование актрисы проходило под влиянием бывшего вассала одного феодального дома Нагоя Сандзабуро, ставшего мужем Окуни. В репертуаре ее появились модные песни, преобразились ее театральные костюмы. Окуни стала исполнять и мужские роли. Оформилась небольшая по численности труппа «Кабуки Окуни». Она ставила небольшие танцевальные сценки и включала в свой репертуар комические интермедии.

„Кабуки” этого периода обычно называют „Окуни Кабуки” („Кабуки Окуни”), „Онна Кабуки” (женский каблук) и „Юдзё Кабуки” (Кабуки куртизанок)⁵⁶.

Представления «Онна Кабуки» стали приобретать в народе большую популярность и проходили в крупнейших городах страны — Киото, Осака и Эдо.

Но в 1629 г. по распоряжению феодального правительства выступления женской труппы были запрещены. Тогдашние «блюстители порядка» сочли их безнравственными. Театральные коллективы распустили. Однако через некоторое время театр вновь обрел

жизнь. Только актерами в «Вакасю Кабуки» стали длинноволосые подростки. Но и эту труппу постигла неудача.

«Бдительная полиция, однако, скоро заприметила, что и эти новые труппы, состоящие из одних очень красивых мальчиков, также мало способствовали улучшению нравов; поэтому в 1652 г. были запрещены и эти труппы».

Но приостановить развитие полюбившегося зрителям нового театрального жанра уже не удалось. Властям пришлось пойти на уступки.

«Они разрешили представления Кабуки при условии, что юные длинноволосые мальчики не будут допускаться на сцену и что в представлении будет увеличено число пантомимических драм и диалогов за счет песен и танцев. Так стала складываться подлинно театральная форма Кабуки»⁵⁷.

С этого времени разрешалось формировать труппу только из взрослых мужчин.

«До сего времени главной притягательной силой „театра женщин“ и „театра мальчиков“ была преимущественно красота исполнительниц и исполнителей; теперь исполнителям—взрослым и иногда пожилым мужчинам—оставалось привлекать зрителя уже другими средствами: искусством своего исполнения. А это дало сильнейший толчок к развитию и расцвету того актерского мастерства, которым так знаменит театр Кабуки»⁵⁸,—пишет Н. И. Конрад, рассказывая об истории театра «Кабуки».

В период Гэнроку (1688—1703) у «Кабуки» уже два театральных центра: в районе Киото—Осака и в Эдо. Первым прославленным исполнителем женской роли (*онногата*) становится актер Ёсидзава Аямэ I (1673—1729).

В театральную летопись «Кабуки» входят имена талантливых драматургов Тикамацу Мондзаэмона, Намики Сёдзе, замечательного, прославленного актера Саката Тодзюро.

Во второй половине XVII в. оформляется и зрительный зал. Одним из основных его элементов кроме сцены становится узкий (шириной около двух метров) деревянный помост. Он идет на уровне сцены с ее левого края через весь зрительный зал. Этот помост называется *ханамити* («цветочная тропа»). Фактически это продолжение сцены, дополнительная сценическая площадка, помогающая инсценировать массовые шествия. По ханамити актеры проходят на основную сцену, где находится неумолкающий во время всего спектакля оркестр. Среди музыкальных инструмен-

тов—сямисэн (род балалайки или домры) и цуцуми (бубен, деревянная колотушка).

...Все места в театре заняты. Среди зрителей много молодежи. Видимо, многие пришли в театр сразу после работы, не заходя домой. Они предусмотрительно запаслись коробочками, в которых вареный рис и приправа банто. Усевшись на свои места, все едят тут же, в зале. Во время действия многие поднимаются с места, выходят из зала и вскоре возвращаются.

Представление длится долго. К сожалению, по ряду личных обстоятельств мы с Марет быстро покидаем зрительный зал. Но даже короткое знакомство с игрой актеров «Кабуки» оставляет сильное впечатление.

На самой высокой отметке

— Приветствуем вас в городе Одавара,—такими словами встретили нас у входа на фабрику «Канэбо» два японца в фирменных голубых костюмах. Ослепительно белые рубашки и черные галстуки—это тоже «почерк» японской фирмы.

В Одавара мы добирались на электричке. Кроме Эрико-сан в этой поездке нас еще сопровождает активистка ОЯСС Ёсико Татибана.

— Четыре женщины,—говорит она,—это уже мощная бригада. Кто, как не женщина, может по достоинству оценить дары современной косметики. Вы чувствуете, что даже в проходной уже все пропитано ароматом духов, которые производит фирма «Канэбо».

Фабричный двор. Аккуратно подстрижены газоны. Повсюду цветы и декоративная зелень. На большом травяном квадрате словно выткан ковер из мелкого кустарника с еще более густым оттенком зелени. Он выполнен в виде колокольчика и посередине этого ковра выпуклая буква «К».

— Как здесь все продуманно и красиво!—восхищается Марет.—Посмотрите на эти пальмы, растущие в грунте. Это скорее зона отдыха, а не фабричный двор.

На крыше главного здания сооружен огромный декоративный куб. На каждой его стороне изображен все тот же колокольчик, но уже внушительного размера.

Есть во дворе две теннисные площадки. Натянута сетка для игры в волейбол. А под легким навесом столы для настольного тенниса.

— Оказывается, это еще и богатый спортивный комплекс,—продолжает комментировать Марет.

Встреча с руководством фабрики проходит в кабинете директора. На «столе переговоров» два флажка: японский и советский. О работе предприятия подробно рассказывает менеджер фабрики в Одавара Кейсукэ Такэда. Так написано в визитной карточке, которая вручена каждому гостю. Г-н Такэда занимает эту должность всего три года. Он молод, энергичен, чувствуется, что очень деловит.

В жизнь парфюмерной фабрики, говорит он, давно и прочно вошли современная технология и компьютеры. Успешно работает вычислительный центр. Ныне, в век бурного научно-технического прогресса, без автоматизации не мыслится даже изготовление губной помады, питательных кремов, краски для бровей и ресниц, лака для ногтей, всевозможных лосьонов. Но лучше пройти в цехи и самим посмотреть, как работают в «Канэбо». Сопроводжать нас будет один из ведущих работников фирмы.

Главный корпус фабрики. Поднимаемся на второй этаж и сразу попадаем в застекленную смотровую галерею. Она проходит по периметру цеха, где изготавливаются некоторые виды косметики. Сверху хорошо просматривается цепочка конвейера.

— Мы специально соорудили такую галерею,— поясняет представитель фирмы.— Для посетителей— хороший обзор, а для нас важно то, что не отвлекаются от дела рабочие. В течение года на «Канэбо» приезжает много гостей.

Идем вдоль галереи. Внизу безостановочно бегут и бегут ленты конвейера. Ритмично работают фасовочные и упаковочные машины. Все, за исключением наклеек на тюбики и баночки с кремом, автоматизировано.

— У нас высокое требование к стерильности,— продолжает рассказывать представитель фирмы.— Есть цехи, куда не заходит во время работы даже директор. Например, цех, где изготавливают косметику для глаз. Как и вы сейчас, директор смотрит на работающих там людей лишь через застекленные стены.

При фабрике имеется научный центр. Работает в нем около четырехсот специалистов. Две трети работающих в нем— женщины.

Покидаем помещение цеха и выходим опять на фабричный двор. Представитель фирмы показывает на одно небольшое здание.

— Это учебный центр. Учатся в нем всего один месяц. Принимаем на учебу девушек, работающих в косметических отделах магазинов и занимающихся распространением продукции «Канэбо» среди населения.

Они живут в хороших условиях. В общежитии есть кухня. При желании можно питаться в столовой, где прилично кормят за небольшую плату. Кроме теоретической подготовки девушки проходят практику: учатся искусству массажа и накладывания на лицо специальных кремовых масок.

Хорошо продумано на территории фабрики размещение очистительных сооружений. Чувствуется, что проблема охраны окружающей среды не ушла из поля зрения администрации.

— А этот процесс вы тоже со временем собираетесь автоматизировать?— спрашиваю полушутя и показываю на идущего вдоль дорожки человека с метлой.

— Нет,— улыбается представитель фирмы.— Мы бережно относимся к окружающей нас природе. Посмотрите, как осторожно этот человек отбрасывает в сторону каждый опавший листочек. Кстати, он хорошо пишет стихи и хорошо рисует. На нашей фабрике он работает уже много лет.

Закончив осмотр фабрики, вновь прошли в кабинет директора. Г-н Такэда зашел в него лишь для того, чтобы попрощаться с нами. Он доволен нашей встречей: поговорили и о косметике, и о космонавтике. Сейчас он должен срочно уехать: дела. Беседу с нами продолжит его заместитель по вопросам экономики.

У фирмы «Канэбо» давние деловые связи с Советским Союзом. Многие ее представители не раз побывали в Москве, Ленинграде. И не только парфюмерия связывает коллектив «Канэбо» с советскими людьми. В Московской консерватории учится брат одного из руководителей фирмы. Некоторые сотрудники этой фирмы часто ездят в нашу страну по туристическим путевкам.

Из «царства колокольчиков» мы уходим во время обеденного перерыва. Рабочие и служащие отдыхали. Летели через сетку теннисные мячи. Молодежные команды сражались на волейбольной площадке.

— Может быть, посоревнуемся с ними?— предложила Марет.— Наша сборная, составленная из игроков Токио, Москвы и Таллина, против японской молодежной команды парфюмерной фабрики «Канэбо».

— К сожалению, лимитирует время,— сказала Эрико-сан.— Нам надо ехать в Хаконэ.

— Это горная и очень красивая местность. Жители Токио часто ездят туда, чтобы подышать горным воздухом,— добавила Ёсико Татибана.— Там много деревьев сакуры. Она так чудесно цветет весной.

У проходной нас уже ждало такси. Все по форме. Машина в розово-голубых тонах. Водитель в строгом

черном костюме. На бортах такси цветные иероглифы.

— Рекламирует спортивные костюмы,— быстро пробежала Эрико-сан глазами по сделанным надписям.

Дорога долго шла по гористой и действительно необыкновенно красивой местности. Осень уже обнажила ветви многих деревьев, и они, переплетаясь друг с другом, украсили склоны гор причудливым ветвистым узором.

Склоны. Крутые повороты. От дороги то и дело вверх и вниз убегают тропинки. Останавливаемся по пути около большого дерева, сплошь увешанного белыми матерчатыми лентами. Опять «полоски желаний»...

— Лишь бы их не унес отсюда ветер,— подходит к дереву Ёсико Татибана.— В осеннюю пору он бывает ураганным и не очень добрым.

«Полоски человеческих надежд»... Жаль, что не могу и я прикрепить на одну из ветвей этого дерева в горах Хаконэ свою «полоску желаний». Что написала бы я на ней? Свое желание еще раз вернуться сюда, когда на этих горных склонах зацветет сакура...

По дороге нам часто встречаются автобусы с туристами. Приветствуем друг друга.

Подъезжаем к «заставе». Это историческое место, к описанию которого не раз возвращались японские прозаики и поэты.

Застава была построена в XVII в. по приказу сёгуна Токугава. Это был рубеж между двумя районами: к востоку от заставы был район Канто, где находился город Эдо, а по левую сторону перевала, к западу, был город Киото. Эрико-сан говорит, что это была важная застава. Она контролировала дорогу между двумя важнейшими городами страны. Другого пути для связи их практически не было. Тут проверялись документы и стражники придирчиво и подолгу вглядывались в лицо каждого человека. В 1868 г. застава была снята. В память о ее роли в истории Японии на вершине перевала установлен обелиск.

Вышли из такси, немного погуляли. Выпили по стакану прохладительного напитка. А еще побеседовали с туристами, приехавшими из Америки. Один из них даже попросил сняться с ними на память о такой интересной советско-американской встрече в горах.

— Рука дружбы,— сказал он, протягивая руку.— Все люди на земле должны дружить.

Горная дорога. В этих местах, в долине Хаякава, много горячих целебных источников. Все они вулканического происхождения. Два самых больших из одиннадцати называются «Большой ад» и «Малый ад».

— Но вода и в одном, и в другом источнике очень

целебная,— уточняет Ёсико Татибана.— Лучше бы слово «ад» заменить на «рай».

В разговор включается водитель такси. Его слова переводит Эрико-сан. Водитель рассказывает:

— Кругом богатейшая природа. Я часто привожу сюда туристов из разных стран и, конечно, жителей Токио. Большой популярностью пользуется водопад, который называется «Занавес из бус, нанизанных на нити». Разнообразны здесь леса. Растет бук, сосна, дуб, пихта, бамбук. Много и зверей. Не удивишься, если встретишь в горах лань, кабана, обезьяну. А лисиц не пересчитать. Но, пожалуй, главное украшение этих мест—Тростниковое озеро, или Асиноко. Оно образовалось в кратере вулкана, и вода в нем чиста и прозрачна. В хорошую погоду в нем, как в зеркале, отражается Фудзи, которая словно умывается в нем.

Эрико-сан хвалит водителя. Хорошо рассказывает. Из него получился бы неплохой гид.

Машина останавливается около отеля под названием «Принц». Обедать будем в ресторане «Сакура».

В зале ресторана все выдержано в густых красных тонах: мебель, шторы на окнах, скатерти, салфетки и одежда обслуживающего персонала.

Стол, за которым мы обедаем, стоит около большого окна. За окном на переднем плане японский сад с изобилием бамбука, а за садом вид на огромное озеро. Чем-то оно напомнило наше горное озеро Рица.

— Вам нравятся японские сады?— интересуется Ёсико Татибана.— Они у нас очень разные. В водоемах бывают очень оригинальные островки. То в виде черепахи, то напоминающие по своему очертанию летящего журавля. А то очень похожи на облака...

Она мечтательно смотрит вдаль, туда, где по озерной глади плывут, точнее, скользят два больших парусника. У одного паруса белые, у другого красные.

Как не вспомнить в эти минуты прекрасную повесть А. Грина «Алые паруса»?! Может быть, в Японии тоже есть свой Грэй, своя Ассоль?

Но даже прекрасным сказкам приходит конец. Покидаем отель «Принц», ресторан «Сакура». Водитель такси открывает дверцы машины.

И опять на нашем пути горные склоны, крутые повороты. Где-то недалеко находится перевал, на который можно подняться по электроканатной дороге. Водитель такси рассказывает:

— Этот перевал называется перевалом «десяти провинций». С него открывается вид на них. Названия этих провинций высечены на большом камне. Это самая

высокая точка перевала. Я был там, видел Тихий океан и Фудзи-сан.

Марет спрашивает: был ли наш водитель на вершине Фудзи? Качает головой: пока не был. Но будет обязательно.

На смотровой площадке остановка. Фотографируемся на отметке «1011 м». Я стою рядом с водителем такси. Он не только «автомобильный ас», но и прекрасный рассказчик. Тепло прощаемся с ним в городе Юмото.

До Токио едем на электричке со звучным названием «Роман». Вечером предстоит встреча с сотрудниками посольства СССР в Японии. Попросили рассказать о космонавтике, ее роли в народном хозяйстве.

...Вечер в посольстве. Даже краткое общение с людьми своей Родины и волнует и радует. Сколько дружеских улыбок и рукопожатий. Сколько вопросов и с одной и с другой стороны. Маленький советский остров в большом японском архипелаге. И слушатели здесь не «сан», а просто «товарищи». Говорить можно на русском языке, не прибегая к помощи переводчиков.

...Закончен день, заполненный столькими событиями. Закрываю глаза и еще раз «прокручиваю» все в памяти. Хороший был день.

Бамбуковый медведь и немного лирики

Каждое утро мы с Марет спускаемся завтракать в ресторан первого этажа. Официант Моритонэ встречает нас, как давних знакомых. Он ездил туристом в Москву, и она ему очень понравилась. Спрашивает: какой сегодня у нас маршрут?

— Парк Уэно и музеи.

Парк Уэно — один из любимых у жителей Токио. Здесь можно посидеть с книжкой на скамейке, побродить по дорожкам, окаймленным мелким кустарником, покормить голубей. Можно посетить находящийся в пределах парка музей национального искусства. Но, к сожалению, этот музей на ремонте. Для осмотра открыты лишь несколько залов первого этажа.

Посетителей музея встречают деревянные статуи будд. В одном из залов широко представлена национальная одежда: вышитые кимоно, праздничные наряды мужчин и женщин. Очень разнообразна выставка лаковых изделий.

Экскурсовод — сотрудница музея — подводит к большой черной вазе. Ее поверхность покрыта настоящим старым лаком. Именно старым, но который по своему

внешнему виду почти не отличается от современного. Основное качество старого лака, как объясняет экскурсовод, заключается в том, что он не портится, не трескается, не боится огня и мороза и очень прочно пристает к деревянной поверхности. К сожалению, секрет его изготовления утерян. Поэтому старинные лаковые вещи имеют большую ценность.

Лакировка — один из видов японского искусства. Смолу для получения лака собирают с деревьев уруси в апреле — октябре. В дождливое время делают на дереве насечки, откуда потом и стекает лаковый сок.

Сам процесс лакировки очень кропотлив и требует большого мастерства. Лакируемая поверхность покрывается сначала кисеей, на которую накладывается рисовый клей. Затем сверху наносят тонкий слой лака и изделие ставят в печь. Через некоторое время его вынимают из печи и вновь покрывают несколькими слоями лака. Потом блестящую поверхность украшают золотыми и разноцветными узорами.

— Лак бывает не только черный. Есть лак красный, золотой, желто-оранжевый и даже «в крапинку», — говорит экскурсовод.

Разнообразны и рисунки, украшающие многочисленные вазы, коробочки, подносы. То на темном фоне золотистые журавли, то белокрылые чайки, то извивающиеся драконы, летящие на фоне горных вершин, освещенных солнцем.

В книге «Японское искусство» Садакичи Гартман пишет, что в феодальные времена у каждого даймё был придворный лакировщик. В его обязанность, в частности, входило изготовление лаковых вещей для малолетних дочерей даймё. Делались они годами: ящик для зеркала, столик, чашка для умывания, вешалка для платья, коробочки для лекарств. Девочка росла, взрослела, все больше в ее приданом накапливалось лаковых вещей.

Экскурсия в музей национального искусства окончена.

— Погуляем по парку, — предлагает Ёсида-сан, тоже сопровождающий нас сегодня.

Народу в эти утренние часы в парке Уэно немного: в основном это старые люди и школьники. На лужайке около миниатюрного, водопада на циновке сидят девочки в школьной форме. На вид им лет по тринадцать-четырнадцать. Свои туфельки они поставили на траве у края циновки.

Школьницы собирались завтракать. В картонных коробочках фрукты, бутерброды, сладости. Одна из девочек разливает из большого термоса в чашки чай.

Эрико-сан что-то говорит девочкам. Они поспешно поднимаются с циновки и приглашают нас разделить с ними их завтрак. Беседуем со школьницами. Как они учатся? Чем увлекаются?

Одна очень милостивая девочка, чуть смущаясь, говорит, что любит рисовать. Ей хотелось бы стать художницей. Другую девочку интересуется биология. Она очень любит животных. Две девочки давно решили стать учительницами. Спрашивают и нас с Марет: как отдыхают наши школьники и изучают ли в советских школах японский язык? Беседа идет дружески. Вместе со школьницами кормим подлетевших поближе голубей.

— Это мир... Это Пикассо... Голубь — дружба, — просит перевести нам такие слова одна из девочек, которая хочет стать художницей.

Попрощавшись со школьницами, идем в глубь парка. Одна из его дорожек приводит к воротам зоологического сада.

Признаюсь, что это я очень активно уговаривала моих спутников пойти посмотреть на зверей. В нашей программе посещение зоопарка не предусматривалось. Меня поддержала Марет, сказав, что мы вполне можем обойтись без обеда. Эрико-сан молчала, но потом призналась, что любит зверей, а в зоопарке давно не была. Посмотреть на зверей всегда интересно.

Ёсида-сан долго смотрел на листок с программой дня. Потом, слегка вздохнув, сказал: «Хай!». Вместе с японской детворой, их мамами, бабушками и дедушками мы зашагали по центральной аллее Токийского зоологического сада.

У плаката с правилами поведения посетителей Ёсида-сан чуть задержался. Догнав нас, сказал:

— Взял четыре билета, а, оказывается, дети до одиннадцати и взрослые старше шестидесяти могут проходить в зоопарк без билетов. В следующий раз надо учесть.

— Начнем с Большой панды, — предложила Эрико-сан. — Это очень интересный зверь.

Большую панду, или бамбукового медведя, в японский зоопарк привезли из Китая. Бамбуковые медведи обитают в горных районах КНР, в основном в провинции Сычуань, и занесены в «Красную книгу». Принадлежат они к семейству млекопитающих енотов. Туловищем они напоминают медведя, а морда у них похожа на кошачью. Окраска бамбукового медведя черно-белая.

Бамбуковый медведь громоздок и весьма неповоротлив, но в случае опасности довольно легко взбирается на деревья. Вес медведя порой достигает девяноста килограммов. Малая подвижность лишает его возмож-

ности угнаться за добычей. Выручает Большую панду его основной корм — бамбук *синарундинария* с его вечно зеленой листвой. По примерным подсчетам, медведь может съесть за сутки от двадцати восьми до сорока килограммов стеблей бамбука и листвы, содержащей белок, углеводы и минеральные соли.

В Китае в последние годы погибли большие массивы бамбука, и Большая панда оказалась под угрозой вымирания. Это бедствие было связано с тем, что стала цвести *синарундинария*. Она цветет каждые пятьдесят-шестьдесят лет и после цветения засыхает.

По спасению бамбукового медведя по всей стране была проведена общенациональная кампания, выделены специальные средства. Помощь оказали и международные организации. Китайские школьники призывали каждого учащегося для спасения редкого животного пожертвовать по одному фыню. В уездах, где водятся эти медведи, стали заниматься посадкой бамбуковых рощ.

Вообще, бамбук — это род тростника. Он тверд как металл, и его не берет топор. Растет бамбук быстро и не требует специального ухода. Как говорят, «сегодня посадили, а к утру он уже до пояса». Листья бамбука начинаются высоко от подошвы гладкого и полого внутри ствола и раскидываются во все стороны светло-зеленым шатром.

Молодые побеги бамбука очень вкусны и нежны. Они широко используются для приготовления многих национальных японских блюд. Но главное — применение бамбука в строительном деле и в промышленности. Из него изготавливают крыши, рамы для стен домов, легкую мебель, корзины всех размеров и форм, трубы для орошения полей, шляпы и многие предметы домашнего и промышленного обихода. И, оказывается, бамбук еще очень нужен Большой панде!

Подожли к женщине-экскурсоводу, только что закончившей свои объяснения небольшой группе туристов. Она рассказывает:

— Когда бамбукового медведя доставили в Токийский зоопарк, очередь посмотреть на этого необыкновенного зверя протянулась на несколько километров. Сейчас пандовый бум прошел. Но интерес к Большой панде все еще велик. Считают, что в неволе этот зверь может прожить около тридцати лет. Нашу панду зовут Хуан-хуан.

У вольера, где обитает Хуан-хуан, стояло несколько ребятишек. Большая панда мирно дремала в углу. То ли устала от любопытствующих взглядов, то ли по режиму зоопарка это время отводится животным для сна...

В справочнике по зоопарку говорится: «Хуан-хуан

поступила в японский зоопарк в 1980 г. Ей было тогда тринадцать лет...».

В 1984 г. у Хуан-хуан появился детеныш. Но его жизнь скоро оборвалась: неповоротливая мать «нечаянно» задавила свое дитя.

Постояли у вольера. Большая панда по-прежнему в легкой дремоте. Возможно, видятся ей в эти минуты ее соотечественники и бамбуковые рощи, о которых тоже в свое время писал поэт Басё:

Поник головой до земли,
Словно весь мир, опрокинутый вверх дном,
Придавленный снегом бамбук.

Пер. В. Марковой

В зоопарке много интересных зверей. Посмотрели, как заботливо поливают водой друг друга огромные слоны, как весело играют обезьянки, разгуливают по вольерам львы и тигры. Очень много здесь красивых редких птиц.

Закончив осмотр зверей, сели в кафе за столик и вместе с японскими ребятами полакомились мороженым. Попутно побеседовали с их мамами на тему о воспитании маленьких детей. Это тема интернациональная и неисчерпаемая.

Встреча с женщинами ОЯСС, активистками, надолго останется в памяти. На нее пришли Като-сан и г-жа Накати, а также руководительницы женского отделения ОЯСС Хисаэ Кобаяси, Соноко Такино, Эцуко Цудзи. Всего в небольшой комнате, где размещается ОЯСС, собралось человек пятнадцать.

На встречу мы с Марет немного опоздали из-за непредвиденного заранее «уличного стояния» такси на одной из центральных улиц Токио.

Нас ждали. На столе стояли блюда с выпечкой, приготовленной активистками. Каждая хотела продемонстрировать гостям свое кулинарное искусство.

Разговор шел на русском языке. Активистки Общества уже сделали большие успехи в его изучении. Об этом с понятной гордостью говорила преподавательница русского языка, работающая в посольстве СССР в Японии. К сожалению, я не запомнила ее фамилии.

Первой взяла слово г-жа Накати. Она коротко рассказала о деятельности ОЯСС, о том, что они всегда радуются встречам с советскими людьми. Г-жа Накати говорила также, что такое общение способствует укреплению дружеских связей между нашими народами. Выступивший после нее Като-сан особенно подчеркнул роль женщины в борьбе за мир. Он похвалил собрав-

шихся активисток за их большую и плодотворную работу.

— У нас сегодня несколько необычная беседа,— приподнялась со своего места преподавательница русского языка.— Это еще и своего рода экзамен. Все мои ученицы будут задавать вопросы и говорить только по-русски.

Так оно и было. В этот вечер за столом преимущественно звучала русская речь.

Сначала по просьбе присутствующих я и Марет немного рассказали о себе, своей деятельности и ближайших планах. Поделились впечатлениями о поездке в Хаконэ. Рассказали, как тепло принимали нас на фабрике в городе Одавара, какая чудесная там косметика.

А потом из-за стола поочередно поднимались активистки. Женщины делились тоже своими проблемами, заботами. Много говорили о детях. Надо сказать, что «экзамен по русскому языку» все выдержали «на отлично», к такому единодушному мнению пришли мы с Марет.

— А вот японский язык мне представляется очень трудным для изучения,— высказалась я.

— Что вы!— возразила сидящая рядом со мной молодая женщина.— Наш разговорный язык достаточно прост. Например, слово-суффикс *тай* означает «хочу». Вы хотите сказать: «Хочу спать». Спать— по-японски *нэру*. Отбросьте от второго слова второй слог *ру* и добавьте к *нэ* слово-суффикс *тай*. У вас получится *нэтай*, т. е. «хочу спать».

За столом все оживились.

— Теперь вам задание,— обратилась ко мне преподавательница русского языка.— По-японски *табэру* означает «есть». Как вы скажете: «Хочу кушать»?

Все взгляды устремлены в мою сторону. Не совсем уверенно, но все же говорю:

— Табэтай.

И зарабатываю аплодисменты.

— Ну раз наша гостья проголодалась и сказала это даже по-японски, давайте приступим к ужину,— предложила г-жа Накати.

Дружеский вечер закончился пением. Спели на русском языке нашу советскую песню «Пусть всегда будет солнце!». Она очень популярна в Японии, как и во многих других странах.

Я смотрела на одухотворенные лица поющих женщин, на их добрые глаза. Думала: цену жизни особенно хорошо знают именно женщины. Ведь это они дарят человеку жизнь.

После приема в Обществе все вышли на улицу. Несколько активисток предложили проводить нас до отеля. Шли не спеша. Заговорили о японской литературе.

Творчество японских писателей многогранно. Незадолго до поездки в Японию я прочитала книгу Тэцуо Миура. Жизнь этого писателя, как видно, была нелегкой. Окончание войны он встретил пятнадцатилетним пареньком. В новелле «Я в пятнадцать лет и мое окружение» он написал так: «Я вспомнил себя в годы войны, и сердце мое защемило от боли. Сколько же молодых людей пошло на смерть вот так, беспечно, будто отправляясь на пикник!»⁵⁹.

Глубоким смыслом наполнена его новелла «Пантомима». Маленькая героиня Моё проводит много времени в «чудесном сером лесу». Таким лесом для нее стали бетонные конструкции о четырех ногах — тетраподы. Это место недалеко от дома, в котором живет Моё со своими родителями. Отец и мать приходят с работы поздно и почти не видят дочери.

Однажды Моё видит неподалеку от берега моря двух пришедших сюда молодых людей. Они любят друг друга.

«Когда Моё в первый раз увидела туфли той женщины, она вытаращила глаза от изумления: какие огромные цветы шиповника! Не разглядев, что это были просто красные туфли, решила: шиповник расцвел! Но потом сразу же поняла, что ошиблась»⁶⁰.

Конец «Пантомимы» трагичен. У влюбленных нет надежды на счастливое будущее. Взявшись за руки, они бросаются со скалы в море.

В творчестве Тацуо Миура мне понравилось то, что он выбирает своих героев из близкой ему среды. Это скромные и трудолюбивые люди: плотники, конюхи, мастеровые, пожарные, мелкие торговцы. Почему они стали его героями? На этот вопрос писатель отвечает так: «Наверное, потому, что вырос в деревне, я питаю глубокую привязанность ко всему связанному с землей, и, видно, поэтому люблю писать о людях полей, незаметно проводящих свои дни в глухих деревенских уголках»⁶¹.

В писательском портфеле автора много интересных произведений: «На пастбище», «Пресс-папье из окаменелого угря», «Блуждающий огонек» и др. В 1960 г. вышла его повесть «Река терпения», за которую он был удостоен одной из престижных японских премий — премии Акутагава.

Я познакомилась и с творчеством этого известного писателя. Книга Рюноскэ Акутагава «Новеллы. Эссе.

Миниатюры» была переведена на русский язык и вышла в издательстве «Художественная литература» в 1985 г.

— Вы знаете, что *рю* по-японски означает «дракон»?—спросила меня Эрико-сан, когда во время прогулки у нас зашел разговор о писателе Акутагава.

Оказывается, он родился в год дракона, месяц и день дракона.

Активистки сказали мне, что им тоже нравится, как пишет Акутагава. Особенно всем по душе его рассказ «Счастье».

— Там есть такие слова,—сказала одна из них после недолгого раздумья.—«Перед входом висела тоненькая тростниковая занавеска, и сквозь нее все, что происходило на улице, было хорошо видно». Мы тоже идем сейчас с вами по улице и многое видим.

— У вас прекрасная память,—позавидовала я.—А лично мне больше всего нравится его рассказ «Носовой платок».

— Да. Он широко известен. Женщины, когда читают его, часто плачут.

Содержание этого рассказа таково.

К профессору Токийского университета приходит женщина. Она недавно потеряла единственного сына. Он был студентом и учился в университете. Рассказывая о случившейся трагедии, женщина улыбается. Профессор в недоумении: он не может понять, в чем причина такого ее поведения. Во время разговора он роняет на пол веер. Нагнувшись, чтобы поднять его, профессор видит лежащие на коленях женские руки. Пальцы судорожно сжимают скомканный мокрый носовой платок. Профессор потрясен до глубины души. Он понял: горе матери огромно, но как велика ее сила воли.

Говорить можно до бесконечности. Столько интересных тем!

— Мы уже знаем, что вам нравятся стихи Басё,—говорит одна из активисток.—Можно я тоже прочту вам одно его стихотворение?

И она читает:

Ива ветви свесила...
Не уйду никак домой—
Ноги в них запутались...

Пер. В. Марковой

Намек понят: время уже позднее, и все устали. А расставаться не хотелось.

— Еще несколько минут поэзии,—предложила я.—

Давайте устроим короткое стихотворное состязание, как было у вас в Японии в давние времена. К слову, насколько я припоминаю, Басё как-то сказал своему ученику, что тот человек, который написал три или пять превосходных стихотворений,—настоящий поэт.

— А тот, кто написал десять хороших стихотворений,—уже настоящий мастер,—дополнила меня активистка.

Так еще некоторое время шли мы по улицам Токио, соревнуясь в знании стихов японских поэтов. Я и Марет проиграли это состязание, но удовольствие получили большое. Замечу, что многие стихотворения японские друзья читали по-японски. Их звучание очень красиво.

Почему в Японии так любят поэзию? Я тоже думала об этом. Один из ответов, и, как мне кажется, удачных, дал Г. Востоков в одном из своих очерков «Язык и литература Японии».

«Главный источник поэзии Японии, вдохновлявший лучших ее поэтов—чувство природы, любование каждым ее явлением, то чувство глубокой симпатии, которое всякого японца сближает, роднит со всяким проявлением жизни в природе, подчеркивает, делает осязаемую связь его с ней; здесь сказывается почти наивное отождествление, способность слияния, разговора с ней. Лучшие, самые дорогие сердцу японскому, праздники народные—праздники цветов. Вместе с распусканием сначала сливы, потом вишни, далее глициний и т. д. до осенних хризантем весь народ охватывается праздничным, поэтическим оживлением и трогательною радостью. Вся печать следит за цветением как за явлениями национальной важности, и тысячи паломников стекаются в сады и рощи распускающихся деревьев. И тут развертывается настоящая вакханалия стихосложения; зрелище цветущих деревьев—в особенности вишни, этого национального дерева,—вдохновляет всех; люди пишут свои экспромты на обрывках бумаги и прикалывают их к стволам деревьев, говорят их вслух перед радостно настроенною толпою; лучшие экспромты вызывают восторженное одобрение, попадают в прессу и разносятся по всей Японии.

Сотни подобных стихотворений входят в состав национальной поэтической сокровищницы»⁶².

Особенность японского стихосложения—это необычайная краткость. Это эпиграммы, небольшие оды, изречения. Все содержание стихотворения обычно занимает лишь несколько строк.

В японском языке нет ритма и нет рифмы. Способом образования стихотворения является счет слогов в строках.

Машины, которые пакуют, и рыба

Город Йокогама, куда мы приехали утром следующего дня,—один из крупнейших морских портов Японии. Он третий по числу жителей в стране: в нем живет около трех миллионов человек. Именно этот город открыл иностранцам доступ в Японию после долгого периода самоизоляции. Это было в 1858 г.

В сопровождении одного из членов ОЯСС мы едем на завод, производящий упаковочные машины.

Нашу делегацию принимает член правления ОЯСС, президент «Nichiro Kogyo Company» г-н Садахико Идэ.

Знакомимся с директором завода, двумя его заместителями. Завод не очень большой, но продукция, которую он выпускает, пользуется большим спросом и в самой Японии, и за ее рубежами. На географической карте, висящей на стене в кабинете директора, кружочками обведены города, куда отправляется продукция завода. Обведен таким кружочком и город Москва.

— У нас хорошие деловые связи с газетой «Правда», ее типографией,—говорит директор.—Машины нашего предприятия установлены там для упаковки и счета газет.

После окончания беседы знакомимся с производством. Машин в цехах много. Идет их отладка, проверяют работу механизмов. Интересно наблюдать за тем, как ловко ведется счет листам бумаги, перетяжка их лентой. Отсюда готовый пакет идет на отправку. Четкая и очень хорошо отлаженная операция.

К нам подходит рабочий средних лет. Он недавно приехал из командировки. Занимался в Москве наладкой этих машин. Немного знает русский язык. Говорит, что теперь у него есть друзья в Советском Союзе.

После осмотра завода директор просит сфотографироваться около одной из работающих машин.

— А теперь настало время обеда,—говорит он.—Вас приглашает пообедать господин Идэ.

Поднимаемся на восьмой этаж современного отеля. Г-н Идэ уже ждет нас.

За обедом идет оживленная беседа. Немного о заводе, об упаковочных машинах. А потом «вольные» темы, интересующие всех собравшихся за этим столом.

Молоденькие официанты один за другим заглядывают в наш зал.

— Впервые видят так близко советских людей,—улыбается Идэ-сан.—Да к тому же еще деловых женщин.

Он поднимается с места и обращается ко мне:

— Мне сказали, что вчера в Киото вы отмечали ваш

день рождения. Разрешите поздравить вас, пожелать доброго здоровья. Прошу вас выбрать любое вино, которое находится в этой комнате.

Идэ-сан показывает на одну из стен зала, напоминающую по своему виду пчелиные соты, но с ячейками существенно большего размера. Все они заполнены бутылками фирменных вин. На каждой наклейка с указанием страны-изготовительницы и года выпуска.

Я встала, прошла вдоль стены. Каких только вин здесь нет! Подумала немного и, зная, что в Японии ценят шутку, спросила:

— А можно, Идэ-сан, из каждой бутылки по одной капле?

Раздался дружный смех.

— Можно,— без тени смущения ответил Идэ-сан.— Только тогда вам придется продлить визу. Это длительная процедура.

Хлопотать о продлении визы я, естественно, отказалась. Вино Идэ-сан выбрал по своему вкусу. Оно было нежно-розового цвета. Наливая его в бокалы, официант сказал, что такое вино всегда в день своего рождения пила испанская королева. Дожила она до глубокой старости.

Идэ-сан интересовался, как нам понравилось в горах и где мы с Марет уже бывали в Токио.

— Мне очень понравился ваш новый кинотеатр в центре города,— сказала я.

Накануне вечером я и Эрико-сан посмотрели в нем американский фильм из жизни джаза. Правда, сама картина не произвела сильного впечатления: слишком громкая музыка и банальная история двух молодых влюбленных героев. Но здание кинотеатра, оформление фойе и залов мне понравилось. На лифте можно, выбрав фильм, подняться на нужный этаж. Если зрительный зал уже заполнен и показ фильма начинается, дежурный распорядитель тут же связывается по телефону с администратором. Поговорив с ним, он просит перейти на другой этаж, где через несколько минут этот фильм тоже будет демонстрироваться. Отличный сервис.

Выслушав мой рассказ, Идэ-сан посмотрел на меня, как мне показалось, с некоторой грустью:

— Я не знал, что у нас в Токио есть такой современный кинотеатр. У меня бизнес. Я очень занят.

Да, наверное, так живут многие деловые люди Японии.

На рыбный завод в городе Йокосука (местечко Курихама) мы поехали сразу же после обеда. Идэ-сан не смог поехать с нами: бизнес!

— Как вы знаете, рыболовство — одна из основных отраслей в нашей стране, — сказал он, прощаясь. — Его развитию в Японии всегда уделялось очень большое внимание. Вам будет интересно посмотреть, как идет переработка рыбы в заводских условиях.

Обычно рыболовство разделяют на три категории: прибрежное, дальнее и связанное с искусственным разведением рыбы. В прежние времена рыбаки не отходили очень далеко на своих лодках от берега. Улов здесь был богатым. Но с годами рыбы здесь становилось все меньше и меньше. Вода из-за сброса предприятиями сточных вод загрязнялась все больше. И многие рыбаки бросали индивидуальный лов, стали наниматься рабочими к владельцам крупных рыболовецких монополий.

В конце 70-х годов повсюду в мировом океане была введена 200-мильная (экономическая) прибрежная зона. Под исключительной юрисдикцией всех прибрежных государств оказались районы моря, на которые, согласно статистике, приходился основной улов (примерно 95%).

Основной пищей японцев являются рыба, моллюски, водоросли. Они нужны и для лечебно-профилактических целей, поскольку содержат в себе жизненно важный для человеческого организма кальций. Поэтому вполне понятно, что в связи со сложившейся ситуацией остро встал вопрос о необходимости искусственного выращивания рыбы.

В японском рыболовстве уже имелся опыт разведения устриц и культивированных угрей. Нашло распространение выращивание искусственным путем водорослей, дальневосточного морского гребешка, карпов, лавра-желтохвоста и таких редких рыб, как фугу и радужная форель, лососевые и кижуч.

Это то, что касается рыбы. Но, говоря о японском промысле, нельзя не сказать хоть немного еще об одной важной отрасли экономики — жемчуговодстве. В разговоре с нами японцы не раз возвращались к этой теме, говорили: «Женщины всегда проявляют интерес к жемчугу и украшениям из него. Он так нелегко добывается».

Добычей жемчуга в Японии стали заниматься давно. В поисках раковин специальные ныряльщицы — *ама* — проводили под водой в общей сложности до трех часов. Сотни раз опускаясь на морское дно, они оставались там от сорока до восьмидесяти секунд.

Жемчужина рождается в моллюске только тогда, когда в него попадает инородное тело. Им может быть песчинка, а их в морских глубинах не счесть. Осторож-

но входя в студенистое тело моллюска, песчинка, захватив с собой кусочек поверхностной ткани, постепенно обволакивается клетками. И рождается перл то розового, то белого, то желтоватого цвета. А иногда получается и черный с серебристым оттенком.

В одном из ювелирных магазинов Токио я видела витрину, в которой были выставлены жемчужины всевозможных расцветок. Сказочная картина!

Жемчуг научились выращивать теперь искусственным способом. Мне рассказывали, что в городе Тоба есть музей жемчуга. Он носит имя Микимото. Именно ему принадлежит идея о выращивании жемчуга искусственным путем. На это понадобились годы напряженного поиска. Микимото был баснословно богат и еще при жизни получил звание «жемчужного короля». Умер он в 1954 г. в возрасте девяноста шести лет.

Кстати, о жемчуге тоже есть легенда. Но на этот раз она родилась в Персии. Чем-то она напоминает легенду о возникновении Японских островов. Здесь тоже главную роль играет капля, но только на этот раз дождевая. А упала она в океанскую воду с тучи, закрывшей солнечный свет. Очутившись в морской воде, капля ярко заблестала и тем расстрогала суровый океан. И он решил навечно подарить капле этот блеск, оттененный светом радуги. И сказал океан пророческие слова: «Отныне ты будешь повелевать женщиной!».

Но вернемся из «царства жемчуга» в цехи рыбного завода местечка Курихама, куда мы приехали посмотреть, как производится переработка свежей рыбы.

На всех этажах просторного и светлого корпуса занимаются рыбой: коптят, готовят полуфабрикаты. Многие цехи механизированы, и умные автоматы успешно соревнуются с рабочими завода.

Облачившись в белые стерильные халаты и спрятав волосы под белые шапочки, идем в цех. Перед входной дверью погружаем ноги, обутое в белые резиновые сапоги, в небольшое углубление с дезинфицирующим раствором. В таком белоснежном одеянии подходим к работницам цеха. Они заняты приготовлением сосисок, блинов и рыбных пельменей.

Упаковку готовой продукции производят машины. Механическая рука погружает пакеты с полуфабрикатами в специальные ящики. Через три часа сосиски, блины, пельмени будут доставлены заказчикам, поступят в рестораны, на прилавки магазинов.

— У нас с Советским Союзом деловые контакты,— говорит идущий вместе с нами представитель дирекции.— Наша фирма покупает в СССР крабов, лососей, папоротники.

Подходим к огромному разделочному столу. Здесь и впрямь работает виртуоз-кудесник.

Мужчина могучего телосложения держит в руке острый нож, напоминающий меч. Левой рукой он берет уже обезглавленную и выпотрошенную рыбину и, приподняв ее над столом, взмахивает ножом. Затем разворачивает ее на сто восемьдесят градусов и делает еще один взмах. В руках у рабочего только скелет рыбы, а на разделочном столе лежат две аккуратные половины тушки. Так рыбина за рыбиной. Около рабочего на наших глазах растет горка рыбьих скелетов.

— Мы уже готовимся к Новому году, хотя по календарю еще только ноябрь,—говорит начальник цеха.—Надо полностью удовлетворить спрос на праздничные подарки. Хотите посмотреть, сколько здесь выдумки?

В отделе подарков дразнящий запах копченой рыбы. В лотках мелкая рыбешка и куски крупной рыбы. Около стены навалом лежат коробки. Художники действительно хорошо продумали их оформление. На крышках в основном морские пейзажи. То стаи рыб, то огромный краб. И даже есть... Фудзи! Какая популярная гора!

Представитель дирекции, прощаясь, преподносит мне и Марет новогодние сувениры: рыбные супы в оригинальной упаковке. В Москве и Таллине друзья потом дадут высокую оценку их вкусовым качествам.

Мы говорим: «До свидания»

Итак, семь «японских дней» подходят к концу. В здании «Интернационального дома», в котором мы живем, вечером состоится прощальный прием. Придут представители посольства СССР в Японии, активисты Общества японо-советских связей.

Прощаться с хорошим всегда немного грустно. Но жизнь состоит из встреч и разлук. От этого не уйти.

Активистки Общества, пришедшие на прием, сегодня нарядные, одеты с большим вкусом. От моды они не отстают. Пришли также и другие гости: представители Токийского университета, журналисты, ученые.

Мы с Марет чувствуем себя немного неловко. Все до одного стоят, а мы с ней сидим на стульях.

— Так принято,—успокаивает нас представитель советского посольства.—Это этикет.

К микрофону подходит Като-сан. Он так тепло говорит о нашей недавней встрече с активистками

Общества. Особенно его тронула исполненная на русском языке песня «Пусть всегда будет солнце!». Как хорошо и дружно все ее пели. Он говорит, что солнце всегда должно светить людям: оно дает им жизнь! Когда женщины пели, Като-сан подумал, что в эти минуты оно тоже вошло в комнату и пело вместе со всеми. Очень проникновенно говорил Като-сан о японо-советской дружбе.

После него выступил советник-посланник Людвиг Александрович Чижов, г-жа Накати и я как глава делегации.

Конечно, для меня и Марет это были волнующие минуты.

После окончания официальной части все подошли к столикам. Идэ-сан познакомил нас с журналистами, учеными. Мы говорили о роли науки в жизни современного общества, о том, как должен человек бережно относиться к окружающей его природе, о пользе космических исследований и, конечно, о дружеских контактах между нашими странами.

— Мы не прощаемся с вами, а говорим: «До свидания»,— сказала г-жа Накати.

— Теперь надо приехать в Японию весной, когда цветет сакура,— дружески улыбнулся Идэ-сан.— Это прекрасный праздник. Кстати, я тоже завтра лечу в Москву. Но только самолетом японской авиакомпании. Предстоит поездка еще в Баку, Ленинград. Но главные дела в Москве.

— Значит, обменяемся сначала воздушными рукопожатиями в воздухе, а потом поприветствуем друг друга уже на московской земле, Идэ-сан!

Сердечно простились мы и с активистками Общества. И, конечно, особенно добрые слова адресовали Эрико-сан, сделавшей все возможное, чтобы наше пребывание в Японии было таким приятным.

Разошлись поздно. Оставшись с Марет вдвоем, тут же, не раздумывая, приняли решение: еще раз пройтись по улицам Токио.

Прощай, японская столица! Еще не погас свет в витринах магазинов, хотя опущены многие жалюзи и задвинуты в окнах шторы. Сколько уже стоит около домов дедов-морозов почти в человеческий рост. На головах у них высокие шапки, а в руках корзинка, приготовленная для новогодних подарков. Скоро Новый год! Об этом уже напоминают и декоративные елочки с зажженными на них фонариками.

Как всегда многолюдно в «Патинко». Широко распахнуты двери ночных кабаре. И по-прежнему от подошвы Токийской башни до ее макушки бегут,

догоняя друг друга, задорные огоньки. Они словно прощаются с нами.

Токио провожал солнечным светом, теплой безветренной погодой.

— Вам повезло,— сказала вчера г-жа Накати.— Такие хорошие дни. Была видна Фудзи-сан. Так бывает у нас далеко не всегда.

...Аэропорт Нарита. В воздух один за другим поднимаются самолеты. Они летят в разные страны мира. Только что взлетел самолет японской авиакомпании, взяв курс на Москву. В одном из его салонов находится Идэ-сан, постоянный член правления Общества японо-советских связей. Мы полетим следом за ним.

Пассажиров авиалайнера «Ил-62 М» просят пройти на посадку.

— Привет Москве!— прощаясь, говорит Сергей Петрович Харин.

— И мягкой московской посадки,— поднимает приветственно руку Эрико-сан.

Занимая свое место в салоне самолета, спрашиваю стюардессу:

— Какая погода в Москве? И скажите, пожалуйста, как вас зовут.

— Погода хорошая, летная. А зовут меня Оля...

С высоты хорошо видны улицы, площади японской столицы. Видно соединяющую Токио с аэропортом Нарита автостраду. Последней из зоны видимости уходит береговая кромка. Под крылом нашего авиалайнера теперь лишь с голубоватым оттенком море.

Часть вторая

ЦВЕТЕТ САКУРА

Интервью в издательстве «Асахи симбун»

По григорианскому календарю сегодня 7 апреля 1986 г. Как и полтора года тому назад, я лечу из Москвы в Токио. Сажу во втором салоне авиалайнера «Ил-62 М». Экипаж выполняет международный рейс «Париж — Москва — Токио».

Много часов своей жизни провела я в воздушном океане, порой таком спокойном, умиротворенном, а то взлохмаченном темными тучами. Иногда где-то совсем близко небо пронизывали зигзаги молний и доносились раскаты грома. И сколько за годы жизни прошло под крылом самолета лесов, полей, рек, огней засыпающих городов.

Воздушный океан... Как это замечательно, что в XX в. человек обрел долгожданные надежные крылья.

Впереди путь в восемь тысяч воздушных километров. Лечу и думаю: когда очень хочется, чтобы мечта осуществилась, она обязательно сбывается. Вот ведь опять встречу с Японией. И на этот раз, как мечталось, в весеннюю пору. Чувство наступающей весны придает начавшемуся путешествию какое-то особое очарование. Лечу в Японию.

Из Москвы вылетели точно по расписанию — в 20.45 по московскому времени. Столица провожала, слегка нахмурилась. Землю окутал туман. Погода не такая уж летная, но нас все же выпустили.

Среди авиапассажиров на этот раз много молодежи. Из Парижа летят японские спортсмены, принимавшие участие в легкоатлетических международных соревнованиях.

Все почти так же, как было в 1984 г., когда мы направлялись в Японию вместе с Марет Ульвик. Разве только изменился цвет спасательных жилетов, которые лежат под сиденьями кресел: жилеты теперь красные, а не желтые. И двух стюардесс, которые обслуживают наш салон, зовут Татьянами, а не Ольгами.

На этот раз я лечу в Японию одна и опять по

приглашению Общества японо-советских связей. Цель поездки — встреча с активистами Общества в связи с приближающейся юбилейной датой. Двенадцатого апреля будет четверть века со дня полета первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина. Буду рассказывать о том, как в нашей стране чтят память о Гагарине, о недавно выведенной на околоземную орбиту долговременной станции «Мир», о первых результатах полета к комете Галлея автоматических межпланетных станций «Вега-1» и «Вега-2» и, конечно, о том, как помогают космические исследования народному хозяйству, стимулируют развитие науки и способствуют укреплению международного сотрудничества.

О прошлой поездке в Страну восходящего солнца остались самые добрые воспоминания. Тогда, возвратившись в Москву, я много рассказывала друзьям о Японии. Они заинтересованно слушали, задавали много вопросов. Понятно, что мое знакомство с этой страной и ее людьми было кратким и подчинено заранее составленной программе пребывания. Многие вопросы жизни страны остались вне поля моего зрения. И это понятно. Чтобы хорошо узнать людей, познакомиться с образом их жизни, надо подольше пожить рядом с ними, постараться установить личные контакты и, хоть в небольшой степени, овладеть языком. Но даже краткий рассказ о Японии в моем личном ее восприятии неизменно вызывал интерес у моих слушателей.

Еще в Москве, задолго до отлета, мне было известно, что примерно часа через три после прибытия в Токио у меня будет встреча с научным обозревателем одной из крупнейших газет — «Асахи» («Асахи симбун»). Буду давать интервью.

Газета «Асахи» недавно отметила свой столетний юбилей. Она выходит на японском и английском языках. Тираж утреннего выпуска (24 полосы) составляет 7,7 млн. экземпляров, а вечернего (8—16 полос) — 4,6 млн. экземпляров. Кроме Токио она издается также в Осака, Саппоро, Нагоя и Китакою. Эта газета входит в пятерку ежедневных крупнейших общенациональных газет. В пятерке этих гигантов «индустрии общественного мнения» Японии также газеты «Иомиури симбун», «Майнити симбун», «Санкэй симбун», «Нихон кэйдзай симбун».

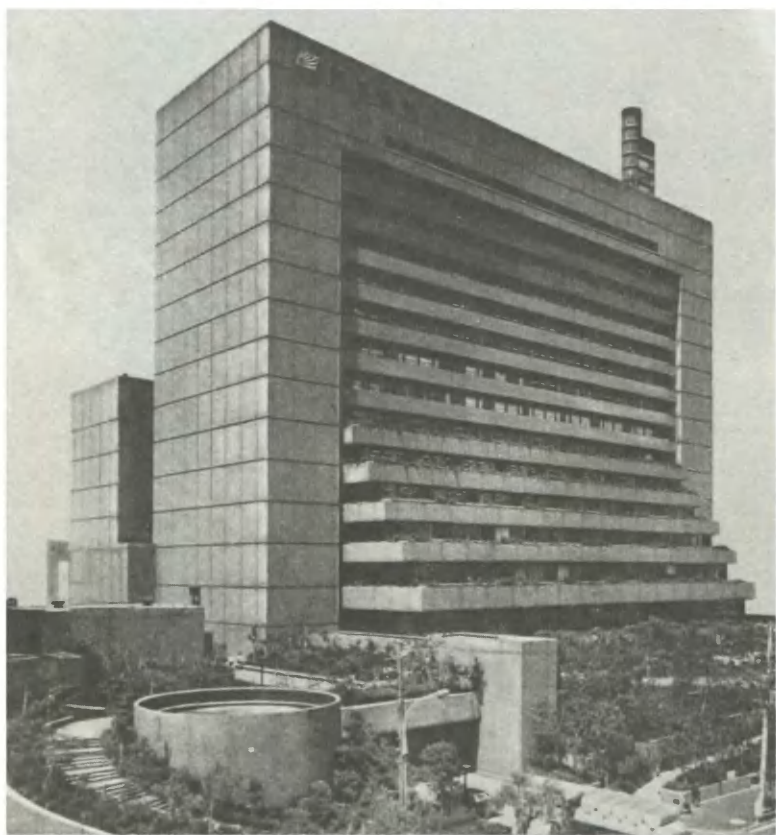
Небезынтересна характеристика газеты «Асахи», которая в качестве цитаты приводится в статье И. В. Иванова «Япония в середине 80-х годов; буржуазная пресса и общество». Читаем. «„Асахи симбун“ — самая влиятельная и респектабельная газета. Это консультативный институт крупной буржуазии и высшего

Отсюда открывается
великолепный вид на дали,
1984 г.

Храм Тадайзи.
Одна из крупнейших в мире
статуй Большого Будды
поражает своим величием,
г. Нара

После интервью
в «Асахи симбун»,
1986 г. (в центре:
научный обозреватель
газеты Фумихико Иосида,
И. В. Стражева, Аки
Накати)

Номер «Асахи» с рассказом
о советской космонав-
тике вышел из печати
10 апреля 1986 г.

Встреча с активистками ОЯСС
надолго останется в памяти

Главное здание
одной из крупнейших японских газет
«Асахи», г. Токио

На дружескую встречу
к г-же Цудзи
пришли ее соседки

Ребятишкам
детского сада «Сакура»
очень понравилась
русская матрешка

Юные артисты
крепко заснули
после встречи
с советской гостьей

**Бамбуковый медведь
давно занесен
в «Красную книгу»**

**Нелегко овладеть
искусством еды
с помощью хаси**

**Лекция по космонавтике
для активистов ОЯСС,
1986 г.**

К известному советскому хирургу-офтальмологу С. Н. Федорову приехали в Москву врачи из Японии

Токийский оптовый (рыбный) рынок привлекает к себе внимание многочисленных зарубежных туристов

**Специальный корреспондент
«Хоккайдо симбун» Карё Ямае
с интересом расспрашивал
председателя клуба «Человек и дельфин»
Л. Н. Филиппову об отправленном
в океанские просторы «Послании Мира»**

На прощальном приеме, 1984 г.

«Сакура. Сакура... То ли туман, то ли облако...»,—
поется в популярной японской песне.

государственного аппарата, который служит ориентиром для всех, кто занимает господствующее положение в сфере политики и экономики страны. „Асахи“ всегда стремится быть лидером, „быть везде и во всем самой лучшей, самой первой“. В ней работают „самые лучшие в Японии“ журналисты, ее материалы можно назвать буквально „золотыми“ — так дорого они обходятся, заработная плата ее сотрудников самая высокая в газетном мире Японии, конкурсные экзамены для поступления на работу — самые строгие»¹.

И далее автор статьи пишет:

«Она всегда стремится задавать тон, служить примером и образцом для всех других японских газет — в становлении типа буржуазных изданий, в формировании общественного мнения в масштабе всей страны по важнейшим вопросам, в организации широких газетных кампаний, которые оказывают влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Без „Асахи“ невозможно представить Японию. „Асахи“ — одна из старейших и крупнейших газет»².

И, наверное, вполне объяснимо мое волнение в связи с предстоящей встречей в «Асахи». Не скрою, что при этом я испытываю и чувство удовлетворения: мне будет предоставлена возможность рассказать читателям этой престижной газеты о достижениях советской космонавтики.

Монотонно гудят двигатели. Японские спортсмены спят. А я, как всегда, во время полета не оторвусь от иллюминатора. За бортом сменяются краски. Как богата ими наша Вселенная! И как красив восход солнца!

Рядом со мной сидят две японские девушки. Одеты они по-европейски. Обе они студентки и учатся в Мадриде. Три последних дня провели в Москве, впервые знакомясь с ней.

— Москва нам понравилась, — говорит моя юная соседка. — Город благоустроенный и чистый. Очень хорошее метро. Успели побывать в Большом театре на балете. Познакомиться с жизнью другого народа всегда интересно. Но с вашей молодежью мы очень разные. Я говорю не о внешнем виде, а о содержании. Мы живем более скованно... Чем я люблю заниматься? Люблю рисовать.

Она достает из дорожной сумки блокнот, раскрывает его. На листке карандашный набросок. Это портрет сидящей с ней рядом девушки. Они учились в одной школе, вместе поехали в Испанию и по окончании учебы станут преподавательницами испанского языка. Спрашивает меня:

— Хотите, вас нарисую?

Но я отказываюсь. Пусть лучше нарисует вон того красивого японского юношу в спортивном костюме. Он все время поглядывает в сторону нашего ряда.

— Хай!— произносит моя соседка и что-то говорит по-японски своей подруге. Они многозначительно переглядываются и смеются.

Но вот уже позади десять летних часов. Внизу показались острова. Видны горы со снежными шапками, береговая кромка. На о-ве Хонсю отчетливо просматриваются квадратики рисовых полей.

В ясный безоблачный день наш авиалайнер точно по расписанию прибывает в уже знакомый мне японский аэропорт Нарита.

Здесь тоже почти ничего не изменилось за прошедшие полтора года. Тот же пристальный взгляд чиновника пропускного пункта: на меня, на фотографию в паспорте, опять на меня. Я на японской земле.

Уже знакомый мне Сергей Петрович Харин, работающий в посольстве, пожимает руку, поздравляет с благополучным прилетом. На этот раз он встречает меня вместе со своей супругой Лидией Петровной.

— Что нового в Москве,— спрашивает Сергей Петрович.— Какая там у нас погода?

У выхода из аэровокзала нас ждут г-жа Накати и Эрико-сан. Г-жа Накати, здороваясь, протягивает цветы:

— Это розы Японии. А на улицах, площадях и в парках Токио, Киото, Нара и Осака уже цветет сакура. Эти города в плане вашей поездки по стране. На этот раз вы будете жить в центре Токио, в районе Гиндзы.

Едем по автостраде в Токио. За рулем «Тоёты» Сергей Петрович. На пути нередко встречаются белорозовые деревья дикой вишни. Весна пришла в японскую столицу, и расцвела сакура.

Проезжаем мимо буддийского храма. На въездных воротах вывешены флаги. Полотнища слегка колышутся на ветру.

— Сегодня большой праздник,— напоминает г-жа Накати.— День рождения Будды.

Сергей Петрович посматривает на часы. И все чаще звенит колокольчик, предупреждающий водителя автомобиля, что он превысил допустимую скорость.

— Вам надо хоть немного отдохнуть с дороги,— обращается ко мне Харин.— Встреча в «Асахи симбун» будет продолжительной.

— И надо успеть выпить чашку кофе,— вставляет свое слово Эрико-сан.— Я не забыла: вы любите кофе и мороженое.

Согласно киваю головой. Что поделаешь, у каждого человека есть свои слабости.

«Тоёта» останавливается у подъезда углового девятиэтажного здания. Это «Гиндза Токио отел». Отсюда в пяти минутах ходьбы находится станция метро. В отеле, как обычно, есть ресторан, кафе. На первом этаже расположены киоски, в которых можно купить газеты, журналы, сувениры, косметику.

Г-жа Накати одобрительно отзывается об этом отеле:

— Хотя он в центре города, но здесь очень тихо.

Окна моего номера выходят в чистый и опрятный внутренний дворик. На тумбочке телефонный аппарат оригинальной конструкции. В холодильнике набор прохладительных напитков. В ящике письменного стола лежат две немного потрепанные книги: одна про буддизм, другая про синто. Обе на английском языке.

Сажусь в глубокое мягкое кресло. Надо немного расслабиться и затем собраться с мыслями.

В редакцию газеты «Асахи» мы поехали вместе с г-жой Накати и Эрико-сан. Вместе с нами также и Соноко Такино, уже знакомая мне активистка ОЯСС. На этот раз она взяла на себя нелегкий труд переводчицы.

Подъезжаем к светло-коричневому многоэтажному зданию. Издали своими очертаниями оно немного напоминает гигантский телевизор. Экраном его как бы служат окна этажей, выходящие на лоджии.

— Шестнадцать этажей этого здания поднялись до высоты в семьдесят один метр,— рассказывает Соноко Такино.— И еще четыре этажа уходят под землю.

— Здание вошло в строй сравнительно недавно, в 1980 г.— дополняет рассказ г-жа Накати.— Здесь самое современное оборудование. Компьютеры. Терминалы.

Издательство газеты «Асахи» начало свою деятельность в январе 1879 г. Сначала газета выходила в Осака. Первый ее номер читатели взяли в свои руки 25 января. Потом главное, или головное, издательство перебазировалось в Токио. Первый номер вышел в столице 10 июля 1888 г.

У входа в здание нас уже ждут два сотрудника газеты. Вместе с ними поднимаемся на лифте на предпоследний этаж.

Вошла в комнату и сразу потянулась к окну. Какой отсюда прекрасный вид на город!

Ко мне подходит сотрудница «Асахи», говорит:

— За теми большими домами расположен оптовый рынок, точнее, «рыбный рынок». Он заслуженно счита-

ется достопримечательностью нашей столицы. Но идти туда надо рано утром и в хорошую погоду.

Наш разговор прерывается. Знакомлюсь с главным научным обозревателем отдела новостей «Асахи» Фумихико Иосида. Его имя хорошо известно в журналистских кругах. Он молод, приветлив. Обмениваемся с ним визитными карточками.

Кроме сотрудников газеты сюда пришло еще несколько человек. Кто же принимает участие в сегодняшнем разговоре? В Японии, как и во многих других зарубежных странах, принято при знакомстве тут же вручать свою визитную карточку. Там указано, чем занимается человек, какая у него должность и в какой служит фирме.

Раскладываю на столе перед собой врученные мне карточки. Вглядываюсь в лица присутствующих и стараюсь запомнить, кто есть кто.

В числе моих собеседников Рёдзиро Акиба из института аэронавтики, Кодзи Фусими, известный физик, первый президент научного совета Японии, С. Такэбэ — научный редактор, Эмико Тэруяма из сектора по проведению симпозиумов. Люди весьма представительные и интересные.

Позволю себе сделать здесь небольшое отступление. В июле 1986 г. вместо Такудзи Като президентом ОЯСС был избран г-н Кодзи Фусими. Он почетный профессор Осакского и Нагойского университетов, член палаты советников парламента Японии. В 1961 г. окончил физический факультет Токийского университета и является директором Института плазмы в Нагое. По приглашению Академии наук СССР Кодзи Фусими в 1971 и 1981 гг. был в Советском Союзе. В 1982 г. за достижения в области физики плазмы и термоядерного синтеза избран иностранным членом Академии наук СССР.

Сейчас этот крупнейший ученый сидит неподалеку от меня.

Магнитофон включен. Говорить буду по-русски. Вижу, что сегодняшняя переводчица Соноко Такино немного волнуется, но Фумихико Иосида успокаивает ее: с космической тематикой он знаком достаточно хорошо.

Первый вопрос относится к истории космонавтики. Что предшествовало полету Гагарина?

...Далекое прошлое человечества. Люди наблюдали за техникой птичьего полета и, глядя на птиц, завидовали им. Человек страстно хотел научиться летать. И научился, но только в конце XIX — начале XX в. В жизнь людей уверенно вошли дирижабли, воздушные

шары, самолеты и вертолеты. Благодаря им стали доступными недоступные ранее земли, разделенные морями и горными вершинами. Сократилось томительное время разлук. Летательные аппараты стали надежными помощниками в трудовой жизни людей, расширили горизонты науки. Человек научился летать, но поначалу только в атмосфере планеты, в ее нижних слоях.

А потом настал и долгожданный «звездный час». Научно обоснованные идеи основоположника космонавтики Константина Эдуардовича Циолковского обрели силу. Смелый прорыв в космос был сделан именно на родине ученого, в первом в мире рабоче-крестьянском государстве. Сегодняшние достижения космонавтики — прекрасное подтверждение предвидений и предначертаний Циолковского.

4 октября 1957 г. с советского космодрома в околоземные просторы вышел первый в мире искусственный спутник Земли: он был создан руками человека. Своим полетом этот конструктивно предельно простой спутник оповестил людей всей Земли, что космическая эра человечества началась.

Десятки, а потом сотни советских искусственных спутников Земли самого разного назначения, в том числе метеорологические и спутники связи, выходили на расчетные орбиты. Полетели к Луне и планетам Солнечной системы автоматические межпланетные станции. Через три с половиной года после полета первого искусственного спутника Земли с космодрома Байконур стартовал корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Впервые разорваны оковы земного тяготения. Начались пилотируемые полеты. Сто восемь минут полета Юрия Алексеевича Гагарина показали, что человек может жить в мире невесомости. Это было двадцать пять лет тому назад.

Один за другим, сначала по одному, потом в составе экипажей, космонавты постепенно обживали «Востоки», «Восходы», «Союзы», «Салюты». Они учились жить и работать в космическом пространстве. На корабле «Восток-5» успешно стартовала с Байконура первая в мире женщина-космонавт Валентина Владимировна Терешкова. Покинув космический корабль, впервые «шагнул» в открытое космическое пространство бесстрашный Алексей Архипович Леонов. Появились и «космические долгожители».

Космонавт — это теперь профессия. За ее внешней стороной все более повышающиеся требования. Это многолетний подготовительный труд, необходимость усвоения все более возрастающего объема нужных

знаний, колоссальное напряжение физических и духовных сил, огромная ответственность перед обществом. Нелегкая, но такая нужная в наш космический век профессия.

А начинал освоение космоса Гагарин.

Вопрос. Как чувствуют себя советские космонавты Кизим, Соловьев и Атьков?

Вопрос закономерен. Леонид Денисович Кизим, Владимир Алексеевич Соловьев и Олег Юрьевич Атьков стартовали на космическом корабле «Союз Т-10» 8 февраля 1984 г. 236 суток 22 часа и 49 секунд — такова продолжительность полета космического экипажа — командира корабля, бортинженера и врача. Работа этих «рекордных долгожителей» на орбитальной станции «Салют-7» проводилась по широкой многоцелевой программе и была исключительно плодотворной. Чувствуют они сейчас себя хорошо.

Теперь разговор пойдет о долговременной орбитальной космической станции «Мир», функционирующей на орбите с 20 февраля 1986 г. Пока она летает в автоматическом режиме. Название для этой станции выбрано не случайно. Мир для человечества — самое главное: войны ему не нужны.

Новая станция «Мир» пришла на смену «Салютам». По своей конструкции и техническому оснащению это станция третьего поколения. Она предназначена для проведения большого комплекса работ народнохозяйственного и научного значения, для дальнейшего развития делового сотрудничества с другими странами, в первую очередь социалистическими.

Станция «Мир» снабжена шестью стыковочными узлами. Это базовый блок для построения многоцелевого постоянно действующего пилотируемого комплекса. Научное оборудование будет размещаться теперь не в самой станции, а в специализируемых орбитальных модулях. Стыковка с ними будет производиться непосредственно на орбите. По своему назначению модули будут научного и народнохозяйственного значения. Ближайший модуль — астрофизический³. Все необходимое для жизни и работы космонавтов будут доставлять им хорошо зарекомендовавшие себя автоматические грузовые корабли «Прогресс».

— Осенью этого года в Японии намечено провести симпозиум «Мирный космос», — замечает Эмико Тэруяма. — Хотелось бы видеть на нем советского космонавта Алексея Леонова. Приглашение ему уже послано.

Вопрос. Полет космических аппаратов к комете Галлея ученые называли «событием века». Что можно сказать об этом?

В переводе с греческого слово «комета» означает «волосатая звезда». Эти малые тела Солнечной системы иногда покидают ее, влекомые притяжением других, более далеких звезд. Иногда, потянувшись к Солнцу и попав в поле его тяготения, кометы превращаются в спутников Солнца. Астрономы уже обнаружили много комет, навещающих небосклон Земли. Среди них комета Галлея, наблюдаемая каждые 76 лет.

«Хвостатые странницы» своим необычным видом в давние времена пугали людей. Некоторые астрономы с давних лет высказывали соображения, что это «земные испарения». Иные считали их даже «душами людей», когда-то покинувших Землю. Особенно старались некоторые писатели, изображавшие подчас кометы в устрашающем виде: с саблями, мечами, отрубленными головами, взлохмаченными волосами. Художники, иллюстрировавшие книги, дополняли картины полета комет своим богатым воображением.

Нередко появление комет связывали с началом войн, эпидемиями, засухами, тайфунами, дворцовыми переворотами, кончинами королей и императоров и даже с концом мира. «Огненные мечи», «Окровавленные кресты», «Копья драконов», «Раскрытые пасти» — как только не называли кометы в средние века.

Так, французский хирург Парэ писал о комете 1582 г.: «Эта комета была настолько ужасна и страшна, она повергла народ в такой ужас, что многие умирали от одного страха; другие же заболели. Она оказалась необыкновенной длины и была кровавого цвета».

Закон движения для кометы 1680 г. дал Ньютон. Он высказал предположение, что путь кометы — растянутая кривая. По его совету вычислениями занялся английский ученый Эдмунд Галей, а затем в решение проблемы внесли свой конкретный вклад французский математик Клеро, астроном Лаланд и Гортензия Лепорт.

Когда сведения о движении комет благодаря стараниям ученых стали научно обоснованными, появилась боязнь, что столкновение с кометой может оказаться гибельным для Земли.

Известный астроном и крупнейший математик Лаланд по этому поводу писал: «Чувство ужаса, которое вселяло некогда появление кометы, уступило место страху, что среди большого числа комет, пронесшихся сквозь Солнечную систему по всем направлениям, может оказаться такая, которая столкнется с Землей; и, в самом деле, действие подобного рода столкновения нетрудно себе представить. Положение земной оси и характер движения Земли должны измениться; море

покинуло бы теперешнее свое ложе и устремилось бы к новому экватору; люди и животные погибли бы в этом всемирном потопе, если бы только могли уцелеть от страшного толчка, полученного земным шаром; все народы были бы уничтожены; все памятники человеческого ума разрушены, если бы масса кометы, вызвавшая толчок, оказалась сравнимой с массой Земли».

Многие ученые считали, что столкновение Земли с какой-либо кометой в принципе возможно. Однако масса больших «хвостатых странниц» в сотни миллионов раз меньше земной массы, а возможность столкновения ничтожно мала. Например, шесть шансов на десять миллионов возможных столкновений.

Кометы появлялись и исчезали. Сначала их наблюдали визуально, потом прослеживали их путь с помощью телескопов. Сколько их там, в околосолнечном пространстве? На этот вопрос остроумно ответил Кеплер: «Столько, сколько рыб в океане». И это не было преувеличением.

Но все же, что представляет собой ядро кометы? Ее тянущийся за ядром шлейфом длинный хвост?

На современном этапе развития ракетно-космической техники появилась реальная возможность провести прямые исследования кометы Галлея, появлявшейся в последний раз вблизи Земли в 1910 г. Можно было сделать еще одну попытку глубже вникнуть в физику комет, хранящую уникальную информацию о физических и химических процессах, которые происходили при зарождении Солнечной системы. И разве не заманчивой была перспектива попытаться ответить и на такой вопрос: не кометы ли занесли в атмосферу Земли первые органические вещества, вследствие чего на Земле возникла жизнь?

Вопрос. Как создавались космические станции «Вега-1» и «Вега-2»?

Было три проекта автоматических станций для встречи с кометой Галлея: советский, западноевропейский и японский. Каждый из них разрабатывался самостоятельно.

Многоцелевая научная программа «Венера — комета Галлея» была разработана советскими учеными. Вместе с ними в создании комплекса научной аппаратуры и оборудования станций также активно сотрудничали специалисты восьми стран: Австрии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Франции, ФРГ и Чехословакии.

Встреча с Венерой планировалась на июль 1985 г., а с кометой Галлея — на март 1986 г.

Проект «Вега» (название проекта «Вега» — от первых двух букв слов «Венера» и «Галлей») — один из

самых сложных в истории исследования Солнечной системы с помощью космической техники. Он состоял из трех основных частей: исследование атмосферы и поверхности Венеры с помощью посадочных аппаратов, изучение динамики атмосферы планеты посредством дрейфующих аэростатных зондов, пролет через газопылевую атмосферу (кому) и плазменную оболочку кометы Галлея.

«Вега-1» стартовала с космодрома Байконур 15 декабря 1984 г., а через шесть дней был дан старт и «Вега-2». В июне 1985 г. обе автоматические станции друг за другом прошли вблизи Венеры. Когда они пролетали над планетой, от станций отделились спускаемые аппараты, состоящие из посадочного аппарата и аэростатного зонда. Посадочный аппарат осуществлял эксперименты на поверхности планеты. Аэростатные зонды дрейфовали около двух суток на высоте порядка 54 км. А пролетные аппараты продолжили свой путь к комете Галлея. «Вега-1» встретила с ней шестого марта, «Вега-2» — девятого марта.

Голос с места: «В газетах писали, что это был заранее продуманный подарок советским женщинам к Международному женскому дню, к Дню восьмого марта».

— Думается, что это был подарок всем женщинам Земли и всему человечеству. Да, эту тему хорошо обыграли журналисты.

Свидание с кометой Галлея состоялось. Станции «Вега-1» и «Вега-2» прошли от ядра кометы на расстояниях 8900 и 8000 км. Оптические приборы проинформировали: ядро кометы — монолитное тело неправильной вытянутой формы. Его размеры по большой оси — 14 км, в поперечнике — 7 км.

Как известно, кроме космических аппаратов «Вега-1» и «Вега-2» к комете Галлея направился также космический аппарат «Джотто». Работа над этим проектом была начата Европейским космическим агентством еще в 1980 г. Планировалось, что «Джотто» пройдет на минимальном расстоянии от ядра кометы 13 марта 1986 г. Коррекция траектории полета «Джотто» проводилась по программе «Лоцман» советскими станциями «Вега». 14 марта «Джотто» прошел на расстоянии в 600 км от ядра кометы.

В японском проекте участвовали два космических аппарата: «Сакигакэ» («Пионер») и «Суйсэй» («Комета»; первоначальное название «Планета А»). В их задачу входило изучение далеких кометных окрестностей. Аппарат «Суйсэй» прошел на расстоянии 150 тыс. км, а «Сакигакэ» — 7 млн. км от ядра кометы Галлея.

Полеты к комете Галлея — прекрасный пример международного сотрудничества крупнейших космических организаций мира. Японский профессор Хироки Мацуо, говоря о первом опыте исследования на межпланетных трассах, проведенных японскими аппаратами, очень высоко отзывался о проекте и реализации аппаратов «Вега-1» и «Вега-2». Выступая по этому поводу на страницах газеты «Правда» (март 1986 г.), он писал: «Хочу сказать, что мы потрясены успехами советских ученых в области планетных исследований...

Разумеется, успеху проекта способствовало объединенное усилие ученых разных стран в его подготовке и реализации. Это еще раз подтвердило полезность международного сотрудничества в космических исследованиях. И не может быть никаких сомнений, что оно должно развиваться шире. Это тем более важно, что международное сотрудничество в научной области несомненно способствует и улучшению атмосферы в мире в целом, укреплению доверия между народами».

Японский профессор прав. Осуществить так успешный проект «Вега» позволила широкая международная кооперация с участием социалистических, а также некоторых капиталистических стран. А для науки важно, что в «космическом марте» были успешно завершены все три экспедиции к комете Галлея.

Вопрос. Сейчас в мире много говорят о предполагаемом полете к Марсу, о проекте «Фобос». Что можно сказать о «Фобосе»?

«Красная планета» Марс, четвертая по порядку от Солнца, давно интересует людей. О возможности жизни на Марсе писали Алексей Толстой, Брэдбери и многие другие писатели-фантасты.

Первый советский космический аппарат «Марс» был запущен 1 января 1962 г. Потом с таким же названием, «Марс», стартовало по порядку еще шесть автоматических межпланетных станций. Полетели исследовать Марс и американские автоматические станции «Маринер», «Викинг». В результате этих полетов были проведены комплексные исследования планеты, получены важные данные о температуре, давлении, составе атмосферы. Сделаны фотографии рельефа и составлены достаточно правдоподобные карты.

Но, говоря математическим языком, в «марсианском уравнении» осталось еще много неизвестных величин. Задача полета к небесным телам непроста. Надо рассчитать наивыгоднейшую траекторию движения аппарата, уметь управлять его полетом с Земли и проводить соответствующую корректировку.

Естественные спутники Марса были обнаружены в

конце прошлого века американским астрономом Асафом Холлом. Открыв эти «малые Луны», он назвал их Фобос («Страх» или «Бегство») и «Деймос» («Ужас»).

Исследования этих двух представителей малых тел Солнечной системы наземными средствами затруднительны. Оба спутника Марса похожи на астероиды: темная неровная поверхность, изрытая кратерами ударного происхождения.

Теперь о международном космическом проекте «Фобос». Экспедиция будет носить многоцелевой характер. Предполагается провести исследования межпланетного космического пространства, Солнца, планеты Марс и ее спутника Фобос. Работы проводятся в рамках широкой международной кооперации. В разработке проекта принимают участие специалисты двенадцати стран и Европейского космического агентства.

В июле 1988 г. с космодрома Байконур будут стартовать две автоматические межпланетные станции. Около двухсот суток займет их путь к Марсу. Вся экспедиция в целом рассчитана примерно на пятнадцать месяцев⁴.

Обе станции сначала будут изучать Марс, а потом, сложив маневрируя, должны выйти на орбиту Фобоса, имеющего в поперечнике всего двадцать семь километров.

Ученые хотят как можно больше узнать о Фобосе, особенностях его рельефа, глубинных бороздах. Интересно и вопрос о происхождении Фобоса и Деймоса: эти спутники были захвачены Марсом извне или они аккумулировались на марсианской орбите?

Проект, естественно, будет по ходу его разработки уточняться.

Голос с места: «Вам известно, что в открытии Фобоса и Деймоса большую роль сыграла жена Холла?»

— Да, известно. Американский астроном несколько вечеров потратил на эти поиски и решил прекратить наблюдения. Но его жена попросила не бросать их. Холл согласился, и марсианские спутники были обнаружены. Вы это имели в виду?

Вопросов задавали много. Встреча длилась около трех часов. Но магнитофон выключен. Я прикинула: за время интервью космическая станция «Мир», о которой шла речь, успела трижды облететь вокруг земного шара.

Естественно, что мне тоже хотелось поподробнее узнать о японской космической программе. Как известно, Япония была четвертой страной, выведшей после СССР, США и Франции искусственные спутники Земли

с помощью ракет-носителей, как американского, так и собственного производства.

Осуществление японской космической программы началось с запуска спутника «Осуми» в феврале 1970 г. Потом на орбиты были выведены спутники связи, спутники для исследования природных ресурсов суши и моря, для изучения глобальных атмосферных процессов, Солнца и ионосферы. Что сейчас в ближайших планах японской космической программы?

Ответ лаконичен. Понимаю, что для подробной информации нужно аналогичное интервью в «Правде» или другой нашей газете.

Что предполагается в ближайшее время? Будут запуски навигационных спутников... Если бы не трагедия «Челленджера», возможно, в космосе побывали бы уже и японские космонавты... Ну а к 2000 г. планируется вывести на орбиту собственную постоянно действующую орбитальную станцию со сменными экипажами⁵.

— Кстати, еще раз о кометах,— подошел ко мне сотрудник «Асахи», задавший во время интервью несколько вопросов.— В августе 1956 г. многие наши жители наблюдали комету. По их словам, зрелище было очень впечатляющим, некоторые наши ученые потом даже высказывали мысль, что появление в небе кометы вызвало землетрясение 30 августа того же года. Мощнейшие толчки пробудившейся Земли сотрясали страну. Особенно пострадали тогда Осака и Фусима. Толчки повторились и 1 сентября. Падали кровли храмов. Погибло много людей...

— Думаю, что это совпадение. Землетрясения, и очень разрушительные, были и без появления комет... Я читала в одной книге, что японские астрологи вели запись происходивших событий и объясняли их расположением звезд. Там было написано, что имевшие место мор и засуха объяснялись тоже появлением кометы.

Разговор не закончился. Меня приглашают пройти в рабочий зал, посмотреть, как рождается «Асахи».

— Сопровождать вас будет один из руководителей издательства,— говорит, прощаясь со мной, Фумихико Иосида.

Человечество живет сейчас в мире «больших систем». Все связано воедино. Такой большой системой мне представилась работа огромного коллектива «Асахи».

— У нас двадцать отделов,— рассказывает идущий рядом со мной по рабочему залу один из руководителей издательства.

— Как и во всех газетах мира, кто-то занимается политическими событиями, кто-то вопросами экономи-

ки, спорта, культуры... Сюда, как ручейки в русло большой реки, стекается информация из всей страны, стран мира. В газете работает три тысячи журналистов, включая зарубежных корреспондентов.

— У вас есть утренние и вечерние выпуски?

— Да. Работа не останавливается ни на один час. Утром «Асахи» выходит на двадцати четырех страницах, вечером их обычно шестнадцать.

Отдельных кабинетов здесь нет. Все сидят в одном зале. Все на виду, и всё на виду.

Спросила про тираж газеты. Оказывается, утром около четырех миллионов, вечером около трех.

Идем по рабочему залу, останавливаемся около рабочих столов. Все за работой.

— Кабинетная система в какой-то степени изолирует сотрудников друг от друга. В газетном деле важно безостановочное движение. У нас шутят, говоря, что мы тоже «мчимся со скоростью нашего суперскоростного поезда „Хикари“». Вы уже ездили на нем?

Опять «Хикари»! Вспоминаю вагон головного поезда. Скорость движения двести десять километров в час. Летят мимо, летят навстречу города, поселки, рисовые поля, заводские корпуса...

— Когда статья готова, каков ее дальнейший путь?

Представитель дирекции заметно оживляется.

— Готовая корреспонденция? Теперь она уже в распоряжении действующей у нас и усовершенствованной системы «Нельсон». Это уже царство электроники: компьютеры, мини-компьютеры, дисплеи, оператор. Чудо двадцатого века! Текст хранит машина, помогает корректировать, исправлять, дополнять. Надо только нажимать клавиши. Век автоматике!

Это сегодняшней день газеты. А что было раньше в ее вековой истории? Об этом подробно рассказывается в музее, куда мы прошли с г-жей Накати и Эрико-сан.

Сколько за сто лет произошло событий. Рассматриваю фотографии и документы, лежащие в витринах. В музее много сувениров, подаренных в юбилейные дни.

К нам подходит сотрудник музея:

— В архиве хранятся все до одного номера газеты. Если вы хотите, мы найдем газету, изданную в день вашего рождения, и снимем с нее ксерокопию.

Но я отказываюсь. Прошу подарить мне вместо этой газеты буклет, лежащий на столе экскурсовода. На обложке красивая цветная фотография токийского здания «Асахи». Потом буду вспоминать, что давала в нем «гагаринское интервью».

Буклет у меня в руках.

Вышли из здания «Асахи». Еще раз посмотрела на

него издали. Решили пройтись до отеля пешком. Надо хоть немного подышать воздухом.

Г-жа Накати озабоченно поглядывает на меня. Спрашивает:

— Вы, наверное, устали? Интервью затянулось. И потом задержала экскурсия в рабочий зал и музей.

Усталости я не чувствую, но впечатлений, конечно, много. Сегодня вечером, буквально через два-три часа, мы втроем идем в театр «Кабуки». В прошлый приезд, осенью 1984 г., мне не удалось посмотреть спектакль полностью. Г-жа Накати говорит, что там сейчас другая программа, тоже очень интересная. Я пойду в этот театр с большим удовольствием.

Национальная гордость страны

Вторая встреча с прославленным японским театром. Сегодня я смогу сполна насладиться игрой актеров, понаблюдать за публикой и еще раз вернуться к истории «Кабуки».

Мы пришли с г-жой Накати и Эрико-сан пораньше. Заняли свои места в центре зрительного зала. Усадив нас, Эрико-сан ненадолго исчезла. Вернулась, держа в руках три пакета.

— Здесь бутерброды и в стаканчике — сок, — угощает она меня и г-жу Накати. — Спектакль идет долго и поужинать в ресторане мы уже не успеем.

Посмотрела по сторонам: почти у всех моих соседей в руках такие же пакеты. В пергамент завернута горячая котлета с теплой булочкой. На пакете по-английски написано, что бутерброды изготовлены фирмой «Макдональдс».

Предпринимательская деятельность этой американской фирмы широко известна во многих странах мира. Распространилась она и на Японию. На улицах Токио, и в частности в районе Гиндзы, я видела бутербродные и закусочные, принадлежащие этой фирме. А еще есть закусочные фирмы «Хамбургер» и «Кентукки фрайд чикен». Открываются все они в 7 часов утра и работают до полуночи. Миллионы проданных за день котлет!

— «Кабуки» — один из ведущих театров нашей страны, — говорит мне г-жа Накати. — Его любят взрослые, молодежь и дети. Театр «Кабуки» — это наша национальная гордость!

Г-жа Накати относит себя к числу заядлых театралок и говорит, что посещение театра для нее всегда праздник. И еще она считает, что, для того чтобы

понять специфику жанра театра «Кабуки», надо прежде всего ознакомиться с историей и жизнью актерского коллектива, в котором уже три столетия актеры — только мужчины.

Обучение актерскому мастерству проходит с детства. Надо освоить сложные сценические движения, научиться менять голосовые тембры, исполнять в нужном стиле танцы и овладеть искусством акробатических пируэтов. Свободных движений в классическом «Кабуки» нет. Актер также должен научиться владеть мечом и до тонкостей изучить, как накладывается грим *кумадори*. В отличие от обычного грима на лицо наносятся различные по форме и цвету линии. Если линии красные — это доблесть, страсть. Синие линии — страх и злое намерение. Ну а черные и алые — это уже божественность и колдовство.

«Спектакль „Кабуки“ очень продолжителен. В 2½ часа дня, когда Гиндза еще наполнена сложным дневным шумом оживленной токийской улицы, когда клерки сидят еще за своими конторками в банках и „офисах“, а их хозяева поглощены биржей, векселями, бюллетенями прибывающих в Иокохаму судов, — у подъезда театра „Кабуки-дза“ начинается оживление. К 3 часам зал заполнен — в партере темные и цветные кимоно, в боковых, по-японски оборудованных ложах „бельэтажа“ расположились семейства зрителей, предпочитающих смотреть на сцену не с непривычных стульев партера, а с подушек на настиле из циновок, а там, наверху, неизменная галерка „настоящих“ театралов уже готовится к своей роли законодателей театрального успеха. Именно оттуда, сверху, будут раздаваться особенно громкие и экзальтированные выкрики, когда на „ханамити“ появится знакомая фигура знаменитого актера»⁶.

В этом японском национальном театре есть свои династии актеров: приобретенные артистические навыки, как правило, передаются от отца к сыну. Особой популярностью у публики пользуется продолжатель «династийных» фамилий Утаэмон Накамура VI. Он носит это известное сценическое имя уже в шестом поколении и великолепно исполняет женские роли (*онно-гата*). Утаэмон Накамура — член Академии искусств, художественный руководитель труппы. Ему присвоено самое высокое почетное звание — «живущее национальное сокровище». В 1961 г. этот замечательный актер выступал в Москве и Ленинграде во время гастролей «Кабуки» в Советском Союзе.

Г-жа Накати говорит, что в репертуаре токийского театра «Кабуки» насчитывается около двадцати пьес. В

каждой пьесе около десятков актов и сцен. Поэтому практически спектакль растягивается на целый день.

Эрико-сан купила апрельскую программу. На обложке крупным планом дано лицо ведущего актера. Разговор заходит о японской гравюре.

Первые афиши «Кабуки» и изображения актеров и театральных сцен были важнейшей темой ранней японской гравюры, которой так славится японское изобразительное искусство. И связано оно в первую очередь с именами Тории Киёнобу и его сына Киёмасу.

Изобразить актера в рост, передать его движения, вздутые мускулы рук и ног — это было ново и необычно, но потом стало одной из главных тем многих художников-графиков.

Широкой известностью пользуется в Японии серия гравюр изображений актеров, выполненная Тосюсаем Сяраку. О нем известно очень мало: был актером в театре Но, живописи нигде не учился, умер в 1801 г. Но сделанные им гравюры, которых насчитывается сто тридцать, считаются уникальными и по своему значению, и по выполнению. Он сделал их в течение 1794 г.

«Актер Накаяма Томисабуро в роли женщины. Здесь лукавство, хитрость и проницательность. В гравюре все имеет значение: и маленькие буравчики глаз, и крошечный насмешливый рот, и манерный жест руки, и острый, как лезвие ножа, силуэт, особенно четкий на темном слюдяном поле.

...В алчных, злорадных, удивленных глазах актера Итикава Дандзюра в роли Моронао — вся сила выразительности. Их дополняют и подчеркивают и удивление взлетевших дуг бровей, и большой нос, нависающий над хищным оскалом огромного волчьего рта, и жест злорадно потираемых рук, и вся фигура с втянутой в плечи головой, как бы забившаяся в угол в ожидании жертвы»⁷.

Так и проходят эти актеры перед глазами, изображенные на темном фоне из порошков слюды, смешанных с пурпурным, фиолетовым или багряным пигментом.

— Желających попасть в театр «Кабуки» всегда много, — говорит Эрико-сан. — Каждый уносит отсюда программу и хранит ее. Эта программа в Москве напомнит вам о сегодняшнем спектакле.

Сегодня уже были показаны двухактная пьеса, действие которой происходит в период Муромати, и веселая танцевальная комедия.

Второе представление — в 16 часов. Спектакль, который мы смотрим, начинается с показа трехактной пьесы, которая называется «Усимацу в темноте».

Но более сильное впечатление оставляет, несомненно, вторая пьеса «Весеннее цветение на фестивале в Асакуса». В четырех актах заняты только два актера. Каждый из них по ходу действия «перевоплощается» дважды. Один актер—Принц—становится Злым духом. Второй—императрица Дзинго—превращается в Доброго духа.

— Какие у этих двух Духов оригинальные парики!

— Это одно из украшений актера,— поясняет г-жа Накати.— И их очень много, самых разнообразных.

Парики женские и мужские, разные для действующих лиц. Парики для воинов и их жен. Парики для красавиц из богатых домов и для их покровителей. Парики для благородных и легкомысленных персонажей. Парики—неотъемлемая часть каждого спектакля.

Пересказать театральную постановку невозможно: надо самому видеть игру актеров. И все же не могу не сказать об удивительной оригинальности танца, который исполняли с фантастическими париками на головах Злой дух и Добрый дух. В их танце необычным было все: изгиб кистей рук, широкие шаги, застывшие позы с высоко поднятой и согнутой в колене ногой. Каждое движение актера должно отражать его внутреннее состояние.

Во время действия из зрительного зала время от времени доносились громкие и очень эмоциональные выкрики.

— Какая удивительная реакция японских зрителей,— говорю я г-же Накати.

— Эти выкрики не случайны,— объясняет она.— Они предусмотрены самим ходом действия и должны одобрять или осуждать поведение героев.

Последнее одноактное представление—это трогательный рассказ о печальной судьбе гейши.

Спектакль окончен. Пустеет зрительный зал. Я прощаюсь с г-жой Накати, благодарю ее за полученное удовольствие. Эрико-сан проводит меня до отеля.

— Я очень рада, что вам понравился сегодняшний спектакль,— говорит она, поднимаясь со мной на лифте в мой номер.— Завтра сразу после завтрака мы пойдем в сад Китонамару. Будем любоваться цветением сакуры.

Будет и на Марсе сакура цвести

Сад Китонамару. Неподвижен здесь воздух в эти утренние часы. И как украшают аллеи сада деревья в их бело-розовом одеянии.

Людей в саду много. Они идут парами, группами, в одиночку. Разложив на траве циновки и сняв обувь, сидят в непринужденных позах. Мужчины ведут негромкую беседу или просто «молча созерцают». Женщины неторопливо достают из объемистых корзинки еду и кормят пришедших вместе с ними ребятишек: и очень маленьких и школьного возраста.

— Любованию цветением у нас учат детей с самого детства,—говорит, глядя на детишек, Эрико-сан.— Смотреть умеет каждый человек, а вот любоваться цветением и всем красивым на Земле—это уже искусство. Ему надо учиться.

Я полностью согласна с ней. Можно прожить жизнь и в повседневной ее суете не заметить нежной голубизны неба, причудливости белых облаков, той природы, что окружает нас с первого дня жизни, которую, к слову, каждый человек обязан беречь и охранять.

Ветви большого дерева свесились почти до земли. Пожилой японец лежит под их укрытием. То ли он спит, то ли просто закрыл глаза. Руки заложил за голову. Ноги слегка согнуты в коленях. Эрико-сан показывает на него.

— Некоторые люди могут лежать так неподвижно по нескольку часов. Они думают. А весной особенно есть о чем подумать. Весна—пора надежд.

Мать подняла малыша высоко над головой. Малыш тянет руки к ветвям цветущего дерева. Отец фотографирует ребенка. У многих посетителей сада Китонамару—фотоаппараты или кинокамеры.

Набежал легкий ветерок. Закружились, как белые снежинки, падающие с деревьев лепестки сакуры. Тут же вспомнился Басё.

Бутоны вишневых цветов,
Скорей улыбнитесь все сразу
Прихоти ветерка.

Пер. В. Марковой

Долго гуляем по саду. И везде сакура, сакура...

— Отсюда недалеко зоопарк. Может быть, хотите поведать знакомую вам Хуан-хуан?—спрашивает Эрико-сан.—Кстати, в зоопарке она уже не одна.

И мы идем на свидание с бамбуковыми медведями.

Около вольера никого нет. Хуан-хуан и ее черно-белый друг дремлют.

— Хуан-хуан!—окликнула я медведицу.—Хуан-хуан!

Большая панда чуть приоткрыла глаза и вздохнула.

— В неволе невесело даже вдвоем,—сказала Эрико-сан.

...Активисты Общества все уже в сборе. Наша

встреча проходит в здании «Интернационального дома», где мы останавливались с Марет Ульвик в 1984 г.

Идя по знакомому дворику, заглянула в японский сад. Вспомнила, как бродили мы по его дорожкам. Подошла к пруду. Как здесь тихо. На сером камне застыла в неподвижности серо-зеленая лягушка.

Но пора начинать лекцию. Меня уже ждут.

Выступала я долго. И вопросов было много. Я люблю, когда задают вопросы: значит, людям интересно и они хотят что-то еще узнать.

Должна отметить, что, подготавливая помещение для лекции, активистки общества оформили небольшую настенную выставку, посвященную космонавтике. В центре ее — портрет Юрия Алексеевича Гагарина.

Встреча закончилась традиционным чаепитием, во время которого некоторые женщины живо комментировали мое выступление.

— Теперь наконец поняла, что такое первая космическая скорость, — сказала одна из них.

— А я не думала, что так сложно питаться в космосе, — добавила другая.

Взяла слово и еще одна активистка:

— У меня сын мечтает стать летчиком. Я расскажу ему о том, что услышала сегодня. Может быть, он задумается о профессии космонавта. Трудная жизнь, но зато какая интересная!

И, конечно, разговор зашел о женщинах-космонавтах.

— У меня дома есть фотографии ваших женщин, — сказала уже немолодая темноглазая японка. — Вырезала из одного журнала портреты Валентины Терешковой и Светланы Савицкой. Трудно в любом деле быть первым. Ваша Чайка восхитила мир своим подвигом. А Савицкая доказала, что и женщина может наравне с мужчиной работать даже в таких сложных космических условиях.

Когда почти все разошлись, ко мне подошла еще одна активистка. Она протянула мне открытку с изображением цветущей сакуры.

— Это на память о нашей сегодняшней встрече. И еще я хотела спросить вас...

Она слегка задумалась, видимо подыскивая нужные для разговора русские слова.

— В одной русской песне говорится, что когда-то на Марсе будут цвести яблони... А будет ли там цвести сакура?

— Непременно, — отвечаю я.

...Когда мы вышли за ворота и очутились на улице, Эрико-сан остановила меня:

— Надо немного освежить голову после долгих разговоров. Давайте немного погуляем, а потом можно пойти в кино. Недалеко отсюда есть хороший кинотеатр.

Так мы и поступили. Сначала погуляли, полюбовались рекламами, в которых сегодня «главным действующим лицом» были декоративные шелковые ветки сакуры, а потом купили билеты на фильм «Он из Африки». В этом фильме было все, что нужно для зрителей: хорошие актеры, страстная любовь, полет на самолете в экстремальных условиях, нападение львов на людей. Жаль только, что фильм окончился гибелью героя.

Прощаемся с Эрико-сан.

— Сегодня у нас была Большая панда. Были львы. Побывали мы и в космосе. Ирина-сан, что приснится вам сегодня ночью?!

— Об этом, дорогая Эрико-сан, я обязательно расскажу вам завтра.

На двух пальцах Дайбуцу уместятся шестеро

Ранним утром спускаемся с Эрико-сан на первый этаж отеля. Изучаем в кафе меню. На выбор три варианта завтрака. Останавливаемся на фруктовом— «экзотическом»: бананы, ананасы, свежая клубника, дыня и грейпфрутовый сок.

Официант еще при входе приветствует громким криком: «Ирассяй масэ». Таким же криком он встречает каждого нового посетителя.

— Это он приветствует пришедшего и благодарит, что тот пришел именно в это кафе,— объясняет мне Эрико-сан.— А слова эти означают: «Добро пожаловать!».

На столике у входа в кафе уже лежат свежие газеты. Эрико-сан приносит «Асахи» и на японском, и на английском языке. Что нового в мире?

Много материала посвящено поездке премьер-министра Японии Ясухиро Накасонэ в Соединенные Штаты Америки, его встречаю с президентом США Рональдом Рейганом. Даны снимки марша мира. Но больше всего на газетных страницах сообщений о внутренней жизни страны: о делах некоторых фирм, о ведущихся строительных работах, спортивных встречах.

Заказанное такси ждет около входа в отель. Едем на железнодорожный вокзал. Как всегда, на вокзалах повсюду люди—кто с детьми, кто с ручной кладью, кто с «дипломатами».

Через три часа суперскоростной поезд доставит нас в город Осака, второй в Японии по численности своего населения. В Осака будет встреча с членами созданного в ноябре 1985 г. Кансайского отделения Общества японо-советских связей.

Остановок по пути будет всего две: Нагоя и Киото.

— У нас действуют две скоростные линии,— говорит Эрико-сан.— Новая железнодорожная магистраль идет от Токио до Хаката. Вторая тоже начинается в столице, но это уже ветка Уэно—Ниигата. Они обе очень удобны для населения.

В вагоне, в котором мы сидим, несколько непривычное расположение кресел. Пассажиры, сидящие слева от прохода, едут спиной по направлению движения. Эрико-сан критически оглядывает вагон.

— Наверное, такой вагон создавали два конструктора одновременно. Один из них был, наверняка, левша.

Две молоденькие японки ходят взад-вперед с лотками. Предлагают пассажирам купить сигареты, прохладительные напитки и бэнто—уложенный в деревянные коробки рис, приправленный рыбой, мясом, маринованными овощами.

Поезд трогается с места. За окном вагона невеселая картина. Нудно и тоскливо моросит дождь. Небо затянуло низко плывущими тучами. Водой покрыты рисовые поля. Вдали чуть-чуть просматриваются горы.

Несколько раз проезжаем мимо свалок старых автомобилей. Вперемешку лежат кузова, колеса, выломанные дверки. Серые, белые, черные автомобили отслужили положенный им срок. Скоро все они попадут под тяжелые прессы и превратятся в металл. Возможно, потом тоже станут автомобилями.

За окном обложной дождь. И лишь изредка, как сказочные видения, вдруг мелькнут деревья в белом сакуровом одеянии.

Пассажиры попались удивительно неразговорчивые. Мужчины, что сидят по соседству, погрузившись в мягкие кресла, сняли ботинки, углубились в чтение газет и журналов. Женщины не читают, сидят молча. У некоторых с собой в плетеных корзиночках клубки ниток. Можно, не теряя времени, что-то связать.

— Японцы очень любят читать,—говорит Эрико-сан, заметив, что я с интересом разглядываю моих читающих и молчаливых попутчиков.— Читают каждую свободную минуту. Читают в поезде, в метро и даже идя по улице. У нас есть выражение «читать стоя». По-японски— *тати ёми*.

— У нас в Москве тоже многие читают и в метро, и в троллейбусах, и в электричке. Особенно когда едут на

работу. В наше время *тати ёми* распространилось повсеместно.

Разговор заходит о женской одежде. Мне очень нравится кимоно: свободная и удобная одежда. Эрико-сан говорит, что сейчас женщины больше ходят в платьях, а некоторые девушки даже предпочитают джинсы. Кимоно надевают во время праздников. Есть очень дорогие и очень красивые кимоно. А хлопчатобумажные кимоно удобны для сна.

— Такое кимоно называется *юката*,— говорит Эрико-сан.

Поезд останавливается. Мы приехали в Осака.

На перроне нас встречает секретарь Кансайского отделения ОЯСС, активистка Общества Хироко Такэи. Она будет сопровождать меня и в Осака, и когда мы поедем в Нара.

— Валерий Олегович Кистанов,— протягивает руку тоже приехавший нас встретить вице-консул.— Я к вам с просьбой: не сможете ли прочесть лекцию по космонавтике для сотрудников генконсульства. Мне позвонили, что вы едете в Осака из посольства СССР в Токио.

Охотно соглашаюсь. Четверть века, прошедшие со дня полета в космос Юрия Алексеевича Гагарина,— памятная дата. Для живущих здесь в Японии советских людей, как у всего нашего народа, день 12 апреля — большой космический праздник.

Но сначала надо обосноваться в отеле. Жить буду в «Интернациональном отеле Осака».

Уже выработалась привычка: войдя в номер, прежде всего подойти к окну. Смотрю на Осака. Как и в Токио, на улицах сплошной автомобильный поток.

Эрико-сан наливает из термоса, стоящего на столе, чай.

— Здесь как в чайном домике. Зеленый чай, чашки и такой красивый цветок в вазе. Давайте приступим к чайной церемонии.

С уполномоченным председателя Правления Кансайского отделения ОЯСС господином Дзэндзиро Танэока и его помощником — активистом Общества Мацумото-сан мы встретились в вестибюле отеля. Танэока-сан предлагает для начала познакомиться с искусством осакских кулинаров.

— Мне сказали, что вам нравится японская кухня.

— Да, нравится. Только немного утомительно сидеть за столом «по-японски».

Танэока-сан улыбается и понимающе кивает головой. Так говорят многие иностранные гости. Привычка сидеть за столом на татами вырабатывается с детства. Но сегодня мы будем обедать за обычным европейско-

го стиля столом. Впрочем, хотя он и сказал, что стол «обычный», все же стол несколько необычен. В его середину вмонтирован большой металлический лист, нагреваемый электрическим током. Приготовление обеда будет происходить на наших глазах.

Повар в белоснежном одеянии, засучив слегка рукава, кладет на уже нагретый лист кусок мяса, быстро переворачивает его с одной стороны на другую. Затем разрезает мясо на мелкие кусочки и обжаривает их. К мясу добавляются еще и мелко нарезанные овощи. В действиях повара ни одного лишнего движения. Все как у хорошо отлаженного механизма.

— Это блюдо называется *тэппаньяки*,— ставит передо мной тарелку с уже готовым кушаньем Танэока-сан.

Он хвалит меня за умелое владение палочками для еды. Свое удивление высказывает и повар. Обед заканчивается коллективной фотографией. Повар и его помощник стоят со мной рядом.

— Хочу пригласить вас посмотреть мое швейное предприятие,— говорит Танэока-сан.— Оно неподалеку отсюда. Бизнес, правда, скромный: шьем одежду для детей и взрослых — куртки, костюмы.

Подходим к многоэтажному новому зданию.

— Это все ваши этажи?

Танэока-сан качает головой. Нет, его предприятие занимает только один, девятый этаж. Туда надо подняться на лифте.

В двух небольших залах расставлены рабочие столы. На каждом стоит швейная машина. Тут же лежит раскроенный материал. Вдоль стен на вешалках висят уже готовые изделия. Обращает на себя внимание очень красивая расцветка.

Танэока-сан предлагает сесть за столик, где обычно происходит разговор с гостями. Его удобно вести за чашкой чая.

Несколько слов о самом предприятии. Его готовая продукция продается не только в самой Японии. Она идет еще в Китай и на Дальний Восток Советского Союза. Спрос на вещи большой, а в бизнесе это — самое главное.

Коллектив у них небольшой. Всего четырнадцать человек. Вместе с Танэока-сан работают его жена и сын. А дочь у них — дизайнер.

Эрико-сан должна покинуть нас. В Токио у нее срочные дела. Может быть, сфотографируемся все на память?

Достаёт свой фотоаппарат и хозяин предприятия. Это «Момент». Фотографии гости получают незамедлительно.

— Можно, чтобы с нами сфотографировалась также ваша жена и сын?— спрашиваю Танэока-сан.

К нам подходит миловидная, средних лет женщина. Поднимается из-за рабочего стола сидящий в центре зала юноша. Он занимается пошивом детской одежды.

— Сын уже хороший помощник мужу в делах,— говорит жена г-на Танэока, поочередно поглядывая на обоих мужчин.

Но для делового человека на учете каждая минута. Я уже много слышала о том, что в Японии чувства добросовестности и прилежания прививаются детям очень рано. Даже созданся своеобразный стереотип японского общества, бизнесмена, работающего часто на пределе возможного. Я подумала об этом, когда после двух фотовспышек молодой человек чуть ли не бегом отправился к покинутому им рабочему месту. Сел за стол и сразу пустил в ход ненадолго приостановленную машину.

В генконсульство СССР в Осака меня отвез на машине Дзэндзиро Танэока. Оно размещается в красивом массивном здании, окруженном большим садом. Внутри здания мозаичные полы, со вкусом оформленные холлы.

На встречу пришли генеральный консул Виктор Васильевич Денисов, его жена Лариса Валерьяновна, сотрудники генконсульства. Мой рассказ о космосе изредка прерывался отнюдь не «космическими» вопросами. Многих интересовала жизнь в столице, новые выставки, театральные премьеры.

С хорошим настроением покидала я моих соотечественников.

Внизу в холле меня ждали Дзэндзиро Танэока и Хироко Такэи.

— Хотим показать вам старинный храм и предложить прогулку по парку. Как и в других городах, в Осака сейчас главное украшение— это сакура.

Храм, к которому мы подошли, построен на высоком холме. Из боковой двери навстречу нам выходит старый японец со связкой ключей в руках. К сожалению, мы опоздали. Храм уже закрыт для посещения. Но в это вечернее время очень красив вид со ступенек, ведущих в храм. Сколько внизу уже загорелось огней!

Постояли на ступеньках храма, а потом спустились вниз в парк. Дорожка, сбегаящая серпантином, привела нас к зданию спортивного павильона. Какие оттуда раздавались громкие крики! Танэока-сан остановился у двери павильона.

— Хотите познакомиться с традиционными видами борьбы? Здесь тренируются спортсмены, занимающи-

еся каратэ, кэндо и другими видами. Кстати, здесь ведет занятия знакомый тренер.

Входим в спортивный зал.

За легкой перегородкой, отделяющей тренирующихся от болельщиков, двое юношей в широких штанах, босые. На головах шлемы. Руки в перчатках. Они высоко поднимают над головой длинные бамбуковые палки и поочередно наносят друг другу довольно сильные удары: по голове, плечам, бокам. Это — кэндо, фехтование на мечях, в которых стальной клинок заменен палкой.

В другом углу зала занимаются каратэ. К нам подходит тренер, знакомый Танэока-сан. Спрашивает: чем интересуются гости? Говорит он очень быстро, и Хироко Такэи еле успевает переводить его слова.

Этот вид борьбы — каратэ — давно получил признание во всем мире. Тренер напоминает, что каратэ в переводе означает «пустая рука». Борьба здесь идет без оружия. Удары наносятся руками и ногами. На тренировках он учит своих питомцев разбивать твердые предметы, например доски, черепицу. В Японии начали заниматься этим видом борьбы в 1922 г., когда из Окинавы приехал мастер Фунакоси. Сейчас каратистов насчитывается в мире более трех миллионов.

Благодарим тренера за содержательную информацию.

— Без болельщиков нет спорта, — прощается он с нами и произносит всеобъемлющее слово: «Хай!».

Задерживаемся в спортивном зале еще на несколько минут. Около нас стоят болельщики, в основном пожилые люди. Это они издают громкие крики, которые мы слышали, подходя к павильону. Иногда кричат и сами спортсмены.

...Вечерняя прогулка по Осака. Центр города ярко освещен. В прозрачной воде каналов, перерезающих улицы города, отражаются огни реклам. А на фасадах домов словно идет демонстрация волшебных картин. Огромный декоративный краб с мощнейшими клешнями карабкается на стенку. Изгибается всем корпусом гигантская рыбина, бьет хвостом по карнизу дома. По неоновой дорожке быстро бежит неоновый человек. Он хочет догнать автомобиль. Это можно сделать только в башмаках, которые на нем надеты. Стоимость башмаков невелика... И повсюду — у входных дверей в магазины, кафе, бары — развешаны сделанные из шелка или плотной бумаги декоративные ветви сакуры. Сегодня ее праздник.

— В японской деревне при входе в дом часто можно увидеть высушенного краба, — рассказывает Танэока-

сан.— Считается, что он защищает от болезней и злых духов. Пользуется у рыбаков популярностью и акула. Если рыбаку она встретится в море, значит, он вернется домой с богатым уловом.

Вечерняя жизнь большого многомиллионного города. Давно закрыты двери учреждений, до утра приостановилась деловая жизнь. Настало время ночных ресторанов, увеселительных заведений. Японки, одетые в нарядные кимоно, приглашают проходящих мимо мужчин зайти в кабаре. Оттуда призывно звучит музыка. В павильонах «Патинко» стоит плотная завеса табачного дыма. Оглушительно трещат игральные автоматы. И повсюду огни рекламы. Особый стиль жизни, так непохожий на наш.

Дождь шел всю ночь. Небо хмурое и без просветов. Спешим с Такэи-сан на железнодорожный вокзал.

На платформе белой краской очерчены круги с указанием номеров вагонов, которые остановятся именно в этом месте. Все четко продумано. Это тоже особенность японской жизни.

В электричке народу немного. Езды до Нара всего тридцать минут.

В поезде Такэи-сан рассказывает о себе. Она училась в Москве, окончила институт русского языка. По доброму вспоминает своих московских друзей.

При выходе из вагона нас встречает Мацумото-сан. Он живет в Нара и ежедневно ездит оттуда на работу в Осака. Его автомобиль сегодня в нашем распоряжении.

Мацумото-сан смотрит на небо и вздыхает:

— К сожалению, пока не в нашей власти изменить погоду. Древняя Нара рада вам и просит изменить за этот похожий на осенний дождь...

Он сказал: «пока». Я согласна с ним. Придет время, когда человек научится бороться с капризами погоды и солнечных дней будет столько, сколько он захочет.

Нара была первой столицей японского государства. Именно этот город стал колыбелью зарождающегося в стране искусства, литературы, различных ремесел. Первую древнюю столицу украсили императорский дворец, храмы, пагоды. Город, расположившийся в лесу с исполинскими деревьями и бродящими по нему ручными оленями, привлекал к себе внимание своей самобытной красотой. Здесь все располагало к творчеству. Умельцы Нара широко использовали для своих работ дерево, бронзу, занимались лакировкой изделий.

Для высших классов общества в Нара была основана школа и открыт университет с четырьмя факультетами: истории, китайских классиков, юридический и математический. Учителями в основном были корейцы,

обучавшие медицине и живописи. Художники того времени уже стремились найти свой путь в создании картин и уйти от чужеземного влияния. Большой популярностью у жителей Нара пользовались рассказчики. Их любил слушать и сам микадо. Именно в эту пору уже были закончены «Кодзики» (712 г.) и «Нихонги» (720 г.)

Процветали в Нара школы буддизма, во главе которых стояли образованные люди. Буддийские храмы были не только молитвенным местом, но еще и школами, госпиталями, приютами для сирот, убежищами для престарелых. И, конечно, главной достопримечательностью столицы была гигантская бронзовая статуя Большого Будды. «Она была создана на слезах и поте 420 000 человек», — отмечают японские историки.

В период Нара сильное влияние на многие сферы жизни оказывал Китай. Торговые связи между двумя странами расширились.

«Когда столицей была Нара, китайский император направил послание правителю Японии, обращаясь к нему, как к императору Та-Ни-Пон-Кок, что означало „Великой страны Восходящего Солнца“. Японцам очень понравилось это название, более внушительное, чем Ямато. Поэтому они стали называть свою страну „Дай-Ниппон — Страной восходящего солнца“», — пишет Джавахарлал Неру в книге «Взгляд на всемирную историю»⁸.

Наше знакомство с Нара начинается с посещения храма Тодайдзи. Проходим мимо пятиэтажной пагоды. Заглядываем и в небольшой сад. В его глубине аккуратный домик, к которому ведет узкая дорожка, посыпанная белым гравием.

— Здесь живет служитель храма, — говорит Мацумото-сан.

А вот и «Великий восточный храм». Он был построен в VIII в. и считается одним из семи «величайших» храмов города. Самый древний и самый большой храм, сделанный из дерева.

В 734 г. император Сёму издал указ о сооружении внутри храма Тодайдзи статуи будды Махавайрочаны. Она получила название Дайбуцу, т. е. Большой Будда. Это одна из крупнейших статуй мира. Высота ее с пьедесталом двадцать два метра. Длина лица Большого Будды — пять метров.

Бронзовый гигант был отлит в 743—749 гг. Но сейчас перед нами лишь копия оригинала. Когда-то храм горел и все, даже статую, пришлось восстанавливать заново.

В храме к нам подходит человек в черном одеянии.

Мацумото-сан просит его, чтобы он немного рассказал о Дайбуцу.

Для изготовления статуи было израсходовано 473 т бронзы, около 150 кг золота, 7 т воска и 70 кг ртути. Священнослужитель просит обратить внимание на завитки волос Большого Будды. Каждый из них — с человеческую голову. А если сосчитать, сколько их всего, то получим цифру девятьсот шестьдесят шесть.

Разглядываю храм. Сколько в нем побывало людей! Бывал здесь и Басё. Посетив этот храм, он написал стихотворение:

Аромат хризантем...
В капищах древней Нары
Темные статуи будд...

Пер. В. Марковой

Около нас остановились туристы. Тоже хотят послушать рассказ о Дайбуцу. Священнослужитель говорит, что у Большого Будды очень широкие шаги. От Нара до Токио он дошел бы за семь часов. И еще он хочет сказать, что, если человек обойдет вокруг Дайбуцу, у него прибавляется еще один шанс попасть после смерти в рай.

Надо было видеть, с какой поспешностью и как азартно туристы, обгоняя друг друга, стали кружить вокруг Большого Будды. Несколько раз обошла вокруг него и я. Но моя цель была не мечта о рае, а желание лучше рассмотреть колосса.

Волосы у Дайбуцу синего цвета. Это говорит о том, что он обитает в заоблачном мире. На лбу у него огромная шишка — символ недосягаемости. А трон, на котором он сидит, сделан из пятидесяти шести лепестков лотоса, каждый высотой в три метра. Лотос символизирует чистоту, целомудрие и непорочность.

Внутри статуя полая. Есть там внутри и специальные поддержки для крепления Будды. Здесь же помещается и молельня, свет в которую проникает через маленькое окошко, находящееся в складках одеяния Большого Будды.

С целью профилактики статую каждый год чистят и внутри, и снаружи. Пыли собирают при этом... до тридцати ведер!

В одном из описаний Большого Будды говорится, что на двух его пальцах может сразу уместиться шесть человек. Священнослужитель подтверждает: действительно так. В сувенирном киоске продается снимок: шестеро на двух пальцах Большого Будды!

— У нас в Японии есть еще не менее величественная статуя Будды в городе Камакура, — говорит Мацу-

мото-сан.— У него более спокойное лицо и глаза закрыты.

Я прочитала в «Справочнике для туристов», что для строительства камакурской статуи ушло 450 т бронзы, 228 фунтов чистого золота. Высота Будды 16,21 м. Об этой статуе рассказывал один из русских путешественников, побывавший в Камакура. Он писал:

«Я уже был совсем близко от него, когда при блеске теплых лучей осеннего японского солнца внезапно показалась из-за верхушки деревьев его огромная круглая голова и длинные отверстия полусомкнутых глаз, а наконец, и его гладкое чело и вся фигура, с печатью невозмутимого спокойствия бросающая неопределенные взгляды на землю с высоты 49 футов»⁹.

Далее он приводит некоторые любопытные сведения о колосе, вес которого составляет 92 т.

«Весь этот колосс составлен из бронзы и меди, его глаза—из чистого золота, а шишка мудрости—из чистого серебра. На тесно сомкнутых руках божества примостился буддийский бонза, служитель храма; в складках его рукавов также сидит несколько бонз, но их почти совсем не видно; по сравнению с этим гигантом они кажутся карликами...

...Внутри колосса—огромная, темная, причудливая капелла. Здесь стоят разбросанные в беспорядке запыленные фигуры идолов и разных видов Будды. Несколько идолов стоят на плече, один—позолоченный—стоит в подбородке, в одном ухе стоит богиня милосердия Каунон, около глаза поместился еще какой-то идол. По небольшим лестницам можно взобраться до самого чела Будды»¹⁰.

У выхода из храма меня уже ждет корреспондент Осацкого отделения «Асахи». Он хочет взять интервью и говорит, что рассказ о нашей встрече начнет словами: «С гостей из Советского Союза мы беседуем неподалеку от Дайбуцу. И это символично: Большой Будда в какой-то степени связан с космонавтикой».

Короткая заметка об этой встрече была помещена в осацкой газете 12 апреля. Прослушав ее перевод, я поняла, что корреспондент начал именно так, как обещал.

Дождь окончился. Солнечные лучи, радуя посетителей парка, заскользили по еще мокрым дорожкам. Идем в заповедник Нара, который называют здесь Оленьим парком.

Оленей много. Они считаются священными животными и свободно разгуливают по территории. В небольшой палатке можно купить для них корм. Доверчивые животные берут его прямо из рук. Кормлю подошед-

ших ко мне оленят. Рисовые лепешки и московские леденцы им явно по вкусу. Они долго идут за мной, забегают вперед и тянут к моим ладоням влажные языки.

По дорожке этого парка ходило много людей. Был здесь в 1946 г. Константин Симонов. Потом вспоминал:

«Но самая приятная, на мой взгляд, достопримечательность Нары—это не храмы и не пагода, а древний парк с его желтоватой низкой травой и растущими прямо из нее громадными вековыми черно-зелеными соснами. По всему парку, не боясь и не сторонясь людей, то стаями, то в одиночку ходят красавцы олени, поджарые и тонконогие, с нежной пятнистой песчано-коричневой шкурой. Все это, вместе взятое, так хорошо, что хочется сесть на траву и по крайней мере несколько часов молча смотреть и никуда не уходить отсюда»¹¹.

Здесь бродят олени стадами на воле.

В день рождения Будды

Он родился на свет—маленький олененок.

Пер. В. Марковой

Так писал Басё. Он тоже бывал в Оленьем парке.

— Хотите зайти сюда и немного отдохнуть?— спрашивает Такэи-сан, останавливаясь около небольшой лавочки на одной из парковых аллей.— Здесь продают сувениры и могут предложить чашку чая.

Хозяева лавочки—муж и жена—встречают нас поклоном. Оба они далеко не молоды. Зовут их Ясунори Сасада и Мицуко Унигацудо. Но японка просит называть их «мама» и «папа». Это им больше нравится. Прошу Такэи-сан помочь мне в разговоре с «мамой».

У них сын и две дочери. Одна дочь школьная учительница, другая работает воспитательницей в детском саду. Жена сына служит в телевизионной компании. Это она подарила «маме» и «папе» цветной телевизор, который стоит около нас.

Спрашиваю у Мицуко Унигацудо:

— У вас есть внуки?

«Мама» улыбается. Конечно, есть. Двое детей растут у старшей дочери. Видит она внуков не так часто, но в праздники в сборе вся семья. Все преподносят друг другу подарки, рассказывают о своих делах. Всегда приятно видеть, как мужают дети. Это ведь ниточки жизни, которую дали детям они, уже старики... Хорошие выросли дети, неплохие растут и внуки.

Пока «мама» готовит чай, разглядываю помещение лавки. На деревянном полу впритирку друг к другу

стоят низенькие столики. Около них такие же низенькие стулья. Эта мебель для гостей: сюда нередко заходят иностранные туристы. На стене висят большие часы с маятником. Печку, напоминающую по своему виду бочонок, топят, когда идет дождь и становится в помещении сыро.

— Зимой бывает и минус два градуса,— поеживается «мама». — Но даже в это зимнее время посетители есть. Покупают сувениры, пьют чай.

— Бизнес хороший?

«Мама» досадливо машет рукой: лучше не спрашивайте! Конечно, кое-что выручают от продажи сувениров. Это дело умелых рук «папы». Например, эти фонарики с изображением Дайбуцу или лежащие на полке веера из бамбука. В изготовлении поделок немного помогают и дети. Но у них много своих дел, своих забот.

Лицо у «мамы» моложавое. Ей очень к лицу надетая на ней алая бархатная блузка с белым воротничком.

«Папа» ходит в белом фартуке, надетом поверх рабочего костюма. На голове у него теплая шапка. Он частенько поглядывает на приоткрытую дверь: может быть, еще кто-то захочет подбодрить себя чашкой зеленого чая?

«Мама» садится ко мне поближе. Женщины всегда лучше понимают друг друга, даже если они из разных стран. Долгие годы прожиты с мужем. Замуж она вышла двадцати трех лет. Оба они с мужем родились в Нара. Свой город любят—у него такое завидное прошлое. Спрашивает: видела ли я уже Большого Будду?

Глаза у этой женщины добрые, ласковые. Чувствую, что ей пришло по душе наша беседа. С интересом слушает она мой рассказ о космосе. Говорит, что как-то не верится: неужели человек долетает туда, где светят звезды? Про Гагарина она знает. Ей рассказывали о нем дети, а сын даже видел его. Такой был смелый человек. Интересуется: стал ли Гагарин святым? Стал ли он kami?

— У вас такие красивые олени,—говорю я, прощаясь с «мамой» и «папой». — Они совсем ручные и не боятся людей.

«Папа» добрительно кивает головой. Ведь это священные животные. В прошлые времена браконьер, убивший оленя, подвергался смертной казни. Сейчас все олени находятся под строгой охраной закона.

— Спасибо за теплый прием,—благодарю я этих простых и скромных тружеников.

Отойдя от лавки уже на довольно большое расстояние, обернулась. Вижу—супруги все еще стоят у двери и кланяются нам вслед. Японская вежливость имеет глубокие исторические корни. Я поняла: она стала неотъемлемой частью их характера.

...Холл первого этажа отеля. Танэока-сан приглашает меня сесть в мягкое и удобное кресло. Сейчас сюда подойдут преподаватели кафедры русского языка университета Тэнри. Они высказали желание встретиться со мной.

— Обстановка для беседы самая подходящая,— говорит Танэока-сан.

За застекленной стеной холла сооружен декоративный водопад. Он напоминает развернутое движущееся полотно. Танэока-сан говорит, что декоративные водопады бывают разных видов: падающие нитью, скользящие, текущие слева направо или справа налево. Рассказывая о водопадах, он последовательно прижимает к ладони пальцы рук. Я уже знаю, что такая жестикуляция помогает в разговоре.

Но вот подошли преподаватели университета Тэнри. Знакомлюсь с заведующим кафедрой русского языка проф. Фукаси Оотани, доцентом Масагоси Обата, еще двумя преподавателями. В переводчике необходимости нет: все преподаватели свободно владеют русским языком.

Неподалеку от нас на небольшом возвышении стоит рояль. Молоденькая японка в сером, очень элегантном платье подходит к нему, поднимает крышку.

— Люди в какой-то степени пресытились джазом,— говорит Такэи-сан.— Иногда хочется послушать спокойную и негромкую музыку.

Танэока-сан говорит, что эта молодая пианистка окончила консерваторию и сейчас работает в отеле. Спрашивает меня:

— Что бы вы хотели послушать? Каких вы любите композиторов?

— Чайковского. Шопена. Брамса, Сибелиуса. И, если можно, «Лунный свет» Дебюсси...

Выслушав мою просьбу, пианистка садится за рояль. Играет она без нот. И в холл входит музыка. Знакомые отрывки из «Времен года» Чайковского. Потом «Ноктюрн» Шопена и «Лунный свет» Дебюсси. По моей просьбе молодая женщина исполняет и произведения японских композиторов. К сожалению, я почти незнакома с их творчеством.

Под музыку хорошо разговаривать. Пьем кофе и говорим о русской литературе. Проф. Оотани рассказывает о работе кафедры русского языка. Говорит, что

студенты старших курсов хорошо знают русских классиков, современных советских писателей.

Многие японские переводчики давно обращаются к пушкинскому наследию. Видным «русистом» стал крупный ученый, президент Японского общества русистов, почетный профессор Сёити Кимура. Он приезжал в Москву в составе делегации японо-советской дружбы. Сёити Кимура перевел на японский язык «Слово о полку Игореве», «Евгения Онегина», «Медного всадника».

Сам проф. Оотани много лет посвятил изучению творчества Пушкина и Лермонтова.

— В Японии пользуются популярностью книги таких писателей, как Лев Толстой, Федор Достоевский, Антон Чехов,—включается в разговор о русской литературе еще один из пришедших на встречу преподаватель.—С удовольствием читают у нас книги Шолохова, Есенина, Горького... Но, пожалуй, на первом месте все же Федор Достоевский...

...Обращение к литературе других стран всегда обогащает свою национальную литературу. Большую роль в знакомстве японских читателей с русской литературой сыграл скончавшийся в 1958 г. Набори Сёму. Об этом говорит еще одна преподавательница кафедры русского языка.

Труд переводчика нелегок. И, конечно, книга всегда теряет, когда ее переводят не с подлинника, а с издания, уже переведенного на другой иностранный язык.

Первые художественные переводы непосредственно с русских изданий были сделаны писателем-переводчиком Хасэгава Тацуноскэ (1864—1909). Он публиковал свои труды под псевдонимом Фтабатэй. И первыми были рассказы Тургенева «Свидание» и «Три встречи» из «Записок охотника».

Я сказала моим собеседникам:

— Мой отец Виктор Стражев был тургеневедом. У нас, всех троих его детей, и имена были «тургеневские»: Елена, Ирина и Андрей. Я рано научилась читать. Было немногим более трех лет, когда я прочла первую в жизни книгу. И моим «букварем» были именно «Записки охотника». В библиотеке отца было полное собрание сочинений этого замечательного русского писателя.

— Значит, у нас с вами общая тургеневская основа,—говорит преподаватель кафедры.

Меня заинтересовало: почему именно Тургенев стал одним из первых писателей, с которыми познакомились японцы?

Как известно, последние годы жизни Тургенев провел во Франции. «Французские газеты часто публиковали материалы о его жизни и творчестве. Из этих газет японские читатели и узнали о Тургеневе. Кроме того, японские корреспонденты во Франции подробно информировали свои издательства о жизни русского писателя...

Популярность Тургенева росла с каждым годом. В глазах японской публики он долго оставался народо-вольцем, „нигилистом“. Однако знакомство с Тургеневым как величайшим мастером художественного слова началось в Японии со времени опубликования переводов его рассказов из „Записок охотника“, т. е. с 1888 года»¹².

Роман Тургенева!
Его я в поезде читал, долины
Исикари проезжая,
Где падал мокрый снег.

Пер. В. Марковой

Это стихотворение одного из любимых поэтов японского народа, признанного классика японской литературы — Такубоку Исикавы (1866—1912).

Вполне понятно, что в Японии читали не только переводы книг русских классиков. Известный японский публицист Тогава Сюкоцу писал еще в 1908 г. в «Васэда бункагу» (№ 11, с. 2—3): «Конечно, японская молодежь восхищается не только русской литературой, но и французской и итальянской. Однако больше всего она любит и почитает литературу России...

Имена Тургенева, Толстого, Достоевского, Гарина, Чехова и других русских писателей упоминаются в наших литературных кругах; наши лучшие литераторы преклоняются перед талантом русских писателей»¹³.

Для разговора на космические темы мы переходим в небольшой зал первого этажа.

Чувствую, что интерес к космической тематике большой. Моих собеседников интересует полет орбитальной долговременной станции «Мир», перспектива астрономических наблюдений из космоса, жизнь и работа космонавтов во время их пребывания в околоземном космическом пространстве. Интересуются мои слушатели вопросами истории, а также развитием международного сотрудничества.

Говорим, конечно, и о Гагарине.

Нашу встречу завершает дружеский ужин. В ассортименте блюд осьминоги, креветки, оливки. Вместо тарелок на столе большие белые раковины.

Из беседы выясняется, что Танэока-сан — один из

пайщиков этого современного и комфортабельного отеля. Останавливаются здесь в основном иностранные туристы. И вот тут-то зашел разговор о банях. В Японии это своеобразный культ. О нем рассказано и в национальной, и в зарубежной литературе.

— У нас в отеле хорошая сауна,— говорит Танэокасан.— Хочу предложить вам посетить ее перед сном. Уверен, что получите большое удовольствие.

Дружески распрощавшись с интересными собеседниками и пожелав им успехов в дальнейшей работе, мы с Такэи-сан следуем совету—посетить сауну.

«Чудо-сауна»—пожалуй, иначе и не назовешь этот хорошо продуманный «банный комплекс». Здесь предусмотрено все, что помогает снимать усталость и создает хороший жизненный настрой. К услугам посетителей сауны циркулярный душ, три бассейна с разными температурными режимами, набор ароматных шампуней для мытья головы и комната с лежанками для отдыха после сауны, в которой есть цветной телевизор и набор прохладительных напитков.

Вышла из сауны обновленной.

— Вас просто нельзя узнать!—смотрит на меня Такэи-сан.

— И вас тоже!

Хрусталики Федорова, роботы и дельфины

Утренний завтрак в ресторане отеля на первом этаже. Вместе со мной и переводчицей за столиком сидят двое японцев: мужчина средних лет и довольно молодая женщина. Обменялись с ними любезными поклонами. Зазвучала японская речь.

— Они оба врачи,—говорит переводчица.— Мужчина—терапевт, а женщина—глазной врач. Она говорит, что у вас не совсем обычный блеск глаз. Вы не делали операцию?

— Скажите, пожалуйста, ей, что несколько лет тому назад я почти лишилась зрения. С интервалом в один год мне сделал две операции известный хирург Федоров. Сейчас я смотрю на мир, в том числе и на моих соседей по столу, хрусталиками Федорова.

Женщина одобрительно закивала головой. Она так и подумала. В среде японских офтальмологов хорошо известно имя этого выдающегося советского хирурга. Он приезжал в Японию. Ездили к нему на консультацию и японские врачи.

— Вы можете читать даже без очков?—поинтересовался врач-терапевт, показывая на лежащую передо мной английскую газету.

— Чтобы не утомлять очень глаза при длительном чтении и при работе с рукописным текстом, я пользуюсь очками. Но могу, как видите, обходиться и без них.

Задаю вопросы и я. Спрашиваю: почему большинство жителей Японии, в том числе и совсем юные, постоянно носят очки? Верно ли, что одна из причин их слабого зрения—сложность японской письменности?

— Да, подтверждает японская женщина.— Это одна из причин. Как известно, Япония— страна всеобщей грамотности. С раннего детства в жизнь человека у нас входят иероглифы с их сложным написанием и поначалу нелегким прочтением.

Она достает из сумочки чистый листок бумаги и быстро записывает на нем несколько иероглифов. Протягивает листок мне. Разбежались по белому полю замысловатые знаки. Трудная письменность.

— Японские врачи просят вас, если можно, немного рассказать о вашей операции. Их это очень интересует. И еще о Федорове,— говорит переводчица.

...Имя генерального директора Межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза», заслуженного изобретателя СССР, профессора, члена-корреспондента Академии наук СССР, Героя Социалистического Труда Святослава Николаевича Федорова широко известно не только у нас в стране, но и за ее рубежами. Не побоюсь сказать, что он стал «легендарным» человеком.

Имплантиция искусственного хрусталика, хирургическое устранение близорукости спасает тысячи людей от их временной или постоянной нетрудоспособности. Одна из распространеннейших в мире глазных болезней— катаракта. Раньше хирурги удаляли из глаза больного помутневший хрусталик и затем подбирали ему для постоянного ношения очки. Новатор-хирург Федоров вместо удаленного хрусталика предложил вживлять искусственный, пластмассовый.

Инородное тело в глазу! Подавляющее большинство советских офтальмологов поначалу встретили предложенную Федоровым технологию буквально «в штыки». Но тысячи удачных операций, сделанных Святославом Николаевичем и его ближайшими помощниками, подтвердили правоту предложенного им метода.

Сейчас в Советском Союзе помимо Межотраслевого научно-технического комплекса (МНТК) «Микрохирургия глаза», в Москве, действуют или находятся в стадии завершения строительства в разных городах страны еще двенадцать филиалов.

Необычайно широки международные связи федо-

ровского коллектива. К Федорову приезжают учиться или сделать глазную операцию из многих стран мира. Да и сам он не раз в году пересекает государственную границу. Читает зарубежным коллегам лекции на хорошем английском языке, оперирует, обговаривает вопросы сотрудничества. В последнее время с понятной гордостью рассказывает о своем уникальном вращающемся конвейере, на котором сразу оперируют несколько высококвалифицированных хирургов-глазников. Каждый из них делает свою часть операции, которая в общей сложности занимает всего десять минут. Этот конвейер называют «автоматической линией протезирования».

Каждый год МНТК «Микрохирургия глаза» продает за границу на миллион валютных рублей хрусталики, инструменты и лицензии. Спрос на них с каждым годом растет.

— А почему вы называете господина Федорова «легендарным»? — интересуются мои собеседники.

С удовольствием отвечаю и на этот вопрос. Да, Святослав Николаевич человек неординарной, необычной судьбы.

В семнадцать лет в результате катастрофы он лишился части ноги и навсегда распростился с давней мечтой о летной профессии. В двадцать восемь лет окончил медицинский институт и получил диплом врача. Первую тщательно продуманную операцию по имплантации хрусталика Федоров сделал в 1960 г. двенадцатилетней Лене Петровой. Операция прошла успешно. В 1974 г. он предложил хирургический метод устранения близорукости.

В жизни этого человека, всегда находящегося в творческом поиске, было много очень нелегких дней. Но он с завидной стойкостью выдержал все выпавшие на его долю испытания и ни на шаг не отступил от намеченной цели. Федоров страстно хотел, чтобы все люди, живущие на Земле, общаясь, видели друг друга, радовались красоте окружающего их мира с его удивительным многообразием красок. Его сегодняшний девиз можно сформулировать так: в третьем тысячелетии все люди видят без очков!

Святослав Николаевич не только талантливый врач. Он великолепный организатор. Заботливый хозяин огромного врачебного коллектива, в котором работает около тысячи сотрудников, он прежде всего думает о тех, кто приходит к нему с надеждой на исцеление.

Здесь в МНТК «Микрохирургия глаза» все продумано для них. Самооткрывающиеся входные двери. Просторные холлы, украшенные красочными панно. Живые

цветы и аквариумы с золотистыми рыбками, и, самое главное, установленная в операционных и врачебных кабинетах новейшая медицинская аппаратура, как отечественная, так и зарубежная, в том числе и японская.

Велика сила музыки. Она постоянно звучит здесь, снимая излишнюю нервозность. Помню, приступая к операции, Святослав Николаевич спросил меня:

— Скажите, какую вы предпочли бы сейчас музыку?

И возвращал мне счастье прозрения в сопровождении Первого концерта Чайковского для фортепьяно с оркестром.

ЭВМ и компьютеры давно и прочно вошли в жизнь научного центра. В рабочем кабинете «шефа» на одной из стен расположились экраны. С них смотрят на вас в цветном изображении огромные глаза тех, кто лежит сейчас на операционном столе. Мониторы находятся во всех операционных. Автоматическая съемка при помощи видеокамеры, закрепленной на микроскопе, позволяет на расстоянии следить за ходом выполняемой операции. Такие действующие «живые» экраны имеются и в конференц-зале, и в ряде кабинетов, где ведется научная работа.

— Я видела господина Федорова по нашему телевидению,— говорит японская женщина-врач.— У него добрый и располагающий взгляд.

А мне хочется рассказать о жизнелюбии этого человека, о его удивительном качестве — умении увлечь за собой, сделать соучастником его далеко идущих замыслов. Святослав Николаевич великолепно плавает, занимается конным спортом. Он свободно поднимает двухпудовые гири и делает классическую стойку на руках. Как вдохновенно призывает он миллионы советских телезрителей, читателей газет и журналов заниматься спортом! И люди верят ему.

Но, конечно, главное в жизни хирурга Федорова — офтальмология. Ей посвятил он всю свою сознательную жизнь. Сегодня в планах генерального директора МНТК «Микрохирургия глаза» — создание летающей операционной, вездехода-автобуса, в которых можно прооперировать жителей отдаленных районов страны. Федоров едет в Чебоксары и Калугу, Иркутск и Новосибирск, Краснодар и Свердловск, Ленинград и те города, где будут его филиалы. Он летит на Кубу, во Францию и в Соединенные Штаты Америки, в Малайзию и на Канарские острова. Сколько еще людей, которые нуждаются в помощи глазных чудотворцев!

...Последний глоток кофе в ресторане отеля. Прощаюсь с японскими врачами.

— Спасибо за рассказ о Федорове,— благодарит меня врач-терапевт.— Мы услышали много интересно. Наше развивающееся сотрудничество, наши деловые контакты очень полезны и нужны.

— С такими людьми, как господин Федоров, можно развивать деловые контакты, большой и взаимовыгодный бизнес ради блага всего человечества,— высказывает свое мнение японская женщина-врач.

* * *

Во время беседы с преподавателями кафедры русского языка университета Тэнри один из преподавателей спросил меня:

— Как в вашей стране относятся к роботам? Не игрушечным, а тем механизмам, которые стали во многом заменять труд человека? Какое лично ваше мнение о роботомании?

Япония известна во всем мире своей электронной промышленностью. Телевизоры, магнитофоны, транзисторные приемники, видеомагнитофоны, холодильники, стиральные машины, пылесосы... В производстве их она занимает первое место в мире. Но, пожалуй, как мне представляется, больше всего Страна восходящего солнца поражает сейчас всех своими все более совершенствующимися роботами.

Я не была на заводе, где роботы делают подобных себе роботов. Не довелось мне посетить и заводские цехи, где большую часть трудоемких работ выполняют эти сложнейшие механизмы, напоминающие часто своим обликом человека. Их называют «стальными воротничками». Японское телевидение, печать, реклама ежедневно рассказывают о роботах. Признаюсь, мне порой даже становилось немного жутковато, когда из очередной информации я узнавала о том, что робот уничтожил своего коллегу-робота, другой его собрат, рассердившись, жестоко избил хозяина, а еще один «стальной воротничок», не выдержав напряжения, даже покончил жизнь самоубийством.

Одна из газет сообщила, что робот-спортсмен выиграл теннисный матч. Робот сделан из металла и имеет бинокулярное зрение. Его рука, в которой зажата ракетка, состоит из семи подвижных элементов, которые приводятся в движение электромоторами. Специальный автомат подсказывает механическому спортсмену, в какую точку надо направить мяч при ответном ударе.

Робот может быть рабочим, рыбаком, дворником, водолазом. Есть роботы, которые различают по форме предметы и «чувствуют», а то и «ограниченно мыслят». Есть роботы-крабы и роботы-обезьяны, подвешенные к потолку или работающие на полу.

«Итак, робот пришел на производство. Он начал с профессии автосварщика, а сейчас ему доверяют уже очень много операций. Безлюдные цехи и даже целые заводы, как, например, «Фанак» перестали быть технической сенсацией. Робот — просто клад для предпринимателя: он неприхотлив, работает круглые сутки, абсолютный трезвенник, не подвержен стрессам, не требует повышения зарплаты и улучшения условий труда», — так пишет известный журналист-международник, многие годы работавший в Японии, Михаил Борисович Ефимов¹⁴.

В той же книге он продолжает свой рассказ о перспективе развития роботомании: «До конца этого десятилетия роботы займут заметное место в горнорудной промышленности, рыбном промысле, на подводных работах, в сельском хозяйстве (роботы будут разносить химические удобрения по полям, контролировать качество яиц и упаковывать их, доить коров и даже рубить лес). Создаются роботы-„сиделки“, роботы-„дворники“, роботы-„поводыри“. Естественно, все это помимо чисто промышленного применения»¹⁵.

Готовятся роботы и для космических полетов. Недавно в японской печати появилось сообщение о том, что научно-техническое управление начало разработку и производство роботов-космонавтов. Предполагается, что в начале XXI в. японские ученые и конструкторы создадут обитаемую космическую станцию, а затем и космический завод. На долю роботов придется монтажные работы и транспортировка грузов между космическими объектами.

Будут роботы и в авиации. Компактный маневрирующий робот-вертолет, управляемый с расстояния, по замыслу японских конструкторов, сможет успешно работать в сельском хозяйстве, распыляя химические продукты. Такой летающий робот сможет производить спасательные операции в труднодоступных для человека районах.

...Так как я отношусь к роботам? На заданный мне вопрос я ответила положительно. Человека надо освободить от трудоемких и опасных работ. Ну а насчет «эмоциональных» и «думающих» роботов... Я сказала преподавателю из университета Тэнри, что предпочитаю иметь дело с эмоциональными и думающими людьми.

В Оленьем парке города Нара нам повстречалась группа школьников. Мы стояли вместе с ними на смотровой площадке и любовались видом на окружающие окрестности. С ребятами всегда интересно обмениваться мнениями: у них такое разнообразие и обилие идей. И, как всегда, нескончаемые вопросы.

— Советские школьники тоже борются за мир? — спросил меня мальчик лет двенадцати, одетый в школьную форму. — Хорошо, если бы мы это делали вместе.

Мне припомнился разговор с этим мальчиком много позже, почти через год. И поводом для размышления была дружба человека с дельфином.

...Событие словно из фантастического романа. 3 ноября 1987 г. к песчаному берегу о-ва Хоккайдо морская волна донесла метровую самодельную модель яхточки с алыми парусами. Рыбак Иосихиро Мотои, живущий в небольшом городе Китахаяма, обнаружил эту яхточку и нашел закрепленную в ней капсулу. В этой капсуле было пять листов Послания мира. Они были написаны на пяти языках: русском, английском, французском, китайском и хинди. Необычным был адрес, кому посылались эти листы: «Всем обитателям Земли, кто обладает разумом и любовью к жизни, адресуют свое Послание люди Клуба «Человек и дельфин» с побережья Черного моря».

Текст Послания мира гласил:

«Дружба! Мир! Контакт человека с иным разумом... на Земле или во Вселенной...»

Это мечты и программа деятельности нашего Клуба.

Нас волнуют многие проблемы, встающие как перед отдельным человеком, так и перед человечеством в целом.

Больше всего тревожит проблема надежной защиты мира от смертоносных войн.

Сколько будет стоять человечеству ядерная война? Цена известна — жизнь Земли. Победителей не будет.

Пришло время оправдать свое название „*Homo sapiens*“ — „человек разумный“ и отказаться навсегда от безумных идей ядерной, „звездной“ и других войн.

Ведь жизнь и разум — это самое прекрасное и драгоценное, что есть на планете Земля, а может, и во всей Вселенной.

Путь к надежному миру лежит через разоружение и воспитание детей и последующих поколений миролюбивыми в масштабе всего человечества.

Пусть все земляне от мала до велика любят и

гордятся планетой Земля, своей цивилизацией, сумевшей уберечь мир!

Пусть земляне будущего станут примером цивилизации разума и прогресса для других цивилизаций Галактики!

Люди Земли — объединитесь в борьбе за мир! Нет — войнам! Разум — только для дружбы!

12 июля 1986 года».

...Пионерский лагерь «Орленок» находится у самого берега Черного моря. Тысячи ребят школьного возраста приезжают сюда из разных городов и сел. Они учатся и одновременно занимаются в многочисленных кружках. Есть в «Орленке» и небольшая обсерватория. Орлята с интересом наблюдают звездное небо, увлекаются астрономией.

Вот в этой астрономической обсерватории 23 июня 1981 г. и был создан Клуб под названием «Человек и дельфин», или сокращенно ЧИД (первые две буквы словосочетания человек и дельфин).

Одна из целей «чидовцев», среди которых и взрослые, и дети, — «пропаганда развития дружеского отношения человека к различным представителям жизни на Земле, научных знаний о наших „младших братьях“ — животных и поиск „старших“ — космических цивилизаций. А дельфины — как одна из моделей наших возможных, но не обнаруженных пока братьев по разуму. Познавая их жизнь, пытаюсь установить с ними контакты, мы готовимся тем самым к контакту внеземному».

Председателем и инициатором создания такого Клуба стала астроном обсерватории «Орленок» Лилия Николаевна Филиппова. Я давно знакома с этой интересной, деловой и обаятельной женщиной.

В «Международный Год мира — 1986» члены Клуба ЧИД высказали свою солидарность с инициативой ООН «коллективных действий за мир». Тогда-то и родилась идея обратиться ко всем обитателям Земли с Посланием мира. Было решено отправить его морским путем.

На призыв «чидовцев» откликнулись теплоходы пароходств Советского Союза. И в воды Черного, Средиземного, Японского моря, в Атлантический, Тихий, Индийский океаны и Бискайский залив были брошены Послания мира с обращением «Ко всем обитателям Земли!».

— В доставке нашего Послания мира к народам других стран нам, без сомнения, помогут друзья-дельфины, — убежденно говорили «чидовцы».

И разве нельзя высказать предположение, что маленькая модель яхточки, спущенная в воды Японского моря с борта теплохода «Художник Жуков» в день

«Волны мира», 24 октября 1987 г., была доставлена к берегу Хоккайдо с помощью дельфинов?! Они ведь очень разумные существа.

Очень символично и то, что первыми это Послание мира прочли в Японии, стране, пережившей страшную трагедию атомной бомбардировки, трагедию Хиросимы и Нагасаки.

Итак, Иосихиро Мотои обнаружил Послание мира. А дальше?

5 ноября с помощью спутника связи «заработал» космический мост «Токио—Краснодар», организованный телекомпанией «Асахи». В Краснодаре у телеэкранов вместе с взрослыми «чидовцами» пятнадцать орлят и юные «чидовцы» из детской секции Клуба. В Токио на студию телевидения пришел Иосихиро Мотои с женой и их четырнадцатилетней дочерью Норико-сан. Вместе с ними в передаче приняли участие ведущая программу новостей «7.20» актриса Тонуко Косино и известный советский журналист-международник Владимир Яковлевич Цветов, автор книги «Пятнадцатый камень сада Рёандзи».

В основном разговор вели дети. Что знают они друг о друге? Кем бы хотели стать? Но больше всего они говорили о мире на Земле.

6 ноября в пионерский лагерь «Орленок» прилетел аккредитованный в Москве специальный корреспондент «Хоккайдо симбун» Кэнерё Ямая. Он расспрашивал «чидовцев» о деятельности их Клуба, о черноморских дельфинах, о жизни ребят в «Орленке». Корреспондент был немного разочарован лишь тем обстоятельством, что Послание мира дошло до Хоккайдо не из вод Черного моря, а из Японского. Инициатива «чидовцев» нашла у него одобрение: он пожелал, чтобы это Послание мира разошлось по всей «морской чаше» на «плавниках дельфинов».

Весь ноябрь почта доставляла в адрес ЧИДа газеты и журналы, посланные из Японии. В них говорилось и о Послании мира, и о его судьбе. Пришла и объемистая бандероль от молодежи «Высшей школы» Киямакита г. Китахияма. В нее были вложены «Листы солидарности». Пятьдесят один лист и 638 подписей (636 человек в возрасте от шестнадцати до девятнадцати лет). Подписавшие эти «листы» сообщали, что они тоже хотят жить в мире без насилия, что они целиком согласны с содержанием Послания мира и что очень нужны контакты между молодежью и дружба.

...Вот уже десять лет подряд в дни апреля я приезжаю в пионерский лагерь «Орленок» на «космические праздники». Горжусь тем, что являюсь почетным

членом Клуба ЧИД. Судьба дошедшего до берегов о-ва Хоккайдо Послания мира и последовавшие за этим события глубоко взволновали меня. И в памяти так ярка случайная встреча в Оленьем парке с японскими школьниками, запомнившиеся слова японского мальчика, сказавшего, что за мир надо бороться всем вместе.

То ли туман, то ли облако...

Международный день авиации и космонавтики я встречаю на японской земле.

Путь из Нара в Киото не был утомительным. До вокзала мы с Такэи-сан доехали на такси, потом сели в электричку и через сорок минут были на месте.

Около здания отеля, в котором мы в прошлый раз жили с Марет Ульвик, уже ждут супруги Фудзита.

— Рады новой встрече с вами,—говорит Кэйко-сан.—Приятно, что день космонавтики совпадает с цветением сакуры. Как чувствует себя Марет-сан? Жаль, что она не приехала с вами.

В отеле останавливаться я не буду. К концу дня уже надо быть в Токио. Садимся в машину и едем в ботанический сад. В эти дни его можно назвать бело-розовым садом—так украсили его своим цветением деревья сакуры.

Белые, розовые, кремовые цветы распустились на оголенных ветвях, и лишь кое-где можно увидеть еще очень робко пробивающуюся листву.

На главной аллее ботанического сада замедляем шаги. Ну как не остановиться около красного ковра, вытканного из живых тюльпанов? А вдали кружевная стена из сакуры. Как жаль, что я не художник!

— Зайдемте в теплицу. Там много экзотических растений, привезенных из многих стран.

Идем с Кэйко-сан по застекленной веранде, проходим в основное помещение. Экзотики здесь предостаточно!

Первый раз вижу, как растет папайя, соком которой мы сегодня утром с Такэи-сан утоляли жажду. Неподалеку от нее на грядке зреют ананасы. Да, именно на грядке. Когда-то, еще по детской наивности, я думала, что ананасы растут на деревьях. И только через многие годы жизни, попав на Азорские острова, увидела в теплице о-ва Сан-Мигель вылезающие из-под земли чешуйчатые плоды. И вот опять приятная «ананасовая» встреча.

Задержались и около кофейного дерева. Хорошо, что растут на земле такие деревья. Их зерна дают

возможность миллионам людей подбодрить себя одним из прекраснейших напитков в мире.

В теплице много оригинальных композиций из цветов, свисающих и переплетающихся лиан. Решили с Кэйко-сан сфотографироваться около такой красоты.

Дорожки ботанического сада уводят в его глубины. И здесь повсюду очарованные цветением дикой вишни люди. Тоже, как и в парке Уэно, сидят и лежат под деревьями на циновках. Тоже многие застыли в задумчивой неподвижности.

Идешь по облакам,
И вдруг на горной тропке
Сквозь дождь — вишневый цвет.
Пер. В. Марковой

Это уже стихотворение поэта Кито.

Чувствую, что, надышавшись весенним воздухом, тоже скоро начну сочинять стихи в стиле хокку...

После экскурсии в ботанический сад едем в университет.

— К сожалению, я могу показать вам только свой рабочий кабинет,— говорит г-н Фудзита.— Учебный год в университете еще только начинается. И к тому же сегодня суббота.

«Тоёта» долго кружит по университетскому двору. Около зданий и на дорожках, ведущих к ним, группами стоят студенты. Они оживленно беседуют друг с другом. После каникул всегда хочется поделиться чем-то новым со своими сокурсниками.

Длинный коридор приводит к дверям кабинета г-на Фудзита. Небольшая комната. На полках книги. Они вместе с бумагами лежат и на письменном столе. Г-н Фудзита берет с полки книгу, протягивает мне. «Ветка сакуры» Всеволода Овчинникова. Русское издание.

— Эта книга мне очень дорога,— говорит г-н Фудзита.— Личный подарок автора с дарственной надписью. А это еще три издания, но только уже на английском языке.

Он берет в руки поочередно еще три книги, перелистывает страницы.

— Писатель долгое время жил в нашей стране, хорошо знаком с ее обычаями, образом жизни людей. Многие считают, что здесь рассказано о нас лучше, чем мы есть на самом деле.

Говорим о Гагарине. Сегодня день памяти о его бессмертном подвиге. Г-н Фудзита в прошлый мой приезд рассказывал, как тепло принимали жители Киото первого космонавта. Пребывание Гагарина в Японии стало достоянием истории.

За окном кабинета г-на Фудзита цветет мимоза.

— Вам нравятся эти цветы?—спрашивает Кэйко-сан.

— Они напоминают мне о детстве, прошедшем у берегов Черного моря. Я выросла в Сухуми, и в парке, где был наш дом, весной тоже цвела мимоза.

Поговорили и о делах учебных, о целесообразности контактов между студентами наших стран. Прошли по этажам учебного корпуса. Тихо в длинных коридорах, закрыты двери читальных залов, лекторских аудиторий.

— Скоро здесь забурлит жизнь, начнутся занятия,—говорит г-н Фудзита.—А теперь мы хотим пригласить вас к себе домой. Живем мы неподалеку отсюда, в университетском городке.

На фоне горы двухэтажные домики. Перед каждым из них миниатюрный сад. Иногда это одно маленькое деревце и лежащий с ним рядом камень, а то просто площадочка, посыпанная белым гравием и окаймленная цветами.

Перед входом в дом снимаю туфли, оставляю, как и хозяева этого дома, их в передней.

Кэйко-сан любезно приглашает пройти в комнаты, раздвигает легкую перегородку:

— Посмотрите, как мы живем.

Как и в каждом японском доме, размеры комнат определяются количеством имеющихся в них татами. В гостевой комнате размером в шесть татами мебели почти нет. У стены стоит низенький стол, на полу лежат подушки для сидения. В нише, встроенной в стену, стоит ваза с цветами. Это и есть токонома. Тут же висит какэмоно—картина в виде свитка.

Как и каждую женщину, меня интересует кухня. Здесь все продумано для удобства хозяйки. Кстати, подобные образцы современного кухонного оборудования недавно демонстрировались на японской выставке в Москве.

Поднимаемся на второй этаж. В спальне тоже нет привычной для нас мебели: кроватей, платяных шкафов. Спят на полу на татами. После сна перины, подушки, одеяла убираются в стенные шкафы.

Экскурсия по дому продолжается. В рабочем кабинете г-на Фудзита лежат бумаги, книги.

— Много приходится заниматься и дома. Видите, сколько еще не законченных трудов? И количество бумаг лавинообразно растет. Впрочем, для вас это не открытие. Хорошо известно, что научная деятельность требует и раздумий, и времени. А времени у людей в наш бурный век почему-то всегда не хватает...

Супруги Фудзита недавно купили этот дом и прилегающую к нему землю. Деньги заплатили немалые, но зато теперь отпали заботы об устройстве жизни. Каждый может спокойно заниматься своей работой.

Садимся за стол. Кэйко-сан угощает кофе и испеченным ею пирогом.

— У нас немного времени, но можно еще раз проехаться по городу, посмотреть, как повсюду в Киото цветет сакура,— предлагает г-н Фудзита.

— По дороге споем вам песню, посвященную цветению дикой вишни,— добавляет Кэйко-сан.

Первой в машине запекает обещанную песню Кэйко-сан. К жене присоединяется и сидящий за рулем «Тоёты» г-н Фудзита. Поют они очень слаженно, и голоса приятные.

Прошу Кэйко-сан записать мне слова песни. В переводе на русский язык они читаются так:

Сакура! Сакура!
Сакура! Сакура! Март. Небо.
Бесконечное вокруг,
То ли туман, то ли облако,
И нежный такой аромат.
Давайте, давайте
Пойдем смотреть!

— Может быть, это не очень точный перевод,— уточняет Кэйко-сан.— Но содержание именно такое.

Каким прекрасным эпитафием могут стать слова этой песни для пришедшей на Землю весны!

Жаль было расставаться с Киото, с гостеприимными хозяевами, дважды уже оказавшими мне здесь «киотское гостеприимство».

Поезд мчится со скоростью двести десять километров в час. И позади уже Киото. Такэи-сан мечтательно смотрит в окно. Слышу, тихонько поет песню о сакуре.

Как вы живете, женщины?

Эрико-сан заходит в мой номер, протягивает газету «Асахи».

— Поздравляю с прошедшим Днем космонавтики. Ваше интервью опубликовано в вечернем выпуске десятого апреля.

— Доброе утро, Эрико-сан! Охайё! Рада вас видеть и спасибо за приятное известие.

Разворачиваю газету. Долго вглядываюсь в строки, заполненные иероглифами. Но прочесть их, увы, не могу. Знаю только, что читать надо сверху вниз и справа налево. Обращаюсь за помощью к Эрико-сан.

Интервью большое. Кроме текста даны три фотографии: Юрия Алексеевича Гагарина, изображение спускаемой кабины корабля-спутника «Восток» и моя. Подняла вверх руку: неужели так темпераментно жестукировала?!

В свою очередь, даю Эрико-сан газету осакского отделения «Асахи». Там интервью «около Дайбуцу».

— Да, должна вас еще порадовать. Ваше желание побывать на интересном предприятии завтра осуществится. Поедем с вами в частный образцовый детский сад. А сейчас надо спускаться вниз. У подъезда в отель ждет машина.

Я приглашена в гости к активистке ОЯСС, начальнице женского отделения Общества г-же Цудзи. Ее муж — член социалистической партии, секретарь Парламентской ассоциации японо-советской дружбы.

Супруги Цудзи живут в городе Йокогама. Они встречают нас около калитки двухэтажного дома, приглашают войти в него.

С г-жой Цудзи я уже знакома. Она хочет показать мне комнаты и рассказывает о семье. Детей у них трое: сын и две дочери. Сын — студент, а обе дочери еще школьницы. Младшая любит музыку и уже сносно играет на пианоле. Сейчас она нам что-нибудь сыграет.

Девочка немного волнуется, садясь за инструмент, но играет уверенно и с артистизмом. Немного рассказывает о своей школе и подругах.

Г-жа Цудзи поглядывает на часы. Сейчас должны прийти ее соседки. Они хотят узнать о жизни советских женщин побольше. Скоро здесь будет и г-жа Накати, за ней уже поехал г-н Цудзи.

В гостиной почти европейский стиль. На застекленных полках шкафов много книг. Много также и сувениров. Матрешки, модель первого искусственного спутника Земли. Это память о встречах с советскими людьми, побывавшими в Японии.

— А вот и наши женщины.

Г-жа Цудзи знакомит меня с ними, называя их имена.

Вскоре приезжает и г-жа Накати. С интересом расспрашивает она меня о поездке в Нара и Киото. Она привезла с собой и газету «Асахи» с «гагаринским интервью». Уже сняла с нее ксерокопии, чтобы раздать членам ОЯСС.

Любуюсь видом сидящих рядом со мной женщин. Встречу будет вести г-жа Накати. С чего начнем разговор?

Сначала хотят послушать меня. Просят ответить на вопрос: не трудно ли советским женщинам совмещать

заботу о детях, муже, доме со своей работой, большой общественной деятельностью? Как складывается день советской женщины? Много ли у нас женщин-ученых, государственных деятелей? Но самое главное: как мы все успеваем? В сутках всего двадцать четыре часа.

Как мы все успеваем? Конечно, не все еще в нашей жизни гладко, проблем нерешенных еще много. Но у нас полное равенство с мужчинами. Наши женщины работают в самых разных областях народного хозяйства. Велика их роль в науке, культуре, искусстве. Много женщин депутатов, руководителей предприятий.

Задаю и я встречные вопросы. Тоже хочется побольше узнать и о японской семье: какими интересами живут мои собеседницы?

— Чем мы занимаемся? Что у нас самое главное? — переспрашивает меня одна из соседок г-жи Цудзи. — Заботимся о муже, детях. Убираем свой дом. А еще занимаемся вышивкой, ходим на занятия по аранжировке цветов...

Женский вопрос в Японии, как я поняла, непростой. Конституция 1946 г. предоставила японским женщинам равный статус с мужчинами, но укорененная веками патриархальная система семьи все еще нередко проявляется в современной жизни. Мне рассказывали, что на некоторых предприятиях вообще не берут на работу женщин, особенно на таких, где нужен высокий профессионализм и общеобразовательный уровень. Заработная плата за равный с мужчинами труд у японских женщин нередко чуть ли не вдвое меньше. Рождение ребенка или замужество часто лишают работницу возможности продолжать свою деятельность на данном предприятии.

Словом, в женской проблеме есть еще над чем призадуматься.

Несколько вопросов лично ко мне. Правда ли, что я сама летала на самолете, написала много книг, посвященных авиации и космонавтике? Как сложилась судьба моих детей? И могу ли я хоть немного рассказать о моем муже академике Янгеле?

Отвечаю на эти вопросы.

Одна из женщин поднимается со своего места. Она говорит, что всех сейчас очень волнует вопрос о ядерной угрозе. Неужели может когда-нибудь еще раз повториться трагедия Хиросимы и Нагасаки и на обожженных камнях омертвевшей планеты останутся только миллионы теней, как это случилось на мосту Айои?

...День 6 августа 1945 г. никогда не изгладится из памяти людей. В 8 часов 15 минут над одним из

красивейших городов Японии, расположенном в южной части о-ва Хонсю, поднялось зловещее облако ядерной смерти. Хиросима стал первой жертвой ядерного безумия.

И каким страшным памятником смерти стали гранитные плиты переброшенного через реку моста Айои! На них остались только тени куда-то бегущих с поднятыми руками девяти человек. Только тени.

И каждый год теперь в Хиросиме в 8 часов 15 минут звонит колокол. Он напоминает людям о том, что было.

А 9 августа в трауре Нагасаки. Еще одно грибовидное облако принесло в этот японский город страшную смерть.

...Прощаясь с соседками г-жи Цудзи, мы обменялись сувенирами. Я получила в подарок несколько вышитых салфеток и золотистый веер с изображением цветущей сакуры. Ответно вручила каждой моей собеседнице значок с портретом Юрия Гагарина.

После ухода соседок г-жа Цудзи вновь пригласила к столу. Теперь «кулинарный экзамен» будут держать ее дочери. В японских школах учат готовить национальные блюда. На наших тарелках розовый рис, креветки, каштаны и домашнее «фирменное» печенье.

— Спасибо, девочки,— благодарю школьниц.— Все было очень вкусно. Экзамен выдержан с отличной оценкой.

День завершился прогулкой по городу. Но сегодня воскресенье и неизбежны «автомобильные пробки». Они не дают возможности познакомиться поближе с жизнью одного из крупнейших портов мира. На стоящие у причалов корабли я посмотрела лишь с высокого берега Йокогамы.

...Вечером спустилась на первый этаж за вечерним выпуском газеты «Асахи». Только что из Москвы прибыла группа советских специалистов. Будут жить в этом отеле. Перебросилась с ними несколькими фразами.

— Занимаемся рыбными делами,— сказал руководитель группы.— В Японию приезжаем уже не в первый раз. Деловые контакты.

Около бюро информации стоят два очень старых по виду японца, просят переводчика, сопровождающего советских специалистов, что-то выяснить с оформлением их номеров.

— Плохо видят,— говорит переводчик, обращаясь ко мне.— Одному уже восемьдесят восемь лет, а другой еще старше.

— У вас много престарелых людей?— спрашиваю переводчика.

— Да. Характерное явление века — старение населения, — отвечает он на мой вопрос. — У мужчин, по статистике, средняя продолжительность жизни семьдесят два года, у женщин — семьдесят семь. В печати сообщалось, что в Японии больше всего долгожителей.

— Больше всего долгожителей у нас в Дагестане, — не соглашаюсь я с переводчиком.

— Где? — переспрашивает он. — В Дагестане? Это на родине Гамзатова.

— Вы знаете Гамзатова?

Переводчик расплылся в улыбке.

— Гамзатова знают все. Это очень хороший поэт, особенно его стихи нравятся женщинам. Он был у нас в Японии.

...Народного поэта Дагестана действительно знают далеко за пределами нашей родины. Не так давно в составе группы писателей я побывала в Дагестане, встречалась с Расулом Гамзатовичем Гамзатовым. Это человек редкого обаяния.

В памяти осталась поездка в горный аул, где родился поэт. Место это удивительной красоты. Отвесные скалы. Такое близкое, особенно в ночную пору, небо. И орлы, парящие в вышине. Так вот, в доме, куда нас пригласили, моими собеседниками оказались еще совсем бодрые по виду аварцы.

— Сколько вам лет, если не секрет? — спросила я одного из них.

— Я самый молодой, — сказал он. — Мне сто двадцать. За столом сидят мои односельчане. Они намного старше меня.

Переводчик выслушал мой рассказ о дагестанских долгожителях с заметным интересом, спросил:

— Как вы думаете, можно поехать в Дагестан к Гамзатову по туристской путевке?

— Думаю, что можно, — ответила я. — А пока советую вам прочесть, если вы не читали, книгу, которую написал в прозе Расул Гамзатов. Она называется «Мой Дагестан».

Я очень горжусь тем, что у меня есть эта книга с автографом народного поэта. Она полна житейской мудрости.

В рыбном царстве

— Наконец-то утро без дождя! Самая подходящая погода для посещения рыбного рынка, — с такими словами обращается ко мне ранним утром Эрико-сан. На часах еще только начало седьмого.

Знаменитый оптовый рынок столицы часто называют именно «рыбным рынком». Он расположен в южной части района Гиндзы в квартале Цукидзи. От отеля, в котором я живу, до него всего минут десять ходьбы.

Бодро шагаем с Эрико-сан по улицам уже проснувшегося города. Открываются двери небольших магазинов и лавочек. Их владельцы, вооружившись щетками с длинными ручками и пылесосами, убирают, чистят, наводят порядок. На тротуары выносятся полиэтиленовые мешки с мусором. Скоро за ними приедет специальная уборочная машина.

На улицах много велосипедистов: кто едет по домашним делам с корзинами на багажнике, кто уже спешит на работу. В часы «пик» транспорт очень перегружен. Поэтому лучше встать чуть раньше и без давки проехать на автобусе или в поезде метро.

Чем ближе мы к рынку, тем чаще встречаем небольшие трехколесные грузовички. В кузовах порожняя тара. Они едут за рыбой.

Центральный рынок столицы — ее знаменитое «чрево». Сюда пришли продавцы, покупатели и любопытствующие туристы. Подобных рынков в мире немного. Рынок славится своей чистотой и огромной пропускной способностью: около трех тысяч тонн рыбы в день.

Рыба. Везде рыба. Сотни лавочек прижались друг к другу. Рыба на лотках, на прилавках, в бочках, банках, корзинах. Крупные рыбины с уже остекленевшими глазами висят на огромных крюках, вбитых в стены. В чанах, наполненных водой, трепещутся мелкие и средние рыбешки.

Рыба соленая. Рыба свежая. Рыба копченая. А вот эти серебристые рыбки всего лишь несколько часов тому назад стайками носились в море в поисках корма. Теперь кормом стали сами.

Подхожу к одной из лавок. Какая гигантская рыба! Голова свесилась по одну сторону стола, хвост с другой его стороны почти касается пола. Рядом с этим гигантом не рыба, а сувенирный набор рыб-колючек. Ну просто богатый экспонатами натуральный ихтиологический музей!

Идем по рядам дальше. Тут креветки, тут угри, а здесь всевозможная утварь для домохозяек. Залюбовалась в одной из лавок набором рыболовецких крючков, а из дальнего угла мне машет рукой хозяин. Подошла поближе посмотреть на его товар. На полках лежат ножницы для разделки рыбы, пилки, набор маленьких и больших сковородок. Сколько заложено творческой смекалки в создание всех приспособлений и инструментов!

Японец достает из ящика оригинальное устройство, похожее на «сетчатую ловушку». Он называет ее «пасть акулы». Такое устройство, как он говорит, сделано для копчения рыбы. Сейчас он продемонстрирует, как надо им пользоваться. В руках у него рыба, которую он ловко закладывает в «пасть акулы». Надо поворачивать при копчении ее и влево, и вправо.

Демонстрация окончена. Вопрос к Эрико-сан: как лучше упаковать «пасть акулы»? Наверное, лучше положить ее в коробку?

— Этот продавец просто загипнотизировал вас! — восклицает Эрико-сан. — Хорошо, что он еще не уговорил вас купить набор этих громоздких сковородок для жарения рыбы!

Но покупка сделана. Хозяин лавки доволен. Я, как он говорит, у него сегодня первая покупательница. Для того чтобы день был удачным, он хочет угостить меня и Эрико-сан рыбой, которую он только что вынул из «пасти акулы». Спрашивает меня: видела ли я когда-нибудь живую акулу? Отвечаю ему, что видела в музее только акулий скелет. Этот человек, видимо, любит и понимает шутку. Он от души смеется и кланяется.

Вкуснейшую копченую рыбу хозяин лавки пробует вместе с нами. Денег за нее не берет.

На оптовом рыбном рынке торгуют также и готовой продукцией: консервами, разными сортами икры. На прилавках лежит много зелени. Можно при желании осуществить «рыбную дегустацию» и вдоволь насладиться запахом жареной и копченой рыбы.

За невысокими столиками, расставленными вдоль тротуара, сидят люди. Большинство в рабочей одежде. Хозяин одной из многочисленных лавок суетится около дымящейся печурки. Смотрим с Эрико-сан, как ловко чистит он рыбу, тут же бросает на раскаленную сковородку.

Из соседней лавки выходит солидный по виду, немолодой японец. В руках у него чашка с рисом. Сел за один из свободных столиков и стал есть свой рис. И мне тут же вспомнилась поучительная и остроумная японская сказка. Ее содержание таково.

...На улице Терамаки в древнем Киото жили два соседа. Лавки их были в смежных домах. Один из них был богат, но отличался скупостью. Второй был владельцем рыбной лавки. В ней он не только торговал рыбой, но и готовил для продажи разные рыбные блюда. Особенно славился своими вкусовыми качествами приготовленный им жареный угорь. Он коптил его сначала на бамбуковой рогатке, а потом жарил в кипящем масле. Готовое блюдо приправлял изобретен-

ным им ароматным пряным соусом. Посетителей в этой рыбной лавке было всегда много.

Богатый сосед был не только скрягой, но и весьма изобретательным человеком. Однажды его осенила блестящая мысль. В обеденный час, взяв в руки миску с вареным рисом, он отправился к соседу «на дружескую беседу». Усевшись около дымящейся сковороды, на которой жарилась рыба, купец начал есть свой рис. При этом он жадно вдыхал рыбный аромат. В конце своей трапезы даже призадумался: ел ли он рыбу или только нюхал ее?

С той поры скряга-купец стал постоянным посетителем рыбной лавки. Придет в обеденный час, сядет у жаровни и ест свой рис.

Рыботорговец был наблюдательным человеком. Он вскоре понял, с какой целью к нему ежедневно заходит сосед.

— Эге!—воскликнул он.—Надо потребовать с купца вознаграждение! Он даром нюхает мою рыбу и имеет даровую приправу к своему обеду. У меня торговое дело, а не благотворительный дом.

Подсчитав, сколько раз приходил к нему сосед, рыботорговец составил счет и понес его к купцу. Тот внимательно просмотрел денежный документ, улыбнулся и велел жене принести шкатулку с деньгами. Взял оттуда пригоршню золотых и серебряных монет и бросил их на блюдо. Он долго потряхивал его, прислушиваясь к звону денег. Потом слегка прикоснулся веером к лежавшему перед ним счету. Сказал затем рыботорговцу, поклонившись:

— Ну вот. Теперь мы, надеюсь, квиты.

— Как квиты?! Вы отказываетесь мне платить?!

— Никоим образом,—спокойно ответил купец.—Вам, милый сосед, было угодно подсчитать стоимость запаха угрей. Я заплатил вам за это звоном моих монет. Я нюхал вашу рыбу, а вы слушали, как звенят мои монеты. Разве мы теперь не квиты? Впрочем, если вы находите, что мой нос получил больше, чем ваши уши, я готов потрясти блюдо еще несколько минут.

Это были последние фразы, которыми обменялись соседи.

Единственным утешением рыботорговца было то, что теперь скряга лишился столь нравившейся ему ежедневной приправы. Но каково было его удивление, когда на другой день из лавки купца до него донесся запах жареной рыбы. «Неужели мой сосед решил открыть собственную рыбную лавку?—размышлял обеспокоенный рыботорговец.—Он может подорвать мое дело!». Но его опасения были напрасны. Купец

вовсе не собирався заниматься рыбной коммерцией. Просто, идя по улице, он подобрал брошенную кем-то голову камбалы без всяких признаков на ней мякоти. Ее-то он и клал на свою жаровню, приступая к обеду. Как известно, рыба кость, подгорая, пахнет не хуже, чем жареная рыба.

Голова камбалы долго служила скряге. Стоило только немного подержать ее над жаровней — и рыбный запах заполнял все помещение. Прекрасная приправа к миске вареного риса!

Таков конец сказки.

— О! И вы в такой ранний час на рынке?! — таким возгласом приветствует меня знакомый сотрудник советского посольства.

— Потрясающий рынок! — восторгаюсь я. — Какие есть экземпляры! И вот... Купила оригинальное приспособление. Называется «пасть акулы». Это для копчения рыбы.

— Значит, уговорил и вас. Талант! Наверняка купили вон в той крайней лавке. Этот продавец славится своим умением продавать приезжим именно «пасть акулы».

Походили вместе по рынку. И, разглядывая сегодняшней улов, мой знакомый обратил мое внимание на одну из рыб.

— Я сейчас расскажу вам сказку о «неприступном замке». Хорошая иллюстрация к сегодняшней экскурсии.

Ну что же, послушаем еще одну сказку.

«Среди множества рыб в море обитает рыба, которую называют брасом. Она редко становится добычей рыбаков и, как правило, украшает лишь праздничные столы. Живет в море и башенка — улитка, которая служит пищей для бедняков. Жарят ее обычно в ее же раковине.

В одно раннее утро башенка и брас встретились в заливе. Рыба позавидовала улитке: живет в собственном домике, таком просторном, и над головой у улитки всегда надежное укрытие. Улитка самодовольно улыбнулась. Ответила брасу: дом, и вправду, надежен. Ей, улитке, искренне жаль тех, у кого нет домашнего очага. С сожалением смотрела башенка на браса.

Разговор внезапно прервался. В воде показался невод, тянувшийся за рыбацкой лодкой. Брас и находившиеся неподалеку от него рыбы стремительно понеслись прочь от опасных сетей. А улитка плотно прикрыла крышку своей раковины. Подумала, что вряд ли удалось брасу скрыться, и крепко заснула».

На этом месте рассказчик вдруг замолчал. Мимо

нас прошел человек, несущий на голове пять больших ящиков с рыбой.

— Несет такую тяжесть, словно фетровую шляпу,— не удержался от комментария мой знакомый.

— Так что же было потом с брасом и башенкой?

«Улитка, открыв через некоторое время дверцу своего хваленного домика, обнаружила, что лежит на грязном прилавке рыботорговца в куче мелких рыб. После долгого и томительного ожидания ее за бесценку купила бедная женщина. Дома она тут же зажарила улитку и, не вынимая из раковины, стала ее есть. Таким образом „неприступный замок“ превратился в обычную тарелку для еды. Женщина выбросила раковину вместе с остатками пищи на помойку. Вместе с мусором эту раковину потом сожгли».

Какая забавная Матрешка!

С проф. Ёсида-сан, активным членом ОЯСС, мы познакомились в 1984 г. Вместе с ним ходили тогда в музей, посетили зоопарк. На этот раз встреча с ним состоялась на железнодорожном вокзале. Мы пришли туда с Эрико-сан после посещения рыбного рынка. Втроем мы поедом в район Сэтагая, г. Токио. Предстоит встреча с ребяташками частного детского сада, носящего название «Сакура».

Дом, в котором размещается детский сад, стоит в окружении ветвистых деревьев. В нем воспитываются дети от трех до шести лет.

Ёсида-сан знакомит меня с директором садика г-жой Сумиэ Кацумата и ее заместительницей Кёко Ёсида.

— Обе мои сестры работают в этом детском саду,— говорит Ёсида-сан.— Они давно занимаются воспитательной работой с маленькими детьми.

В зале нижнего этажа на низеньких скамеечках сидят малыши. Они ждут прихода гостей.

— Мы подготовили небольшую концертную программу,— говорит г-жа Кацумата.— Она идет в сопровождении рояля.

Первыми выступают самые маленькие. Дети танцуют, поют песенки, а потом, дружно взявшись за руки, валяются на пол. Настоящая «куча мала»: кто поднял вверх руки, кто ноги. И сколько веселого смеха!

— Они изображают тигров и слонов,— поясняет молодая воспитательница.

Танец зверей нравится малышам. Без всякой охоты они возвращаются на скамейки.

С более сложной программой выступает группа

четырёхлеток. Ну а у детей самой старшей группы уже почти балетные номера.

Я смотрела на ребятишек и думала: кем станут они, когда вырастут? Мне рассказывали, что в Японии существует интересный обычай. Когда ребенку исполняется год, перед ним кладут самые разнообразные предметы. И тот предмет, до которого он сразу дотронется, может «спрогнозировать» его будущее. Взял ребенок в руки счеты—будет коммерсантом. Прикоснулся к кисточке для письма—возможно, станет журналистом или писателем. А уж если ухватился за удочку, то быть ему рыбаком.

Интересно, к каким предметам прикасались руки детей из детского сада «Сакура»? Кем станут эти дети?

Дети поглядывали на меня с любопытством. В гостях у них впервые иностранная гостья. Очень тихо сидели они, когда всех вместе снимал фотограф. Наверное, как и наши ребятишки, ждали, когда из объектива «вылетит птичка».

Я подарила детям куклу Катюшу, получившую известность во время проводившегося в Москве фестиваля. Она им понравилась. Будет теперь полноправным членом их коллектива.

Но сразила их детское воображение все же Матрешка, внутри которой оказалось еще шесть ей подобных. Дети собирали и разбирали Матрешек, передавали их из одних рук в другие. Один малыш тщетно пытался «состыковать» голову большой Матрешки с туловищем другой. А самая маленькая по росту девочка все пыталась дознаться у воспитательницы: значит, можно сразу родить шесть ребятишек? Ну и забавные эти Матрешки!

Ответным подарком было мне дружное «спасибо», прозвучавшее на русском языке.

Но настало время сна. Ребятишек увели в спальное помещение. Меня приглашают подняться на второй этаж, где живут сестры Ёсида-сан.

На одной из стен висит великолепная цветная гравюра с изображением женщины.

— Школа Укиё-э,—говорит одна из молодых воспитательниц.

Гравюры на дереве—одна из замечательных областей японского искусства. Их зарождение относится к середине XVII в., и первым крупным художником-гравёром был Хисикава Моронобу (1638—1714).

Картины стоили дорого, а жителям Японии хотелось украсить свои жилища. И Моронобу сделал гравюры достоянием народа. Этот талантливый художник иллюстрировал книги, выпускал бестекстовые аль-

бомы и большие отдельные листы, которые обычно раскрашивал вручную. Его гравюры были дешевыми, черно-белыми. Люди охотно их покупали. Гравюры стали «модой».

Гравюра — это выпуклая печать с дерева продольного распила. Наибольшее применение в гравюре нашли японский самшит, грушевые и вишневые деревья.

В создании гравюр есть три характерные стадии. Сначала художник продумывает композицию, а затем на прозрачной бумаге делает рисунок и переводит его на заранее подготовленную доску. Далее к работе приступает резчик-гравер. Если гравюра многоцветная, то резчик вырезает по рисунку несколько досок, для каждой краски отдельную. Затем к работе приступает печатник. Он наносит на доску краску и вручную делает отпечатки на бумаге. При этом широко применяется тонировка, лакировка, присыпка металлическим или перламутровым порошком.

Направление Укиё-э, о котором упомянула воспитательница, означало «мир земной». Одним из замечательных художников этого получившего широкое распространение направления был Китагава Утамаро (1753—1805). Он особенно прославился изображением красивых женщин. Рисовал он их по определенному типу: один и тот же овал лица, разрез глаз, очертания носа и поворот в три четверти. Много гравюр он посвятил матери и ребенку¹⁶.

Обстановка в квартире воспитательниц детского сада почти европейская. За столом завязывается беседа. Кёко Ёсида не так давно была в Москве. Посетила там детский сад автомобильного завода им. Лихачева. Многое ей там понравилось.

— Кое-что переняла и для себя, — рассказывает она. — Убедилась также, что в вашей стране детям уделяется большое внимание: и воспитанию, и разумному отдыху.

На столе появились фрукты и соки. В керамических мисочках еда.

— Попробуйте, чем мы кормим детишек, — угощает Сумиэ Кацумата. — Это сладкий рис с подливкой. А это печенье мы испекли специально для вас.

Одна из воспитательниц знакомит с режимом дня детей. Утром их приводят сюда родители или знакомые семьи. Дети проводят в саду почти весь день: играют, гуляют, спят и едят. Они очень любят, когда им рассказывают сказки. С малых лет детей приучают к труду. Особая тяга у ребятшек к рисованию.

— Нам иногда задают вопрос: почему столько художников часто выбирают одну и ту же, на первый

взгляд очень узкую тему,—говорит молодая воспитательница.—Рисуют многие ворону, сидящую на покрытой снегом елке. Позади луна. Но в каждой такой картине всегда проскальзывает индивидуальность художника.

К слову, о манере японской живописи. Известна шутка японских художников, говорящая о том, что «все имущество для создания картины можно уместить в носовом платке». В это «имущество» входят: пенал для кистей различной величины, сделанный из тонкого бамбука, блюдечко для туши, три-четыре чашечки для смешивания красок, два-три пакетика со свежими красками, две большие чашки для воды, доска и кусок бумаги, который кладется на пол. Бумага на полу придерживается по углам специальными грузиками.

Художник рисует, сидя на коленях, и кисть держит перпендикулярно бумаге. В движении при создании рисунка участвуют кончик мизинца, кисть, плечо и колено.

Но разговор зашел о том, как рисуют дети. Оказывается, они учатся рисовать сразу кистью руки. В движении рука от плеча и до кончика пальца. Пальцы юного художника работают механически, и он довольно скоро овладевает искусством мазка. Сам рисунок создается ударом кисти, и каждый штрих уже что-то означает.

Для сравнения: наши дети учатся рисовать, прижимая руку к столу и пишут не легкой кистью, а твердым пером или карандашом.

Рассказывая о рисунках детей, хозяйка достает с книжной полки альбом. Здесь собраны работы многих известных японских художников. Пейзажи. Цветы. Фудзи-сан. Женские портреты.

— Посмотрите на этот рисунок,—говорит хозяйка.— У него любопытная история. Над этим спящим в лесу кабаном художник работал долгое время... Для своей мастерской он выбрал пещеру в самой чаще густого леса. Из этого укрытия он и стал рисовать обычно отдыхающего здесь кабана. Сделав первый эскиз, художник показал его охотникам из соседней деревни. «Что здесь изображено?»—спросил он их. Охотники без долгого раздумья пришли к общему заключению: «Здесь мертвый кабан!».

Художник вернулся в лес и вновь взял в руки кисть. Но все его—как этот, так и последующие—рисунки спящего кабана не достигали нужной цели. «Это мертвый кабан!»—говорили каждый раз охотники.

Художник упорно продолжал рисовать кабана и все же вышел победителем. Оценка была и на этот раз

единодушной. «Ведь это живой кабан! Он просто спит»,—сказали охотники.

Незаметно пролетело время. Нам надо спешить на электричку.

— Хотите посмотреть на спящих детей?

В спальном комнате полумрак. Дети спят на кроватках, лежа по принципу «рядом с головой одного—ноги другого». Все одеты в светлые пижамы.

— Кладем их «валетами», чтобы не разговаривали друг с другом и быстрее засыпали,—говорит дежурная воспитательница.

Мальчик, лет пяти, положил руку под щеку и во сне улыбался. Узнала его: это тот малыш, который быстрее всех научился собирать Матрешку. Ему очень понравился «дружный Матрешкин дом».

Выходим, попрощавшись, из дверей. До отправления электрички осталось всего несколько минут.

— Вы любите сказки?—спрашивает меня уже в вагоне поезда Эрико-сан.—Я их очень люблю. У нас много поучительных сказок для взрослых. Раньше были специальные рассказчики, пользовавшиеся большой популярностью в народе.

— Да, мне нравятся сказки. И японские тоже.

«Давно, очень давно на бесплодном берегу жил каменотес. Он питался тухлой рыбой, которую выбрасывали морские волны на прибрежный песок, и зарабатывал себе на горсть риса, откалывая от утеса камни. Работа была трудная, а заработок так мал, что бедный каменотес даже не мог себе приобрести одежду»,—так начинается популярная в Японии сказка о каменотесе.

Однажды усталый каменотес лег отдохнуть на жесткий камень. Размечтался о мягкой циновке: лежать бы на ней и ничего не делать. Добрый дух, находившийся неподалеку, услышал его и посочувствовал каменотесу. И очутился каменотес на мягкой циновке. Надето на нем шелковое кимоно.

Лежит, наслаждается отдыхом каменотес и видит: несут на носилках мимо него микадо. Сколько украшает его драгоценных камней, золотых побрякушек! И какой над головой микадо большой цветастый зонт! Горестно вздохнул каменотес: «Мне бы такое!». И тут же Добрый дух исполнил его желание. Стал каменотес императором. Несут его слуги на носилках, а над головой нового микадо раскрыт великолепный шелковый зонт.

Но даже зонт не служит препятствием для солнечных лучей. Не понравилось это каменотесу-микадо. Пожелал он сам стать Солнцем. И по воле Доброго духа стал небесным светилом. Щедро посылает оно на

Землю и в просторы Вселенной свои обжигающие лучи.

Но однажды огромное облако своей тенью прикрыло Землю, закрыв доступ солнечному свету. Значит, облако сильнее Солнца!! И пожелал каменотес-Солнце стать облаком. Опять помог ему Добрый дух.

Дождями обрушивается облако на Землю. Выходят из берегов реки, потоками воды смываются с гор целые поселения. И только угрюмый утес не страшится мощи облака. «Ах, так! — воскликнул каменотес. — Хочу стать таким же утесом!» И дух превратил его в утес.

Не страшны каменной громаде ни бури, ни штормовые ветры. Но однажды к отвесной скале подошел человек. И своим рабочим инструментом стал откалывать камень за камнем. И воскликнул каменотес в облике утеса: „Значит, человек сильнее меня! Я хотел бы оказаться на его месте“. И тут же стал утес каменотесом. А под ним, как и прежде, — жесткий камень».

— Вы спрашиваете о морали, которую следовало бы извлечь из этой поучительной истории с каменотесом? Она ясна: у человека должен быть предел его желаниям. Вспомните и нашу сказку о золотой рыбке.

Так ответил на мой вопрос один человек, тоже большой любитель сказок.

Сюжеты японских сказок очень многообразны. Герои их — рыцари, отважные люди. Много есть сказок о животных, деревьях, цветах. Одной из частых сказочных героинь является лисица. Своими хитроумными и коварными проделками она давно привлекает к себе внимание. Вблизи Киото, в селении Фусими, сооружен храм, посвященный лисице. По рассказам людей, побывавших в этом храме, он производит очень сильное впечатление. Внутри храма расставлены фигуры драконов, окрашенных в голубые, синие, зеленые тона. Неподалеку от них разместились жабы с громадными животами. И повсюду лисицы. Они на стенах, алтарях и огромные, и карликовые. Сделаны эти лисицы из бронзы, дерева, глины. И у каждой характерная поза. А сам храм окрашен в цвет крови...

В префектуре Тотиги есть скала, из которой выходит «ядовитый газ». Этот газ убивает все живое: птиц, насекомых. Согласно легенде, именно в эту скалу превратилась когда-то лисица. Около скалы стоит камень, на котором высечены следующие строки из поэзии Басё.

Облака одни
Могут пролететь в небесной вышине
над тобой, скала.

Пер. В. Марковой

Проходят в Японии и специальные празднества, во время которых пересказываются страницы литературных произведений, где главным действующим лицом является опять-таки лисица. И одной из известных сказок, а возможно басней, является сказка о лисе и барсуке. Она очень популярна и называется «Торжество лисенка». Ее краткое содержание таково: «Как у лисицы, так и у барсука есть редкий дар „перевоплощения“ во всякий вид. То обернется лиса прекрасным юношей и обманет девушку. То, наоборот, станет красавицей и увлечет своей красотой неопытного молодого человека. И барсук частенько перевоплощается в поисках добычи.

И люди стали ставить силки, делать западни, чтобы избавиться от коварных лисьих и барсучьих проделок, а заодно стать обладателями дорогих по цене звериных шкур. Много было истреблено этих зверей.

Остались жить в лесу лишь лисица с детенышем и одинокий барсук неподалеку. Голодная у них наступила жизнь. Вкусной едой в лесу не разживешься, а в деревню, где столько жирных кур и уток, идти опасно. И барсук предложил лисе превосходный, с его точки зрения, план: пусть лиса превратится в охотника, а он, барсук, притворится мертвым. Отнесет лиса его в город, продаст и на вырученные деньги купит провизию. А барсук сумеет улизнуть от человека, купившего его.

План барсука лиса одобрила.

— Но, когда запасы еды у нас кончатся, мы поменяемся ролями,—добавил барсук.— Охотником стану я. Пойду сам продавать твою шкуру.

Согласилась лиса и с этим предложением барсука. Если делать что-то—так по совести.

Перевоплотившись в охотника, пошла лиса в город продавать барсучью шкуру. Она у него хорошая, и меховщик за нее денег не пожалел.

Нагруженная рыбой, курами, пирожками, вернулась лиса в лес. Прихватила по дороге бочонок рисового пива и сладостей для малыша-лисенка.

Вскоре прибежал и барсук. Он прокрался из лавки меховщика в сад. Оттуда и сбежал. Все трое с большим аппетитом принялись за еду. Пили и рисовое пиво.

Прошла неделя. Запасы еды истощились. Согласно договоренности, теперь барсук стал охотником и понес продавать в город „мертвую лису“. Продал очень выгодно: хорошая из лисы выйдет шапка, и уж очень пышен хвост.

И решил барсук избавиться от лисы и потом один полакомиться купленной провизией. Уходя от купца,

шепнул ему тихонько: „Лиса — обманщица. Она лишь притворилась мертвой“.

Купец схватил дубинку и ее ударом размозжил лисе голову.

На вырученные от продажи лисы деньги барсук накупил дорогих лакомств. Посидел и в харчевне, заказав себе вкусные блюда и хмельные напитки. Сытый и очень довольный собой, отправился барсук в лес. Идет и распевает песни.

Проголодавшийся лисенок нетерпеливо ждал возвращения матери. Он мечтал о подарках, которые она обещала принести, если он будет вести себя хорошо. Как умное дитя, он тихо сидел дома и накрепко запер дверь. Знал, что выходить из дому опасно: можно встретить охотника или упасть в волчью яму. Томимый долгим ожиданием и обеспокоенный отсутствием матери, лисенок все же решил отправиться на ее розыски. По дороге он и встретил барсука.

На все вопросы лисенка охмелевший барсук отвечал грубой бранью. Недобрыми словами отозвался и о „покойнице“. Значит, лисы нет уже в живых!

Утерев набежавшие слезы, стал лисенок обдумывать, как отплатить барсуку за совершенное им преступление. И придумал. Решил предложить барсуку перевоплотиться в людей, но так, чтобы один не видел при этом другого.

— Ты не узнаешь меня при встрече, — сказал лисенок. — А если узнаешь, я в твоей власти. Можешь тогда продать и меня.

Барсук подумал: у лисенка хоть маленькая, но неплохая шкурка. И согласился.

Спрятался лисенок за дерево и ждет.

В условленное время на мосту вдруг показались люди. Они несли носилки, на которых восседал влиятельный князь. Барсук решил, что это не князь, а переодетый лисенок. Подбежал к носилкам и стал громко кричать, что выиграл пари.

— Теперь я продам твою жалкую шкуру, — злобно ухмыляясь, повторял барсук.

Такое нетактичное поведение барсука возмутило сидевшего на носилках князя. Он подал веером знак своим слугам, и голова барсука покатилась по земле.

Так отомстил лисенок за смерть своей матери-лисицы».

Уж коль скоро речь зашла о лисицах, изображения которых выставлялись вдоль дорог, можно обратиться еще к одной легенде. Из нее можно узнать, каким образом лиса стала верным слугой бога Инари — покровителя риса. В храмах, посвященных этому богу,

продаются амулеты с изображением лисиц. Во рту лиса держит драгоценный «камень желаний», который может принести несметные богатства. А в лисьих лапах — ключ, с помощью которого можно проникнуть в многие тайны природы, в том числе узнать секрет получения обильного урожая риса.

Итак, еще одна легенда: «Когда-то давным-давно на горе Фунаоко, что высится неподалеку от императорского дворца в Киото, поселилась семья лисиц. Заметив, что божество всячески покровительствует крестьянам, помогает им выращивать и собирать богатый урожай, лисицы захотели вместе с людьми служить ему и снискать его расположение. Тогда они отправились в храм просить Инари сделать их своими слугами и молились так усердно, что священный алтарь вдруг сдвинулся с места и появился сам Инари. Выслушав лисиц, божество милостиво согласилось удовлетворить их просьбу, решив, что лучших помощников, чем эти симпатичные, умные и проворные зверьки, ему не найти»¹⁷.

Помимо многочисленных сказок для взрослых в Японии немало сказок и для детей. Одна из них — популярная сказка о «корабле счастья».

«Несколько лет тому назад неподалеку от высокой горы жил бедный дровосек со своей женой. Детей у них не было.

Однажды дровосек отправился в лес, чтобы запастись там сухими ветвями, а его жена пошла на реку стирать белье. Подойдя к берегу, она увидела, что плывет по реке персик (*момо*). Вытащила его из воды и положила в карман: решила угостить мужа.

Когда дровосек разрезал персик пополам, оттуда выскочил мальчик. Ростом он был уж слишком мал.

Радости двух уже далеко не молодых людей не было границ. Теперь они будут растить сына. Назвали они его Момотаро, что означает „дитя персика“.

Мальчик рос, помогал родителям по хозяйству и очень любил общаться с животными. Силы он был необыкновенной.

Не раз слышал Момотаро рассказ о далеком „Чертовом острове“ и хранящихся там сокровищах. Хозяевами острова были злые духи *они*. Вид их был страшен: на взлохмаченных головах торчали бычьи рога, изо рта высывались острые клыки, а на пальцах рук и ног росли острые когти. В течение многих лет они пожирали людей из Страны восходящего солнца.

В середине „Чертова острова“, в крепости, находился замок. В нем жил владыка людоедов. Было в том

замке много диковинных вещей: соломенная шапка-невидимка, соломенный плащ-невидимка, два хрустальных блестящих шара, управляющих морскими приливами и отливами. Хранились там и семь самых драгоценных сокровищ.

Вырос, возмужал Момотаро и стал уговаривать своих названных родителей отпустить его на остров, где живут злые *они*. Пообещал привезти оттуда сокровища. После очень долгих уговоров дровосек и его жена отпустили Момотаро. Мать напекла сыну в дорогу лепешек, отец дал в руки палицу. И отправился юноша в длинный и нелегкий путь. По дороге встретил он сначала собаку, потом обезьянку и, наконец, фазана. Накормил их досыта рисовыми лепешками. И они пошли вместе с ним искать страну людоедов. Так вчетвером и идут: Момотаро, собака, обезьянка и фазан.

Неприступной казалась крепость. Надо было брать ее штурмом. Стремительно взлетел фазан в ворота. Обезьянка проворно вскарабкалась на крепостной вал. С помощью их Момотаро и собака открыли ворота и вошли в крепость.

Бой был очень жестоким. Но вот четверо друзей уже во дворце владыки *они*.

Увидев Момотаро, он гневно зарычал и раскрыл свою ужасную пасть, чтобы проглотить смельчака. Но не тут-то было! В ту же минуту собака набросилась на него сзади, обезьянка вскочила на его плечи и руками закрыла его глаза. Фазан полетел ему прямо в лицо и совершенно оглушил его хлопаньем своих крыльев. Момотаро тоже не зевал и так работал своей палицей, что чудовище, корчась от боли, упало перед ним ниц и стало молить о пощаде, обещая отдать все свои сокровища¹⁸.

Пытавшиеся оказать помощь своему властелину *они* были ослеплены острым клювом фазана.

Тогда все население крепости выразило покорность Момотаро — „Персику“ — и принесло ему все свои сокровища. Тут были шапки-невидимки, кораллы, изумруды, мускус, амбра, золото и серебро.

Момотаро привез домой все эти богатства и содержал на них своих родителей до конца их дней. Долгие годы вместе с ним жили и его верные друзья: собака, обезьянка и фазан».

Возможно, что под влиянием этой сказки сложилось в народе поверье, что в новогоднюю ночь к берегам Японии пристает волшебный корабль счастья. Им управляют семь его добрых богов... А возможно, что эта сказка родилась и на основе древних легенд.

Пусть будет больше породненных городов

Прощальный вечер состоялся в ресторане «Суэхи-ро».

В небольшом, оформленном в японском стиле зале собрались представители руководства ОЯСС, активисты Общества. Пришли Сергей Петрович и Лидия Петровна Харины. Обязанность переводчика взял на себя Яги-сан.

Встретилась я на этот раз с уже знакомым по прошлой поездке в Японию г-ном Садахико Идэ, постоянным членом Правления Общества японо-советских связей. Сразу вспомнилось, как мы с Марет Ульвик посетили в местечке Курихама рыбный завод, как знакомились в Йокогама с работой упаковочных машин и прекрасно отметили день моего рождения. Идэ-сан очень гостеприимный хозяин.

Вместе с ним в один и тот же день мы тогда вылетели из Токио в Москву. В Советском Союзе Идэ-сан кроме Москвы побывал в Баку и Ленинграде. Позже он поделился своими впечатлениями от этих поездок. Ему очень понравился город Ленина, его музеи, архитектурные ансамбли. Интерес вызвало и знакомство с солнечным Азербайджаном.

— В Баку готовят отличные шашлыки,— похвалил он бакинских кулинаров.

Перед отъездом японский бизнесмен зашел в типографию газеты «Правда». Посмотрел, как трудятся его упаковочные машины. Работой их, как сказал, остался доволен.

...Прощальный ужин. Обмен впечатлениями, прогнозы на будущее.

Несколько слов сказал по-русски г-н Като. Он рад успешному развитию контактов японской и советской общественности. В таком же духе высказались и другие члены ОЯСС.

«Мягкой посадки в Москве» и «до новых встреч» пожелала мне г-жа Накати.

— Аригато!— поблагодарила я.

На другой день поднялась рано. Последнее утро в японской столице. Уже с вечера собрала чемодан.

Включила радио. Что нового произошло в мире за истекшие сутки?

Эрико-сан снимает в передней чуть намокший плащ.

— Япония плачет, прощаясь с вами, Ирина-сан. Посмотрите, какие крупные дождевые капли сбегают по оконному стеклу. Я подумала сегодня, когда шла к вам, что у вас все же было мало времени для знакомства со страной. Не посетили плавательный

бассейн в парке Каракуэн, сад на крыше «Спирали», городской спортивный зал с параболическими перекрытиями, музеи, картинные галереи...

— Эрико-сан! Нельзя объять необъятное. У меня было так много встреч с прекрасным, столько прошло перед глазами интересных людей! Я благодарна Обществу за все увиденное и услышанное. Немного жалею только об одном: не удалось побывать в Саката.

— Почему именно Саката?

— У меня к этому городу особенные, родственные чувства.

— Родственные?!

— Да, Эрико-сан.

Есть теперь на нашей планете породненные города, связавшие себя узами крепкой и бескорыстной дружбы. Ассоциация по связям советских и зарубежных городов была учреждена в 1964 г. Это движение, получившее ныне широкий размах, пользуется законным признанием.

У советских городов много побратимов. Есть они и в Японии, соседнем с Советским Союзом государстве.

Дружат между собой Ленинград и Осака, Хабаровск и Ниигата, Одесса и Йокогама, Братск и Нанао. Дальневосточный порт Находка породнен с японскими городами Майдзуру, Отару, Цуруга. Уже давно установились дружеские контакты у древнего Киото со столицей Украины Киевом.

Однажды мне довелось услышать рассказ о поездке в Киев одного из членов делегации муниципалитета Киото. Такая поездка состоялась в 1969 г.

— Десять лет дружеских контактов мы отметили очень дружески,— рассказывал японец.— Получился настоящий радостный праздник. Вместе с киевлянами взяли в руки лопаты и посадили в парке имени Десятилетия нашей дружбы молоденькие деревья. Потом узнали, что они хорошо прижились, пустили в землю надежные и крепкие корни. Порадовало и то, что теперь в Киеве есть улица Киото. В Японии тоже не забыли о советских друзьях. В сквере около здания муниципалитета установлен монументальный памятный знак Киева. Жители Киото всегда почтительно замедляют шаги, проходя мимо него.

Японский город Саката— побратим сибирскому Железногорску-Илимскому, в котором сооружен памятник акад. М. К. Янгелю.

Соглашение об установлении дружеских связей двух этих городов— советского и японского— было подписано в Улан-Удэ, где проходила встреча председателей горисполкомов Восточной Сибири и Дальнего Востока с

мэрами городов западного побережья Японии. Оно было составлено на русском и японском языках и подписано в октябре 1979 г.

В одном из зданий Железногорска-Илимского, выходящем своим фасадом на центральную площадь города, находится филиал Иркутского краеведческого музея. Один из залов в этом музее «японский». Здесь идет рассказ о породненном городе Саката.

На стенах картины, черно-белые и цветные фотографии. В витринах выставлены подарки: изделия из керамики и бамбука, одежда, посуда, игрушки, веера, палочки для еды. Почти всю стену при входе в зал занимают рисунки детей, присланные из Японии. Тут же в рамке Почетная грамота ССОД от 7 апреля 1986 г.: «За вклад в дело дружбы в связи с двадцатилетием Железногорска-Илимского».

Породненные между собой города молоды. Саката получил статус города в 1933 г. В 1980 г. его население уже превысило 100 000, и он стал вторым по численности населения в префектуре Ямагата. Были в жизни молодого города и трагические страницы. В 1976 г. сильный пожар почти полностью уничтожил центральную часть городского района. Пришлось все отстраивать заново. Вот тогда и было принято решение «сделать символом Саката голову льва».

В музее Железногорска на столике лежат две маски львов: одна черная, другая ярко-красного цвета.

— Обе эти маски нам подарили приезжавшие из Саката гости,— поясняет экскурсовод музея.— Они сказали, что лев в Японии считается священным зверем, способным отводить несчастья и заболевания. В новогодний праздник и во время фестивалей танцоры надевают маски, подобные тем, что хранятся теперь в нашем музее.

Подолгу рассматривают посетители музея фотографии города-побратима. На улицах зеленеют листвою деревья. Крыши домов традиционно украшены рекламой. Красиво смотрятся корабли, стоящие у причалов порта. А на большом цветном снимке—уже пожелтевшее поле риса с нависшими над ним облаками. Рису—основному сельскохозяйственному продукту страны—посвящены и другие фотографии.

Но дольше всего и взрослые, и дети задерживаются около рисунков японских ребятишек. Один малыш нарисовал дом и зеленую травку возле него. Второй изобразил лучистое солнце, освещающее землю. А на следующем рисунке японский сад, в пруду которого юный художник разглядел золотистую рыбку. И сколько здесь на рисунках порхающих бабочек, летающих

стрекоз, ярких цветов! И много, очень много нарисовано журавликов...

Журавлики — волнующая тема для всех японских детей. Они рисуют их, мастерят из бумаги и везут в Хиросиму. Растет гора журавликов, сделанных руками детей, у подножия памятника японской школьнице Садако Сасаки, пострадавшей от радиации во время атомной бомбардировки. Как и эта девочка, дети Японии верят, что их журавлики помогут побороть самую страшную в мире болезнь — «ядерную смерть».

Журавлики Хиросимы. Журавлики детских надежд..

Когда я улетаю из Токио, дождь прекратился. Из окна иллюминатора авиалайнера хорошо была видна уходящая все дальше и дальше земля Японии.

Прощаясь со мной на аэровокзале Нарита, Эрико-сан подарила мне сделанные из шелка цветы сакуры. Их было трудно отличить от настоящих.

— Нашла лишь в одном цветочном магазине, — сказала она. — Возвратившись в Москву, поставьте эти цветы в вазу. И вам будет казаться, что у вас в доме всегда весна.

...Я давно вернулась в Москву. Поздним вечером беру в руки томик стихов Басё. Как созвучны мне сказанные им когда-то в поэтической форме строки:

Прошел я сотни ри¹⁹.
За дальней далью облаков
Присяду отдохнуть.

Пер. В. Марковой

Смотрю на веточки дикой вишни, стоящие в вазе на письменном столе. И в памяти оживают сначала краски японской осени, потом нежная зелень весенней листвы и бело-розовое соцветие сакуры.

И я опять мысленно переступаю порог храма Сандзюсангэндо, где тянут ко мне тысячи невидимых рук статуи богини милосердия Каннон. Иду мимо злых и добрых богов. Застывшими глазами провожает меня пятиглазый бог змей и драконов. В Нара после свидания с Дайбуцу иду в Олений парк и кормлю московскими леденцами доверчивых священных оленей. И как хочется, вновь очутившись в Киото, пройти по веранде храма в философском саду Рёандзи и все же постараться сразу увидеть все пятнадцать камней...

Из далекого далека хлынули воспоминания. Захлестывают, как океанские волны, набегающие в штормовую погоду на чистый прибрежный песок.

«Сакура! Сакура! То ли облако это, то ли туман...» — так поется в японской песне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть первая

- ¹ В 1985 г. в г. Осака открылось Кансайское отделение ОЯСС.
- ² *Конрад Н. И.* Избранные труды истории. М., 1974, с. 195.
- ³ Японские трехстишия. М., 1973, с. 29—30.
- ⁴ Плиний Старший—древнеримский ученый, автор широко известной «Естественной истории», погиб, наблюдая за извержением Везувия.
- ⁵ *Овчинников В. В.* Сакура и дуб.—Роман-газета, 1987, № 3, с. 37.
- ⁶ Япония и ее обитатели. [Б. м.], 1904, с. 326.
- ⁷ *Овчинников В. В.* Ветка сакуры. М., 1975, с. 82.
- ⁸ 13 марта 1988 г. состоялась торжественная церемония открытия подводного тоннеля «Сэйкан».
- ⁹ Исэ моногатари. М., 1979, с. 217.
- ¹⁰ *Волландэ Григорий.* В Стране восходящего солнца. Очерки и заметки о Японии. СПб., 1903, с. 12.
- ¹¹ После кончины Хирохито 7 января 1988 г. (в возрасте 87 лет) монархом стал его сын Акихито. Период его правления будет называться «хэйсэй» («утверждение мира»). Официальная церемония коронации нового императора должна быть проведена в первую осень после истечения годовичного траура.
- ¹² *Арутюнов С. А., Светлов Г. К.* Старые и новые боги Японии. М., 1968, с. 78.
- ¹³ В 1979 г. в Японии был принят закон *гэнго* («система династийного исчисления»). По этому закону начало исчисления берется от периода, получившего название «переворот Тайка» (645—650).
- ¹⁴ *Иэнаго Сабуро.* История японской культуры. М., 1972, с. 41.
- ¹⁵ *Арутюнов С. А., Светлов Г. Е.* Старые и новые боги Японии. М., 1968, с. 10.
- ¹⁶ Япония. Ежегодник. М., 1987, с. 272.
- ¹⁷ *Арутюнов С. А., Светлов Г. Е.* Старые и новые боги Японии, с. 7.
- ¹⁸ *Пронников В. А., Ладанов И. Д.* Японцы. М., 1985, с. 62.
- ¹⁹ Там же, с. 63.
- ²⁰ *Арутюнов С. А., Светлов Г. Е.* Старые и новые боги Японии. М., 1968, с. 31.
- ²¹ *Бодхисаттва*—согласно буддийской мифологии, это существо, добившееся просветления, но отказавшееся от нирваны ради спасения всех живых существ на Земле.
- ²² *Арутюнов С. А., Светлов Г. Е.* Старые и новые боги Японии, с. 43.
- ²³ *Булгакова Е. М.* Япония и японцы. М., 1889, с. 114.
- ²⁴ *Пронников В. А., Ладанов И. Д.* Японцы, с. 76.
- ²⁵ *Симонов К.* Рассказы о японском искусстве. М., 1958, с. 7.
- ²⁶ На конец марта 1987 г. население Японии составило 121 370 тыс. человек.
- ²⁷ *Верн М.* Современная Япония. (Из записной книжки моряка). Ч. 2. Япония. М., 1882, с. 16.
- ²⁸ Там же, с. 17.

- ²⁹ *Волландэ Григорий*. В Стране восходящего солнца. СПб., 1903, с. 176—177.
- ³⁰ *Арутюнов С. А., Светлов Г. Е.* Старые и новые боги Японии. М., 1968, с. 15.
- ³¹ *Маркарьян С. Б., Молодякова Э. В.* Земледельческие праздники.—Азия и Африка сегодня. 1988, № 4, с. 60.
- ³² Японское искусство. М., 1959, с. 39.
- ³³ *Цветов В. Я.* Пятнадцатый камень сада Рёандзи. М., 1986, с. 83.
- ³⁴ *Латышев И. А.* Семейная жизнь японцев. М., 1985, с. 111.
- ³⁵ Там же, с. 114—115.
- ³⁶ *Верн М.* Современная Япония, с. 7.
- ³⁷ *Волландэ Григорий*. В Стране восходящего солнца, с. 127.
- ³⁸ *Маркарьян С. В., Молодякова Э. В.* Земледельческие праздники.—Азия и Африка сегодня. 1988, № 4, с. 57.
- ³⁹ Там же, с. 60.
- ⁴⁰ *Томилина О. Н.* Нэцкэ. Японское искусство. М., 1959, с. 123.
- ⁴¹ *Пронников В. А., Ладанов И. Д.* Японцы, с. 199.
- ⁴² *Садакичи Гартман.* Японское искусство. СПб., 1908.
- ⁴³ *Сэй-Сёнагон.* Записки у изголовья. М., 1977, с. 3.
- ⁴⁴ Там же, с. 10.
- ⁴⁵ Исэ моногатари. М., 1979, с. 16.
- ⁴⁶ См. *Глускина А. Е.* Манъёсю. М., 1971—1972.
- ⁴⁷ Восток. Сб. 1. Литература Китая и Японии. М., 1935, с. 166.
- ⁴⁸ *Сэй-Сёнагон.* Записки у изголовья. М., 1988, с. 294.
- ⁴⁹ Там же, с. 293.
- ⁵⁰ Там же, с. 294.
- ⁵¹ Там же, с. 14.
- ⁵² *Воронова Б. Г.* Из истории японской гравюры. Японское искусство. М., 1959, с. 41.
- ⁵³ *Гришелева Л. Д.* Формирование японской национальной культуры. Конец XVI—начало XX века. М., 1986, с. 47.
- ⁵⁴ *Гришелева Л. Д.* Театр современной Японии. М., 1977, с. 79.
- ⁵⁵ *Кирквуд К.* Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия. М., 1988, с. 101—102.
- ⁵⁶ *Конрад Н. И.* Японский театр. Л., 1928, с. 17.
- ⁵⁷ *Гришелева Л. Д.* Театр современной Японии, с. 80.
- ⁵⁸ *Конрад Н. И.* Японский театр, с. 17—18.
- ⁵⁹ *Тэцуо Миура.* Блуждающий огонек. М., 1985, с. 67.
- ⁶⁰ Там же, с. 107.
- ⁶¹ Там же, с. 13.
- ⁶² Цит. по: *Брокгауз-Ефрон.* Япония и ее обитатели. СПб., 1904, с. 269.

Часть вторая

- ¹ *Кусаянаги Тэйдзо.* Гэндай ококу рон (Современное королевство). Т. 2. Токио, 1966, с. 128.
- ² Япония 1986. Ежегодник, 1987, с. 207—208.
- ³ Специализированный астрофизический модуль «Квант» был выведен на околоземную орбиту 31 марта 1987 г. с помощью ракеты-носителя «Протон». Пилотируемый космический комплекс «Мир»—«Квант»—«Союз ТМ-2» длиной в 35 м и массой 51 т.
- ⁴ 7 и 12 июля 1988 г. в Советском Союзе были осуществлены запуски автоматических межпланетных станций «Фобос-1» и «Фобос-2». Станции весом по 6200 кг выведены на траекторию полета к Марсу четырехступенчатыми ракетами-носителями «Протон».
- ⁵ 13 августа 1986 г. в Японии были выведены на орбиты два небольших искусственных спутника Земли, получившие названия «Фудзи» и «Адзисай» («Гортензия»). Первый (масса 50 кг)—для

связи между радиолюбителями, второй (масса 680 кг)—отражатель для наземных лазеров при проведении геодезических измерений. Для запуска этих спутников впервые была использована японская ракета-носитель «Эйч-1» (двухступенчатый вариант).

27 августа 1987 г. ракета «Эйч-1» (трехступенчатый вариант) вывела на геостационарную орбиту экспериментальный навигационный спутник «Кику-5» (масса 550 кг).

Эти запуски—важный этап в космической программе Японии, позволяющий ей обрести независимость от США в области ракет-носителей.

⁶ См.: *Конрад Н. И.* Японский театр. Л., 1928, с. 46.

⁷ Японское искусство. М., 1959, с. 31.

⁸ *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 1. М., 1981.

⁹ Япония и японцы. М., 1899, с. 123—124.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Симонов К.* Япония 46. М., 1977, с. 150—151.

¹² Цит. по: Японская литература. Исследования и материалы. М., 1959, с. 137.

¹³ Там же, с. 145.

¹⁴ *Ефимов М. Б.* Японские вертикали. М., 1987, с. 157.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Подробно о японской гравюре можно прочесть в книге «Японское искусство», вышедшей в 1959 г., в которой помещена статья Б. Г. Воронова «Из истории японской гравюры».

¹⁷ *Маркарьян С. Б., Молодякова Э. В.* Земледельческие праздники.—«Азия и Африка сегодня». 1988, № 4, с. 58.

¹⁸ Японские сказки. Добрые сыновья. СПб., 1899, с. 44.

¹⁹ Мера длины *ри* равна 3,927 км.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия <i>К. О. Саркисов</i>	3
Два прекрасных времени года	5
Часть первая. К берегам Японского архипелага	8
Какая она, Япония?	8
О каплях, упавших в море	29
Верующих больше, чем жителей	32
Первые впечатления	38
Выше Эйфелевой башни	43
Под крылом самолета Фудзи-сан	54
В древнем Киото	70
Немного о прошлом	88
Тысячи рук богини Милосердия	93
Знакомство с «Кабуки»	102
На самой высокой отметке	106
Бамбуковый медведь и немного лирики	111
Машины, которые пакуют, и рыба	120
Мы говорим: «До свидания»	124
Часть вторая. Цветет сакура.	127
Интервью в издательстве «Асахи симбун»	127
Национальная гордость страны	142
Будет и на Марсе сакура цвести	145
На двух пальцах Дайбуцу уместятся шестеро	148
Хрусталики Федорова, роботы и дельфины	163
То ли туман, то ли облако	172
Как вы живете, женщины?	175
В рыбном царстве	179
Какая забавная Матрешка!	184
Пусть будет больше породненных городов	194
Примечания	198

1 р. 30 к.

